

"Любовь под горячую руку"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ГЛАВА 1.

Это уже точно, доктор?

Ну, не на сто процентов, конечно, но я практически уверен. — Пожал плечами пожилой доктор. — Кровь сейчас сдадите в двадцать втором кабинете, пошлем на анализ мазки... Но в целом картина совершенно понятная.

Врач стянул с рук тонкие резиновые перчатки и бросил их в мусорную корзину под раковину, включил воду и начал тщательно мыть пальцы. Методично один за другим, один за другим... Я, как замороженная, смотрела на брызги воды, разлетающиеся во все стороны. Доктор обернулся и сказал :

Ну что же вы сидите, милочка? Одевайтесь, и прошу к столу.

Я торопливо слезла с кресла, натянула джинсы. Так неловко я не чувствовала себя довольно давно. Пожалуй, за последние несколько лет я впервые растерялась настолько, что даже собственные руки не хотели слушаться. От резких и неловких движений волосы, собранные в пучок, вдруг обрели свободу и беспорядочно рассыпались по плечам, скрепки, до этого довольно надежно удерживавшие прическу, так и брызнули во все стороны. Я наклонилась за одной из них, задела мусорную корзину, которая, упав на бок бесшумно откатилась в угол. Уставившись на нее, я медленно разогнулась, и, так и не подняв скрепки, не поставив на место корзину, села на кушетку и начала шнуровать кроссовки.

Так, надо немедленно взять себя в руки. Немедленно! Ничего же не случилось. Просто, известие доктора было неожиданным и застало меня врасплох. Но это же ерунда! В каких только переделках не приходилось мне бывать по роду своей службы! И всегда, всегда умела справиться со своими эмоциями. Моего самообладания хватало на всех. Не даром меня постоянно ставили в пример на оперативках и собраниях. Благодаря уму и выдержке, я получила повышение, и теперь меня беспрекословно слушаются гордые и независимые представители противоположного пола. А тут... Да ничего особенного, в сущности, и не случилось. Подумаешь, беременна... Ну и что? На то я и женщина. С нами время от времени случаются подобные неприятности. Наверное, бог послал мне такую неожиданность специально, чтобы напомнить об этом. Я и сама порой чувствую, что частенько забываю о том, что я женщина...

С силой потерев ладонью лоб, я смогла взять себя в руки. Чтобы окончательно успокоиться, я полезла в сумку за расческой.

Доктор, сидя за столом, что то писал, то и дело понимающе поглядывая на меня поверх очков. Несомненно, я не первая «мамаша», принявшая известие о беременности, как удар ниже пояса. Врач по опыту знал, растерянность довольно быстро проходит, и терпеливо ждал окончания моих душевных метаний. Мне стало еще более неловко за свою слабость. Я тряхнула так и не скотытыми волосами и решительно направилась к столу.

Ну что же... — Доктор мельком глянул на мою карточку, — Тамара Владимировна, на первый взгляд все выглядит довольно оптимистично. Нужно, конечно, дождаться анализов, но я думаю, что с вами и ребенком полный порядок. Вы обратились ко мне по поводу сильной

утомляемости и головокружений, так это в Вашем положении достаточно распространенное явление. Попейте витаминчиков, немного измените распорядок дня, и состояние придет в норму. Конечно, учитывая ваш возраст, стоит повнимательнее отнестись к своему новому положению. В первую очередь бросить курить, это уж, милочка, непременно. Побольше гулять, особенно полезны пешие прогулки... Ну, в принципе, пока все. Придете в пятницу, с анализами в руках мы с Вами поговорим более конкретно и детально.

— Скажите, Лев Антонович, — я оправилась настолько, что смогла даже вспомнить имя доктора, — какой у меня срок?

Около шести недель. Может, чуть больше.

Аборт, насколько я знаю, делают до двенадцати недель?

Ну что же Вы, милочка? Радоваться же надо. А Вы сразу — аборт. — Всерьез расстроился Лев Антонович. — У Вас другие дети есть?

* * *

— Матерью побыть мне не пришлось. — Сухо ответила я. Говорить на эту тему было мучительно. — К сожалению.

Ну вот! — Обрадовался он. — Судьба дает Вам последний шанс. Учтите, другого, да еще после аборта, Вы точно не дождетесь.

Я не замужем...

Тем более, — перебил меня врач. — Поверьте мне, нет ничего печальнее одинокой старости.

Вряд ли мне это грозит. При моей работе я порой мечтаю о покое и одиночестве, только редко скучать удается.

Ну, как знаете. — Печально подвел итог Лев Антонович. — Карьера тоже дело полезное. Сейчас допишу результаты осмотра и отпущу Вас на службу. Потерпите минуточку. — Не глядя на меня, он начал снова что то строчить в моей карточке. Потом закрыл ее и отложил на край стола. — Результаты анализов будут к пятнице. Заходите, когда время выкроите. А сейчас идите в двадцать второй кабинет, там у Вас кровь возьмут. Вот направление. Скажите там, пусть следующая заходит.

Из больницы я вышла спустя пятнадцать минут. Шаров, ожидавший меня в машине, крепко спал, даже не потрудившись откинуть сиденье.

Чем ты ночью занимаешься, Андрей? Стоит оставить тебя на пять минут, и ты немедленно впадаешь в спячку. Как хомяк, ей богу. — Я хлопнула дверкой сильнее обычного.

Какие то неприятности, Тамара Владимировна? — Парень, позевывая, взялся за ключ зажигания.

Не говори глупостей, Андрей. Давай ка быстренько в управление. Мы уже опоздали везде, где можно.

Бледная Вы какая то. Не завтракали что ли? — Заботливо поинтересовался Шаров, ловко маневрируя между машинами.

Ты не на меня, на дорогу смотри, — начала раздражаться я. — Я со своими проблемами как-нибудь сама разберусь.

Да я просто хотел предложить купить бутербродов по дороге, перекусить ...

Тебя жена молодая не кормит что ли? Не спишь, не ешь... Так и загнуться недолго, Андрюш.

Мне Тамара Владимировна, ее будить жаль по утрам. В отпуске она, так чего подниматься то не свет, ни заря.

Ясно. Грязнов не звонил?

Звонил, сто раз уже. Там у них ЧП какое то. Ребенка похитили. Макс с ребятами уже выехали на место, Вас дожидаться не стали...

И чего же ты молчишь? Почему из тебя клещами вытягивать нужно? — Я злилась и ничего не могла с собой поделаться. — Давай сразу туда. Грязнов адрес назвал?

Я не записал. Чернила в ручке кончились. — Начал оправдываться парень.

Знаешь, Шаров, смотрю я на тебя и удивляюсь, как может быть настолько наплевать на работу? По телефону ответить и то не можешь!

Брали бы трубку с собой, — пробурчал Андрей.

Я и машину сама водить умею, и по телефону отвечать. На фига ты мне сдался? Останови машину.

«Волга» замерла у тротуара.

Вылезай и чеши в управление пешком.

Вы что, Тамара Владимировна? — Растерялся Андрей. — Я же пошутил.

Зато я не шучу. Все равно от тебя никакой пользы нет. Иди, дела закрытые готовь к сдаче в архив. — Я понимала, что веду себя резко и, возможно, не совсем справедливо, но остановить раздражение не было сил.

Но Вас же Панченко вызывал... — Неуверенно напомнил Шаров. — Может, к нему сначала?

Иди уже. Вернусь, зайду к начальству. Ты о себе беспокойся. Имей ввиду, приеду, в первую очередь проверю, сколько дел подшил. А то знаю я тебя, придешь и опять дрыхнуть завалишься. — Андрей насупился и, засунув руки поглубже в карманы, не оборачиваясь размашисто зашагал в сторону автобусной остановки. Я несколько секунд смотрела ему в след, потом медленно тронулась с места. Почему то стало немного стыдно перед Шаровым. Хоть и были мои слова полностью справедливыми, парень действительно обленился последнее время страшно. Как женился месяц назад, так и забросил работу к чертовой матери. До этого дня я как то мирилась с этим, а сегодня просто не сдержалась и высказала Андрею все, что думаю. В самом деле, семья семьей, но и об обязанностях забывать нельзя. Иначе, в скором времени младшему лейтенанту Шарову придется искать новое место службы.

Мои размышления прервал телефонный звонок. В трубке я услышала голос Максима Грязнова, моего заместителя.

Тамара, ты освободилась? Андрей сказал, тебя Панченко вызывал?

Подождет. Я еще не успела до управления доехать. Сейчас к Вам заскочу, потом уж к начальству. Диктуй адрес.

Я ехала по городу и изо всех сил гнала от себя мысли о том, что сказал мне Лев Антонович. Последний шанс. Он прав. Последний.

Шанс на что? На семью? На счастье? На материнство?... На будущее... Шанс на будущее. Да так, наверное, правильно. От моего сегодняшнего решения зависит, каким оно будет, мое будущее?

Как же могло так случиться, что судьба поставила меня перед столь тяжелым выбором? Зачем испытывать меня, прошедшую и огонь, и воду, и медные трубы, еще и столь изощренным способом? Сейчас, когда жизнь моя, казалось бы, успокоилась, я достигла определенных вершин в карьере, когда вопросы личного и любовного плана практически отошли на второй план, вдруг сваливается на голову ребенок. И что? Теперь в сорок лет снова пускаться во все тяжкие, бросать работу, планы на будущее, карьерные амбиции и превращаться в курицу-наседку, живущую только для своего чада? Даже я сама не могу представить себя в переднике над корытом с грязными пеленками. Железная леди, Горгона Медуза, как меня за глаза называют подчиненные, пускающая сопли умиления над голой попкой и розовыми пальчиками младенца! Смешно? Смешно. У меня нет тетушек и бабушек, готовых взять на себя воспитание моего будущего ребенка, нет средств для того, чтобы полностью поручить заботы о малыше квалифицированной няне. Придется не спать ночами, стирать, гладить с утра до ночи, вытирать сопли, бегать на детскую кухню за кефиром. Сидеть на лавочке у подъезда, качая ногой коляску и слушая последние сплетни из уст местных старушек. Такие перспективы в сравнении с моим сегодняшним существованием, казались просто чудовищными. Сейчас я даже телевизор смотрю очень редко, и то если это требуется по работе. Мне некогда переживать за судьбы бесконечных сериальных героинь, слушать глупейшие ток-шоу, где на полном серьезе в течении часа могут рассуждать о том, как кактусы влияют на активность головного мозга. Вставая утром, я плотно завтракаю, так как не знаю, во сколько смогу вернуться на свою кухню, выберу ли время пообедать. Иногда срочное расследование может задержать в кабинете и на ночь, порой заносит в другой город, о существовании которого накануне я и не подозревала. А нужно ведь еще и хорошо выглядеть. Раз в две недели я бросаю все свои проблемы и посвящаю три часа Салону красоты, где мне делают маникюр, массаж, приводят в порядок кожу и волосы. Пожалуй, это единственная женская слабость, от которой я не могу отказаться. Моя единственная подруга Оксана, во время своих редких посещений смотрит на меня с болью и состраданием. Вслух она, конечно, не говорит, но я же вижу, как она жалеет меня за не сложившуюся бабью долю и плохо обустроенный быт. Я не раз объясняла ей, что только так и представляю свое счастье. Свое! Именно свое, личное. У других оно, может, иное, а вот мое такое. Ксюха кивает головой, соглашается для виду, но я понимаю, как не просто ей, матери двоих очаровательных малышей и жене «самого заботливого на свете» супруга, понять и принять мою точку зрения.

Конечно, и я пыталась создать в своей жизни эту самую семейную идиллию, о которой снимают фильмы, и слагаются песни. Пыталась, и не раз. Только всегда в ней чего то не хватало, косоило на один бок, равновесия не было. Поэтому видать и давала идиллия неизбежную трещину, а потом и вовсе рассыпалась на тысячу острых осколков. Больно, обидно. После последней попытки я поставила крест на своей любовно-синтементальной карьере, отдалась работе без остатка и, наконец то, почувствовала себя счастливой. Честное слово! И вот теперь опять такая встряска.

«Волга» подъехала к дому, номер которого продиктовал мне Максим. Кстати говоря, он мог и не указывать адрес так точно. Только свернув на улицу Энгельса, я сразу увидела деревянный дом с веселеньким палисадником, практически окруженный любопытными соседями, которых милиционер у входа не пускал внутрь. Картину завершали три машины с мигалками у забора. Видно, произошло, действительно что то серьезное, раз прибыло столько сотрудников. Я тряхнула так и не заколотыми волосами. Надо переключаться на работу. Оставив все свои проблемы в душном салоне «Волги», я прошла в дом.

Тамара Владимировна! Я здесь. — Окликнул меня Грязнов. — Мы тут практически все закончили, Женщину Скорая полчаса назад увезла. Она в шоке. В сознании, но говорить не в состоянии пока.

Я огляделась. Обстановка в доме в целом производила приятное впечатление. Хорошая мебель, ковры, хрусталь за натертыми до блеска стеклами серванта. На круглом столе посреди комнаты разложены книги. Я подошла и взглянула поближе : в основном учебники. Из-под книг виднелись тетради, ручки, пара газет. В углу комнаты находилась еще одна дверь.

Что там? — Я глазами указала интересующее меня направление.

Детская. — Коротко ответил Максим. Я прошла в соседнее помещение. Солнечная уютная комната по-видимому действительно предназначалась ребенку. Причем грудному. У окна стояла колыбель под пологом веселенькой расцветки, у двери притулился столик для пеленания, у противоположной стены на тумбочке громоздилась целая куча баночек и пузырьков, среди них я заметила тальк, детский крем, пару пустышек. На подоконнике рассыпаны несколько пачек таблеток. В кресле валялся трогательный детский комбинезончик с заячьими ушками на капюшоне. Все вещи в детской, похоже, находились на своих местах. Светлый ковер на полу был чистым. В комнате, где сейчас работали криминалисты под руководством Грязнова, напротив, царил полнейший хаос. Валяющиеся на полу стулья, битое стекло, заляпанный чем то пол. Вещи в одежном шкафу вроде в относительном порядке, но все дверцы распахнуты, ящики выдвинуты. Может, это сделали наши ребята в процессе работы, они судя по всему находятся в доме никак не менее часа.

Кто заявил в милицию?

Соседка. — Откликнулся Макс, не отрывая глаз от протокола осмотра места происшествия. — Они с потерпевшей по очереди ходят на детскую кухню за питанием. Дети почти одного возраста, вот женщины и скооперировались. Пока одна добывает пищу, вторая нянчится с обоими малышками.

Ясно. — Перебила я Грязнова. — Что дальше? Почему решили, что похищен ребенок?

Во-первых, его нет в кровати, а потом мать, находясь в шоке, постоянно повторяла имя дочери. В принципе, еще ничего не ясно. Похищение признано, как рабочая версия.

Ну, в общем и целом я свою работу закончил. — Радостно сообщил эксперт. Миша всегда, не взирая на обстоятельства, находился в приподнятом настроении. Улыбка сходила с его лица только во время еды и, наверное, сна. Хотя во сне он тоже, вероятно, радуется. Такой оптимизм порой коробил, особенно, когда Михаил с видимым удовольствием показывал нам, замеченные им на очередном трупе увечья и повреждения. Мы то почти привыкли, а вот понятых его веселье нередко шокирует. — Все сфотографировал, пальчики откатал везде, где смог подлезть. Девушку, Тамара Владимировна, еще до Вас в неотложку отправили, ее тоже сфотографировать успел. Шикарная, скажу я вам, брюнетка!

Миша, заткнись, а. — Я указала глазами в дальний угол, где испуганно жались понятия, пожилые мужчина и женщина, похоже, семейная пара из соседей. — В детской был?

Естественно. И во всех других помещениях тоже. Нарыл парочку окурков столетней давности, следы кой какие в саду. Приеду в контору отчет составлю и прямо Вам на стол.

Значит, сворачиваемся? — Я вопросительно повернулась к Максиму. В профессионализме подчиненных я не сомневалась. Если Михаил сказал, что все осмотрел, значит, так оно и есть.

В принципе, да. Сейчас понятия протокол подпишут, и закончу. Панков тоже вот-вот появится, я его отправил соседей опрашивать. Хотелось бы, правда, еще мать потерпевшей дожидаться. Мы ее сразу по приезду известили, прибыть должна, по идее, с минуты на минуту.

Она именно сейчас нужна?

Соседка, нас вызвавшая, с потерпевшей в особо близких отношениях не была, затрудняется утверждать пропало ли что ценное или нет...

Понятно. Хочешь сразу определиться ограбление это или что то другое?

Хотелось бы, Тамар, хоть в чем-то определиться. — Вздохнул Грязнов.

В это время с улицы послышался шум. Глянув в окно, я увидела, как заволновались зеваки, окружившие дом. Похоже, у калитки происходило что то интересное. Я вышла на крыльцо. Женщина лет пятидесяти, пыталась пробиться к дому, милиционер не пускал. Она судя по всему прибыла на такси, которое еще не отъехало, тщетно пытаясь развернуться на узкой дороге, заполненной толпой зевак. Женщина даже не думала объяснить что либо милиционеру у калитки. Устремив глаза на окна дома, она молча прокладывала себе дорогу к крыльцу.

Сержант, пропустите. — Крикнула я, тот посторонился, и женщина влетела во двор. Не задерживаясь, она пронеслась мимо меня и устремилась в дом.

Где Сашенька, где Вика? Что с ними? — Она с тревогой осмотрела комнату и бросилась в детскую.

Евгения Леонидовна, если я правильно понял? — Макс встал и официально представился:

— капитан Грязнов Максим Петрович. Это я Вам звонил.

Что здесь случилось? Где девочки? — Прошептала бедная женщина.

Успокойтесь, пока ничего ужасного не произошло. Виктория Павловна в больнице, особых повреждений у нее нет...

А девочка? Где моя внучка?

Вот этого Евгения Леонидовна, мы пока не выяснили. Думали, может, Вы нам поможете разобраться с этим. Для начала осмотритесь, не пропало ли чего из квартиры Вашей дочери?

Женщина растерянно огляделась, потом подошла к шкафу, постояла, глядя в раскрытые дверки. Медленно обойдя комнаты, кухню, ванну она вернулась к нам.

Все на месте. У Вики ничего особо ценного не было. Телевизор, магнитофон, шуба — все на месте. Может, что-то и пропало, но ценное все на месте. Цепочка, серьги и то в рюмке лежат,

как обычно. Скажите, где Сашенька?

Мы выясним это непременно. — Как можно более уверенно произнес Макс. Мне тоже хотелось верить в это его заявление.

Ваша дочь учится в институте? — Женщина живо обернулась, услышав мой голос.

В медицинском. Она всю жизнь мечтала стать доктором. У нее призвание. И учится она на одни только пятерки. Сейчас у нее сессия. — Евгения Леонидовна говорила быстро и громко, как будто боялась, что ее перебьют. — Когда она вышла замуж и забеременела, то перешла на заочный, чтобы год не терять.

Во время учебы или экзаменов, куда Виктория деваает свою дочь?

Так ко мне привозит, я с ней сижу. А когда зачетная неделя, то я живу здесь и нянчусь с малышкой.

А муж?

Кто? — С удивлением глянула на Макса женщина.

Вы же сами сказали, что Виктория вышла замуж. Где этот мужчина?

Мужчи-и-на. — Презрительно протянула Евгения Леонидовна. — Разве же это мужчина? Поигрался в семью, потом устал видишь ли от всего и удалился во свояси... Муж! Одно название. Ни денег, ни заботы, ни внимания.

Не жалуете Вы зятя, Евгения Леонидовна. — Заметила я. — Зачем же ваша дочь с ним связалась, раз он так уж плох?

Глупая еще, девчонка совсем. Она до сих пор не понимает, с каким ничтожеством породнилась. Надеется, назад прибежит любимый. Только он не особо что то торопится.

Как он к дочери относится? Навещает?

Сначала даже грозился отсудить девочку, сюсюкал театрально над кроваткой, потом и это ему надоело. Стал реже появляться. Последние пару месяцев мы его не видели ни разу. Пустой человек. Трясогузка.

А где он живет, чем занимается? — Максим взял ручку и приготовился записывать.

Зовут зятя Игошин Денис Олегович. Двадцать девять лет, продавцом работает. Унитазами торгует. Правда сам он это называет : менеджер в отделе сантехники. Тоже мне, менеджер! Живет остановки за четыре отсюда, в двухкомнатной хрущевке. Адрес там у Викуси в книжке записан. Больше ничего сказать не могу.

Спрашивать женщину о зяте дальше не имело смысла. Ясно, что кроме негатива, вероятно довольно предвзятого, мы ничего не услышим. Поэтому, оставив Панкова опечатывать помещение, мы с Максом в сопровождении Евгении Леонидовны направились к калитке. На крыльце женщина остановилась и с удивлением уставилась на землю.

Вы что же, отправили Викусю в больницу на машине? — Возмущенно спросила она.

Конечно, она не в состоянии была идти пешком. Вызвали Скорую помощь, все, как

положено. — Растерялся Грязнов. — А в чем дело?

Скорую? — Повторила Евгения Леонидовна. — А где же Викина машина? Вчера вечером она стояла вот тут, перед домом. Она всегда здесь стоит. Даже зимой. Дочка гараж все никак не построит.

Может, на стоянку отогнала?

Зачем? — Удивилась женщина. — Ворота запираются, сигнализация опять же... Да она тут уж два года стоит...

Все ясно.

Думаете это из-за машины?

Вряд ли, — с сомнением ответил Макс. — Зачем в дом то лезть, крушить мебель? Не за ключами же. Ворота на щеколду всего лишь закрыты, ключи зажигания для специалиста вообще не нужны... Нет, думаю, машину если и взяли, то не как главный приз... Давайте, диктуйте все, что помните о машине: марку, год, цвет, отличительные приметы, если таковые имеются. — Грязнов достал ручку и приготовился записывать. Когда с этим было покончено, он отошел в сторону и сделал запрос в ГАИ по поводу автомобиля. Мы с Евгенией Леонидовной остались одни.

Вы не могли бы послать со мной милиционера? А то я боюсь он не отдаст мне Сашеньку. — Вдруг обратилась ко мне женщина.

Кто он? Вы что знаете, кто похитил девочку? Зачем же Вы нам голову морочите? — Возмутилась я.

Раз пропали машина и девочка, значит они у Дениса. — Уверенно произнесла моя собеседница.

С чего вдруг такая уверенность?

Это единственные две вещи, на которые претендовал мой зять, бросив Вику.

Вы же сами только что утверждали, что ребенок ему не нужен. — Устало возразила я. Неоправданная ненависть тещи к зятю меня утомляла.

Да просто он знал, что дорого моей дочери и стремился всеми силами лишить ее радости и вывести из равновесия. Нужно срочно забрать у него девочку, он и кормить то ее не умеет, накормит гадостью какой-нибудь, потом лечить малышку придется.

Если бы все было так просто, Евгения Леонидовна! Боюсь, все намного хуже. Судя по шокowому состоянию Вашей дочери, она не на шутку испугалась, вряд ли ее муж настолько ужасен.

Да он на все способен... — Горячилась женщина.

Поосторожней, Евгения Леонидовна. Обвинения без доказательств называются клеветой. Мы, конечно, навестим Вашего зятя, и не только навестим. Но не обольщайтесь, что девочка находится у него. Сейчас поедem в управление, там мой коллега еще раз внимательно выслушает все, что Вы сможете ему рассказать, ответите на интересующие нас вопросы, и мы

решим, как действовать дальше. Я прошу Вас, отвлекитесь не на долго от мыслей о зяте и постарайтесь вспомнить, может, что то случилось накануне или еще раньше. Подумайте.

Я оставила Евгению Леонидовну с возвратившимся Грязновым, села в «Волгу» и отправилась туда, куда ехать хотелось меньше всего. На прием к Панченко. Моему непосредственному начальнику.

ГЛАВА 2.

Вы не торопитесь, Тамара Владимировна! — Желчно сообщил Панченко. — Могли меня и не застать. Я через десять минут уезжать собирался.

«Слава тебе, господи, — подумала я. — Значит больше десяти минут он меня мучить не сможет.» Вслух же сказала:

Иван Тарасович, я на вызов ездила. Похищение ребенка.

Мне докладывали. — Проворчал начальник. — Совершенно не обязательно было самой туда тащиться. Повторяю Вам в который раз, Ваша задача воспитывать сотрудников, чтобы они сами могли действовать, не нуждаясь в вашем присутствии. САМИ! Улавливаете разницу? Учитесь из кабинета руководить, особенно если Вас руководство вызывает.

Извините, я думала, дело особой важности...

Доверять надо людям. На то мы и начальство! — Поучительно выдал Панченко. — Я Вас вот зачем вызывал.

«Наконец то к делу перешел,» — обрадовалась я, слушая не очень внимательно, я всеми мыслями была в кабинете Грязнова, где шел допрос Петровой Евгении Леонидовны.

Тут дело такое. У полковника Зайцева жена на даче все лето живет. — Я с удивлением посмотрела на Панченко. Какое нам может быть дело, как проводит свое свободное время госпожа Зайцева? — Так вот, к ней на огород повадился лазить какой то пакостник. Грядки портит, вчера теплицу разбил... Не надо на меня так смотреть, Тамара Владимировна. Я тоже выполняю распоряжение начальства. Приказано выделить человека, для выявления злостного хулигана. — Он замолчал и приготовился выслушивать мои возмущенные высказывания. Что они последуют незамедлительно, зная мой характер, Иван Тарасович не сомневался. Но сегодня я была не настроена доказывать очевидные истины. Просто так, для порядка спросила:

Но там же не наш участок. В местное отделение милиции обращаться не пробовали?

Вам знакомо такое выражение, «честь мундира»? — Патетически поинтересовался Панченко.

Мундир то тут при чем?

Не умничайте, Тамара Владимировна. С таким отношением к делу я просто удивляюсь, как Вы до майора дослужились. Насколько я знаю, и дальше собираетесь карьеру делать?

Хорошо, я выделю человека на борьбу с сельскими мародерами. Когда ему приступить к выполнению задания? — Вздохнула я.

Ну, набеги в основном по ночам происходят. — Обрадовался начальник. Похоже, он не рассчитывал на столь легкую победу. — Но он пусть пораньше выезжает, осмотрится там на

местности.

Засаду оборудует, — продолжила я его мысль. — Оружие выдавать?

Пусть возьмет на всякий случай. — Без тени улыбки кивнул Панченко. После этого он уткнулся в бумаги в беспорядке разложенные у него на столе, всем своим видом давая понять, что аудиенция закончена.

* * *

Вернувшись в кабинет, я позвонила Грязнову. Узнав, что допрос Петровой закончен, я велела его группе собраться у меня. Когда ребята расселись, я сказала:

Сегодня на повестке дня у нас похищение Александры Денисовны Игошиной. Предлагаю полностью сосредоточиться на нем. Ребенка, по возможности, нужно найти в кратчайшие сроки, почему, надеюсь, объяснять не приходится. — Оперативники закивали головами. — Отлично. Да, кстати. Шаров. — Андрей вскочил. — Даю тебе два часа, чтобы попрощаться с женой.

Вот бедолага. Куда его, на поселение, или сразу в расход? — С притворным ужасом громко прошептал Дима Панков.

Отправляем в командировку младшего лейтенанта. — Спокойно пояснила я. — Перед убитием получите оружие.

Надо же. Куда его? — Заинтересовались теперь уже все.

Поедете один, — как ни в чем не бывало продолжала я. — Сориентируетесь на местности. Задание не простое, требует отваги, смекалки и выдержки. Будете охранять покой и имущество жены полковника Зайцева на территории приусадебного участка дачного кооператива «Заря». — За столом грянул хохот. Щеки Андрея покрылись пунцовыми пятнами. Максим посмотрел на меня с удивлением, но ничего не сказал, только недоуменно пожал плечами.

Повезло тебе, Андрюха! — Мечтательно протянул со своего места эксперт Миша. — У полковника жена, просто конфетка.

Да иди ты! — буркнул парень. — Ему уж лет шестьдесят, если не больше.

Так то ему. — Усмехнулся Грязнов. — А Зинаиде двадцать четыре на днях стукнуло. Ты смотри, там не опозорься, а то заснешь, как обычно, в самый неподходящий момент.

Так, Шаров, задание поняли? — Перебила я словесную баталию. — Вот адрес. Идите. А мы вернемся к делу. Значит, быстренько высказываем свои соображения. Начнем с Вас, Дима.

Я занимался опросом соседей. — Панков сразу посерьезнел и уткнулся в свои записи. — На этом этапе узнать удалось крайне мало... — Он полистал страницы. — Так. Соседи слева. Всю ночь и даже вечер слышали плач ребенка. Вообще слышимость тут, сами понимаете, не то что в квартирах, участки не больно большие, но все же приличные. Но благодаря тому, что ночь стояла довольно душная, окна у всех практически открыты... Значит, часам к трем девочка, видимо, успокоилась. По крайней мере, у Игошиных тихо стало. Часов в пять слышали, как заводится машина. Все... Теперь соседи справа. Приблизительно то же самое. Утверждают еще, что шум в доме слышали около половины седьмого. Вроде, стекло разбилось. Внимание не очень обратили, собирались на работу. То же подтверждают соседи сзади. Их калитка выходит

на другую улицу, но дом задней частью почти касается Игошинского. Они по поводу машины ничего сказать не могут, палисадник от них далеко, а вот по поводу грохота в квартире в районе шести тридцати подтверждают. У меня пока все. Таким образом подводя итог, мы можем с уверенностью утверждать следующее. Из дома потерпевшей с десяти часов вечера то и дело раздавался плач ребенка, около трех все стихло. Свет во всех окнах был погашен, кроме комнаты, именуемой в протоколе гостиной. Далее в пять — пять пятнадцать утра многие слышали шум заводящегося мотора легкового автомобиля. Судя по всему, машина принадлежала потерпевшей. Но это не точно. Сосед слева утверждает, что звук характерный, но это будем проверять. Дальше. В шесть тридцать из дома слышался грохот, звон разбивающегося стекла. Вроде, пока все. Внешне ничего особенного, кроме отсутствия машины, идущие на работу соседи не заметили.

Во время грохота в доме, машины уже не было? — Уточнил Максим.

Похоже на то. Точно в это время никто не проходил, минут через десять начали появляться первые прохожие. Автомобиля не было. Но шума машины в этот промежуток никто не слышал. Да, еще. Когда мы приехали, ворота были заперты на щеколду изнутри. Если бы просто угнали, зачем покидать салон, лезть через забор, или проходить через калитку, что не так уж близко и закрывать замок? Ворота и так плотно прикрываются. Непонятно лично мне.

Ты расспрашивал соседей только о ночи преступления?

Пока да. Времени было маловато, да и фиг знает, чего еще узнавать. Вот определимся немного, опять понесусь по дворам. Только обозначьте мне круг ваших интересов.

Хорошо. — Грязнов сделал какие то пометки в своем блокноте. — Теперь, Тамара Владимировна, хорошо бы эксперта послушать, у меня к нему парочка вопросов назрела.

Давай, Миша, излагай. — Согласилась я.

Так! Что тут у нас вырисовывается? — Радостно произнес эксперт и зашвырялся в своих многочисленных бумажках. — Наше дело, сами знаете — наука точная. Приблизительности не любит. Так что, милые мои, все что сейчас скажу, чисто интуитивно и основываясь на многолетнем опыте. Конкретно поговорим, когда будут результаты экспертизы...

Хватит цену набивать, — довольно беспардонно перебил Максим. — Давай уже! Излагай!

Сначала по дамочке. Ее осмотрел первой, причем мельком... Значит так... Скорая увезла ее с подозрением на сотрясение мозга, с обширной гематомой в височной области черепа. С правой стороны. Судя по всему, удар получен во время падения, об угол серванта. Там имеются следы крови. Так как гражданка Игошина находилась в момент нашего прибытия в состоянии сильнейшего шока, то добиться от нее мы могли только одного слова «Сашенька». По визуальному осмотру... Ногти у дамы новомодные накладные... Так называемые гелевые. Четыре из них сломаны, найдены там же в комнате.

Значит, она сопротивлялась? Возможно, оставила отметины на физиономии нападавшего? — Обрадовался Панков. — Такими ноготками пол хари снести можно...

Можно. — Легко согласился эксперт. — Но вынужден Вас, Дима, разочаровать. Ногти абсолютно чистые, судя по всему, Виктории Павловне не удалось дотянуться до кожи преступника, она сломала ногти при падении или просто задела обо что то во время борьбы...

Так Вы считаете, борьба все же имела место? То есть он не сразу вырубил потерпевшую? —

Уточнила я.

Видите ли, Тамара Владимировна, я уже сказал, что при том ранении, которое получила Игошина, она могла долгое время находиться на ногах. Час, два, а то и больше... потом почувствовать себя плохо... На мой взгляд, ее состояние вообще в основном обусловлено шоком, а не ударом... Могло быть и по-другому. Она сначала потеряла сознание от удара, а потом пришла в себя. На эти вопросы более точно ответят врачи, после обследования пациентки... Что касается борьбы, то она, видимо, все же имела место. Но не так чтобы очень сильная. Книжки, вещи, посуда разбросаны... Именно разбросаны. Как если бы что-то искали, например. То есть я имею в виду, что они не просто выпали, а их брали в руки и отбрасывали в сторону. Еще одна странность, которую я заметил. Весь пол в центральной комнате запачкан какой-то глиной. Причем глина эта размазана ровным слоем...

Это как? — Удивился Грязнов.

Представь, что ты притащил на ботинках огромные шмотки глины, изгадил пол и решил протереть. Только сделать это пытался сухой тряпкой... Тряпка эта валялась там же...

Значит, отпечатков следов найти не удалось...

Считайте, что нет. Сверху этого растертого слоя есть явные отпечатки туфель потерпевшей. Это дает возможность предположить, что после ухода похитителя Виктория все же вставала и бродила по комнате, в детскую не заходила, зато выходила в прихожую и на крыльцо. Спускалась ли вниз, не ясно, на гравийной дорожке следов обнаружить не удалось.

Почему же она вернулась в дом? Почему на помощь не позвала сразу же? Ведь нашли ее в комнате? — Задумчиво протянул Максим.

Ну, это дело не мое! — Жизнерадостно развел руками Миша. — Это уж вам выяснять, товарищи сыщики. Дальше... Ну, с отпечатками потом разберемся, тут по картотекам надо пробежаться... В принципе, вроде все. Вопросы есть?

Есть. — Отозвался Грязнов. — Что за таблетки рассыпаны были в детской?

Два вида. Жаропонижающее и обезболивающее. Смее предположить, что ребенок болен. Соседи утверждают, что девочка плакала половину ночи... На спинке кровати несколько рубашечек развешено... Видимо, мать несколько раз переодевала Сашу, так как та сильно потела, что тоже косвенно на температуру намекает...

А почему они рассыпаны так неаккуратно, как думаешь?

Нервничала, доставала в спешке, или задела чем то... по крайней мере, оба пузырька валялись на полу. Раскатились в разные стороны...

Если вопросов к эксперту больше не у кого нет, то Цветков может быть свободен. Миш, когда можно ждать фотографии и результаты экспертиз?

Тамара Владимировна, прямо сейчас полечу в лабораторию, если отпустите. — Эксперт картинно вскочил и начал лихорадочно собирать бумажки.

Чудной ты парень, Миш. — Я с интересом посмотрела на него. — Чему ты все время радуешься? Я тебя, вроде, не гулять отправляю, а вкалывать...

А я, Тамара Владимировна, на работу, как на праздник, хожу. Счастлив, что полезное дело делаю. — Вытянулся Цветков по стойке смирно. Все прыснули от смеха. Эксперт, как никто, мог поднять настроение коллектива.

Болтун ты, Цветков. — Устало проворчала я. — И как только тебя столько лет в органах терпят?

Так я специалист незаменимый! — Уже из-за двери прокричал Миша.

Да уж. Незаменимый он. — Буркнул Панков. — Да мы все тут незаменимые. За нашу то зарплату... Уж точно набегаешься, пока замену найдешь...

Дим, давай после совещания выскажешь свои соображения по экономическим вопросам, — я знала, что эту тему надо пресекать на корню, иначе собрание могло растянуться на неопределенный срок. Денежный вопрос вызывал живой интерес у всех сотрудников, особенно семейных. — Давайте теперь Максима послушаем. Дал допрос Петровой что-нибудь интересное?

И да, и нет. — Отозвался Грязнов. — Куча информации о потерпевшей, ее муже, другом окружении. Только вот что с ней делать, пока не ясно. У Евгении Леонидовны ярко выраженная антипатия к зятю...

Да уж. — Усмехнулась я. — Я это еще в доме ее дочери заметила. Она уверена, что Сашенька у Дениса... Других версий просто не признает.

Вот именно. Я, конечно, расспрашивал ее обо всех, но она, как заведенная, все время на Игошина перескакивает. По ее мнению, Денис всю жизнь ее дочери покалечил, мечты разрушил... Короче, если даже девочка не у него, то он точно причастен...

А я не понимаю, почему вы с такой иронией относитесь к этой версии? По-моему, она очень даже перспективная. — Заявил Панков. — И соседи тоже о Игошине не лучшего мнения...

Да он прожил в этом доме всего ничего. — Пожал плечами Максим. — Им то откуда знать, какой он человек?

Только со слов Вики и ее матери. — Добавила я.

Ну, хорошо. И все же, почему Вы так уверены, что он тут не при чем? — Настаивал Дима.

Мы сомневаемся. — Ответил Грязнов. — А это, как говорят у нас в Одессе, две большие разницы. Конечно, мы его проверять будем, подозрений с папаши никто не снимает... Но как то это все не тянет на семейную разборку... Что, например, по твоему мог искать в шкафах Игошин?

Да что угодно! Фотографии, письма, другие доказательства измены. Все знают, что женщины свои безделушки в белье прячут, или в книжках. Если он заподозрил жену в измене, тогда и ссора к месту...

А девочка ему зачем?

Ну, повлиять хотел на изменницу, чтобы перестала дурью маяться...

И вернулась к нему. — Закончил его мысль Максим. — Оставил ее в беспомощном состоянии и ушел... Не вяжется это с ревнивым мужем. Не вяжется. Знаешь, как в народе говорят?

«Ревнует, значит любит». По твоей логике он не мог ее бросить вот так...

Испугаться мог. — Не унимался Панков. — Да и Мишка же сказал, она потом могла себя плохо почувствовать... И помощь она не стала просить у соседей, потому что знала, ничего особо страшного не случилось...

Может, ты и прав. — С сомнением протянула я. — Кстати, Дим., ты натолкнул меня на мысль. Фотографии были в доме?

Полно. — Ответил Грязнов. — Игошина любит фотографироваться. Вчера только пачку отпечатала. Они в серванте прямо в пакете лежат... Да и по альбомам распихано много.

Что там на последних кадрах? — Заинтересовалась я.

Так все одно и то же. Вся пленка — в основном Вика с дочкой в парке...Тридцать шесть кадров. Кое-где одна Саша, но в основном вдвоем. На горке, на качелях, ну, и всякое такое... Судя по дате, все кадры сделаны в течении двух дней. Позавчера и днем раньше... Я особо то не рассматривал. Так глянул мельком, ничего интересного.

Интересно в этих кадрах только одно. — Задумчиво произнесла я.

Что? — Заинтересовался Максим. — Вроде, фотки, как фотки...

Кто их сделал? — Закончила я свою мысль.

Да попросила Вика кого-нибудь, вот и все. — Безразлично пожал плечами Панков.

Тридцать шесть раз? Обычно, в таких случаях вся пленка состоит из кадров с ребенком, и паратройка с мамой вдвоем... Если они в основном вместе, значит, эти два дня с ними был кто то третий. Логично? Причем, Евгения Леонидовна с дочкой в эти дни как раз гулять не могла, по ее словам, она была в отъезде.

Да... — Протянул Грязнов. — Я как-то не подумал. — Надо порасспросить мамаш в парке. По словам Евгении Леонидовны, Вика всегда гуляла по одним и тем же дорожкам, приблизительно в одно и то же время... Думаю, и подружек завела. Я часто вижу, как мамаша чирикают на лавочке в парке, покачивая одной ногой коляску. Это и понятно. Два часа круги нарезать, ноги отвалятся... — Я вдруг совершенно не кстати вспомнила о своей беременности. Я то уж точно не смогу по два часа в день бесцельно кружить по безлюдным аллеям, а потом сплетничать на скамейке с молодыми мамашами о качестве кефира и ценах на подгузники. Вообще, эти разговоры о детях, колясках сегодня подсознательно раздражали меня. Я нервничала и ничего не могла с собой поделать...Как на зло подвернулось это треклятое похищение... Я тряхнула головой, отгоняя навязчивые мысли. После! Все личное после! Так я решила для себя давным-давно и не собиралась менять заведенные мной же правила.

Весь день смотрю на Вас, Тамара Владимировна, и не пойму, что в вас не так. — Заявил непосредственный Панков. — Только сейчас понял, волосы Вы распустили. Здорово! Помолодели лет на десять, ей богу.

Что не на двадцать? — Проворчала я. — Не туда смотришь, Дима. Я тебе в матери гожусь...

Ну, уж! Вы скажете! — Искренне улыбнулся парень. — Какая ж вы мама? Вы вон какая молодая! И красивая.

Я посмотрела на Максима, он разговор не поддержал. Молча сидел, откинувшись на стуле, и думал о чем-то своем. Мне, как ни странно, стало обидно. Мог бы хоть для приличия высказать согласие. Раз в жизни такой разговор зашел... И как только осмелился этот Панков высказываться по поводу моей внешности? С первых же дней меня в коллективе прозвали Железной леди, иной раз и Горгоной Медузой могут... Но это, конечно, только за глаза. Исключительно! В лицо только на Вы. Тамара Владимировна. Ну, разве что Грязнов позволяет себе «тыкать», но мы с ним давние друзья... Мне казалось, что меня, как женщину, вовсе никто не воспринимает... А вот поди ж ты! Даже замечают, как выгляжу, оказывается...

Да, это версия интересная. — Неожиданно прервал мои размышления Максим. Я даже вздрогнула, настолько некстати его голос вторгся в мои мысли, далекие от похищения. Мне мгновенно стало стыдно за свою слабость. — Можно еще с соседкой переговорить, с той самой, которая ее обнаружила. Я так понял, потерпевшая общалась с ней наиболее тесно. Мать говорит, Вика девушка, в принципе, нелюдимая. Подруг минимум, друзей и того меньше... Да, если как раз перед похищением кто то аж два дня подряд гулял с ней в парке по три часа к ряду... то это совпадение мне не нравится. — Решительно закончил Грязнов, что-то помечая в своем потрепанном блокноте.

Обрисуй вкратце, что тебе еще поведала Петрова о дочери, при разговоре с Денисом Игошиным хорошо бы представление иметь об их отношениях, о личности его жены...

Ясно. — Максим полистал свой блокнотик. — Значит, так. Игошина Виктория Павловна. В девичестве Петрова. Двадцать два года. Девушка романтическая, мечтательная, но вместе с тем умная и очень целеустремленная. Внешне достаточно привлекательна, но, по словам матери, никогда этим не пользовалась с умом. Школу кончила с отличным аттестатом, правда, медаль золотую не получила, что то там у нее в предыдущие годы не блестяще было... Ну, это не особо важно. Как бы то ни было, в медицинский прошла с первого раза, безо всякого блата. Экзамены сдала блестяще, так как готовилась все лето практически до помутнения сознания. Евгения Леонидовна утверждает, что дочь даже в обморок пару раз падала от усталости, но все же своего добилась, исполнила заветную мечту. Вернее, первый шаг к ней сделала.

Ну, и какая у нас мечта? — Поинтересовался Панков.

Стать доктором, как отец. Павел Иванович Петров был военным врачом. Погиб в Афганистане в восемьдесят шестом году прямо за хирургическим столом во время операции. Бомбежка. Ну, и девочка воспитывалась на героическом примере отца... Во время первого семестра своей учебы Вика познакомилась с Игошиным Денисом Олеговичем. Что для ее мамы явилось настоящей неожиданностью, ведь ее дочь все вечера находилась дома над учебниками, дискотеки или другие вечера не посещала.

Ну, и где же она сумела оторвать этого самого Дениса Олеговича? — заинтересовалась я.

Это он ее оторвал, как ты выражаешься. Прямо у нее дома. Он, в то время студент последнего курса Строительной академии, подрабатывал, собирая подписи в пользу одного из депутатов, Евгения Леонидовна даже не помнит какого. Вика пустила симпатичного парня в дом, чаем напоила, благо мамы дома не было... В общем, дальше все, как у обычных людей... К осени Денис и Вика поженились. Мадам Петрова зятя невзлюбила с первого же дня. Она считает, что ее дочери рано выходить замуж, что это мешает учебе и тем самым лишает прекрасных перспектив в будущем, к которым Вика стремилась все сознательные годы жизни. Игошин после окончания института по профессии работать не пошел, а устроился по протекции друга в «Сантехмаркет» менеджером по продажам, чем еще больше подорвал отношения с интеллигентной до мозга костей тещей. Зарплату ему положили довольно приличную, и он

настоял на переезде с женой на улицу Энгельса, где у Петровых был дом, до этого крайне редко используемый Евгенией Леонидовной в качестве дачи, но она имела еще один огород и здесь царило запустение, обрабатывать два участка женщина была не в состоянии. Мать трудно переживала разлуку с дочерью, но постепенно все же привыкла. Часто навещала, помогала по хозяйству. Видя, что семейная жизнь никак не отразилась на успехах Вики в учебе, Евгения Леонидовна даже с зятем смирилась, тем более он от работы не отлынивал, прилично зарабатывал, Вику не обижал... Но тут грянула новая «неприятность», дочь забеременела. Денис обрадовался, а мать снова приуныла, все по тем же причинам... После рождения Сашеньки в жизни семьи многое изменилось. Учиться Виктории действительно стало намного сложнее, Евгения Леонидовна стала частенько ночевать у дочери, а то и жить неделями. Она полюбила внучку безумно и готова была не отходить от девочки ни на шаг, да и Вике, действительно, требовалась помощь. Семейная жизнь Игошиных дала серьезную трещину. Сашенька, особенно в первые месяцы, была очень капризным ребенком, частенько плакала ночи напролет, не давая отцу заснуть, он разбитый и не выспавшийся отправлялся на работу, после двенадцатичасового рабочего дня он возвращался домой и вынужден был терпеть придирки и язвительные замечания тещи. Нередко срывался, при этом уходя ночевать к родителям. Это стало повторяться чаще и чаще... Потом он переехал туда совсем. Евгению Леонидовну это не особо расстроило, а вот Вика переживала сильно. Мужа она, видимо, до сих пор любит и надеется вернуть. Уход Дениса совпал с очередной сессией, так что мать постоянно находилась при Сашеньке, а соответственно в доме дочери. Вика попросила ее уехать вместе с внучкой, но Петрова убедила, что отрывать дочь от груди в угоду капризному мужу, глупо. Потом сессия кончилась, мать уехала, дочка стала подрастать, становится менее шумной... Но муж не вернулся. Судя по всему, он уже встречается с другой женщиной.

Как он к ребенку относится? — Спросила я.

Это лучше у него самого вообще то узнать. А со слов Петровой следует, что дочь Денису не нужна, он пытался с ней встречаться только, чтобы досадить Вике. После его посещений девушка была надолго выбита из колеи... Еще он просил отдать ему машину, купленную им, но оформленную на жену, даже денег сколько то предлагал выплатить... Купить еще одно авто он сейчас не в состоянии, а оно нужно ему для работы, но так ничего и не получил.

Он платит алименты?

Игошины не разведены официально. Муж приносит какую то сумму ежемесячно, но Петрова точно не знает сколько.

Ну, хорошо. Времени у вас было, конечно, мало, но все же замечу, что поработали крайне не продуктивно. Ничего нового за эти два часа не прибавилось. Значит так. Панков отправляется к соседке, нашедшей Вику, и расспрашивает ее о последних перед похищением днях, о личных аспектах... ну, и так далее. Потом едет в институт и пытается найти тех, с кем общается Игошина. Это направление, сразу хочу предупредить, считаю самым бесперспективным, так что особо не рассусоливай, время в этом деле нам не помощник. Теперь Грязнов. Ты, Максим, сам уже догадался, берешь фотографии с последней пленки, и в парк. Я поеду к Игошину, он, вероятно, сейчас на работе, потом попробую поговорить с Викторией в больнице, если, конечно, это возможно. Всем все ясно?

Вроде, ясно. Хотя я так и не понял, что конкретно должен выяснять у подружек Игошиной. — Недовольно отозвался Дима.

Тебя же с симпатичными девчонками болтать посылают, — хлопнул его по плечу Максим, — а ты еще и не доволен.

Я и сама не знаю, что нам нужно узнать. — Я укоризненно посмотрела на Грязнова, даже такие безобидные и привычные шутки сегодня меня раздражали. — Сориентируешься по ситуации, может, увлечения у нее какие то появились, знакомства новые... ну что то, что выходит за рамки ее обычных интересов...

Ясно. Тогда я пошел. — Панков отправился к двери.

Если что узнаешь интересненькое, сразу звони. — Напутствовала я его, потом обернулась к Грязнову. — Ну что, Максим, нам с тобой по пути, давай до парка подброшу. Ты оттуда начинать планируешь?

Сначала надо на Энгельса заскочить, фотографии забрать...

Это рядом с парком. Пошли.

Мы уселись в «Волгу». Я никак не могла определиться, как и в каком тоне вести разговор с Игошиным. С одной стороны, он у меня особых подозрений не вызывал, я не разделяла мнения Панкова о его причастности к делу. Симпатии к парню я тоже не испытывала. Евгения Леонидовна в чем-то права, что это за мужик, если спасовал перед первыми же трудностями? Бросил жену, новорожденную дочь из-за временных неудобств морального плана. Да еще и другую поспешил завести. Слабак! С другой стороны, это же говорит в его пользу в этом деле. Такой самовлюбленный тип вряд ли пойдет на похищение не нужного ему, в принципе, ребенка... Всю жизнь себя ругаю за поспешные выводы! Построила все свои рассуждения на обвинениях тещи! Да все ведь может быть и не так вовсе. Нужно дать высказаться и другой стороне. Может, потерпевшим окажется как раз он, а не несчастная брошенная жена...

Зря ты, Том, Шарова то отпустила. И так людей не хватает. Самой вон приходится ездить по свидетелям. А твое дело, между прочим, в кабинете сидеть, а не по городу круги нарезать. — Вклинился в мои мысли голос Максима.

Мне то же самое сегодня пытался внушить Панченко...

И после этого забрал Андрюху? — Удивился Грязнов. — Вот гад! Что это за дикая история с женой полковника Зайцева?

Овощи, говорит, воруют с грядок по ночам. — Спокойно объяснила я.

Ну и что?! — Выпучил глаза Макс. — Мы то тут при чем?

Это чем-то позорит честь нашего мундира. Я не очень поняла логику начальства, но спорить было лень...

Да чего спорить то? — Горячился Грязнов. — Сам он что ли не понимает, что у нас работать некому?

Честно сказать, Шаров последнее время работник так себе. Практически никакой. Ему оторваться от жениной юбки не надолго полезно будет.

Ну, разве что. — Проворчал Максим. — Посмотрим, насколько эта поездка поможет ему встряхнуться. Боюсь, хуже бы не было. Жена Зайцева еще та штучка...

А ты то откуда знаешь? — Поинтересовалась я.

От верблюда. Приехали уже. Тормозни вот тут, у киоска, мне сигареты купить надо.

ГЛАВА 3.

Дениса Игошина, вопреки своим ожиданиям, я нашла не на работе, а дома. Он лежал в кровати с ангиной. По уверениям его родителей, он уже трое суток не выходит из квартиры и даже с постели поднимается редко. Приход милиции заметно встревожил все семейство. Да это и понятно, к сожалению, мы редко общаемся с гражданами по приятным и безобидным поводам. Наше появление неизбежно несет, как минимум, неприятные новости, а то и самое настоящее несчастье.

Естественно, для разговора со мной Игошин оторвался от кровати. Алевтина Васильевна, его мама, предложила мне чаю, но мне хотелось побыстрее переговорить с мужем Вики и уйти, поэтому от угощения я отказалась.

Денис Олегович, извините, что побеспокоила Вас во время болезни, но я вынуждена срочно задать Вам несколько вопросов по поводу Вашей семейной жизни.

За закрытой дверью в комнату послышался тяжелый вздох и подозрительная возня. Денис досадливо вздохнул и поплотнее прикрыл дверь. То, что кто то из родителей пытается подслушать наш разговор, его, по-видимому, не удивило, но было неприятно.

Да мне собственно скрывать то нечего, только неплохо бы сначала узнать, с чем связаны эти расспросы.

Немного позже Вы все узнаете, а сейчас расскажите, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах Вы в последний раз видели свою жену и дочь? — Я достала блокнот и приготовилась записывать.

Двенадцатого числа... Я заходил к ним на Энгельса. — Неохотно выдавил Игошин.

С какой целью?

Ну, зарплата у меня была, и с дочкой повидаться хотелось. Соскучился. — За дверью явственно слышалось недовольное сопение.

Извините, — буркнул Денис и вышел. Послышались приглушенные голоса, которые постепенно удалились. Через минуту парень вернулся. — Теперь можно нормально разговаривать. Моя мать жутко невзлюбила Вику и даже Сашеньку. Я сто раз ей вопрос задавал, чем ей жена моя так не угодила, а она твердит только, что глаз у Вики сатанинский. Ничего конкретного. Она на почве религии немного того... Главное, в целом совершенно нормальный человек, хозяйка прекрасная, а вот последнее время все демонов каких то выискивает вокруг себя... — Смущенно пояснил он.

А Сашеньку она что тоже за нечистую силу принимает? — Поинтересовалась я. — Ну, ладно Вика, а ведь девочка то ей внучка, ваша дочь...

Для нее она только Викина дочь...

То есть она в Вашем отцовстве сомневается? — Уточнила я.

Да нет. — Поморщился Денис. Эта тема его заметно угнетала. — Не совсем так... Хотя кто в ее

голове разберется... Я дочь очень люблю и не имею не малейшего повода предположить, что она не мой ребенок. Тут сомнений нет. Я даже в суд документы собирал, чтобы при разводе мне оставили Сашу...

Ну и в чем же дело? Собрали?

А куда я ее приведу? — Тихо ответил он. — Сюда? Мать с каждым днем все агрессивней. Она не сможет любить дочь Вики, а я тоже не буду с ней сидеть с утра до вечера... Мне работать надо. Моя жена неплохой человек, о Саше заботится очень ответственно... Ну, я и решил, что с ней дочери лучше будет.

А почему Вы в семью не возвращаетесь?

Это что Вам тоже необходимо знать? Ну что же, я отвечу. У нас с Викой с самого начала все шло совсем не просто... Никто не виноват в этом. Просто люди мы разные. Звучит это обыденно. Но поверьте, фраза «не сошлись характерами» не просто отмазка при разводе. Для Вики я никогда на первом плане не был. Главное, учеба, перспективы на будущее..., потом дочь появилась... Но даже она отодвигалась в сторону ради сессий, экзаменов, зачетов. Мамаша ее чертова... простите... ее мать всячески поддерживает стремление дочери к учебе.

Но что же в этом плохого? — Вставила я.

Все что принимает ненормальные уродливые формы — плохо. Даже хорошее. Звучит глупо, но я думаю, Вы поймете. Иногда хочется погулять, в лес съездить, друзей пригласить. Ведь молодость не вечна, и жизнь не состоит только из лекций. Знаете, мы во время сессий даже не спали вместе, чтобы Вику не отвлекать от зубрежки... А это месяца полтора. В начале семейной жизни это просто огромный срок... Ну, я старался быть терпеливым, понимающим... хотя бы ради дочки... Уговорил жену переехать в дом на Энгельса. Но ее мамаша и там нас в покое не оставляла. Придешь с работы, жена носом в учебник уткнулась, ни на что вокруг внимания не обращает, и, хочешь не хочешь, приходится с тещей общаться... Я не выдержал... Вроде, я все рассказал. Теперь я, наконец, могу узнать, чем вызван Ваш визит?

Еще один вопрос, Денис Олегович. Как ваши отношения с женой и дочерью складываются сейчас?

Не так хорошо, как хотелось бы. Сначала, пока Вика надеялась, что я вернусь, было еще терпимо. Она принимала меня без злобы, позволяла с дочерью общаться, даже гулять... Но когда я попросил ее о разводе и признался, что встретил другую, очень изменилась... Каждый мой поход в их дом превратился в пытку, ей богу... Вечные упреки, скандалы... теперь вот дочкой шантажировать начала. То она спит, то болеет... Любой повод ищет, чтобы не дать мне поиграть с ребенком.

А Вы не пробовали силой забрать дочь?

Иногда очень хочется, если честно. Только я уже говорил, некуда мне ее привести... Вот жду, вырастет немного Саша, станет меньше зависеть от матери.... Может, тогда станет полегче общаться. Или Вика успокоится, устроит свою личную жизнь...

То есть я могу записать, что в последнюю неделю Вы со своей женой и дочерью не встречались, не разговаривали и никаких известий от них не получали? — Игошин настороженно кивнул. — распишитесь, пожалуйста, вот здесь... и здесь... Денис Олегович, дело в том, что Ваша жена лежит в больнице, у нее сильное сотрясение мозга и шок...

Что с Сашенькой? — Перебил меня Игошин.

Не совсем ясно... Но, похоже, Ваша дочь похищена. Супруга пока дать пояснений не в состоянии, а больше никто ничего не знает...

Как же так? — Прошептал потрясенный отец. — Как это могло случиться? Вика очень осторожная женщина, она никогда не открывает двери посторонним... Когда это случилось?

Вчера ночью. От трех до пяти утра предположительно...

Они что дверь сломали?

Нет. Замок был открыт. Судя по показаниям Евгении Леонидовны, похищена только машина... ну, и ребенок исчез. При последних встречах жена не говорила Вам о новых друзьях, подругах? Может, Вы сами что то необычное заметили?

Абсолютно ничего. Да и не мог в принципе. Она меня дальше веранды не пускала ... возьмет деньги, игрушки и сразу выпроваживает...

А к Вам отношение не изменилось?

Ну, я говорил уже, что когда я ей о Тане сказал.... А потом, вроде, нет. Все как обычно.

Хорошо. Еще одна просьба, Денис Олегович... Чтобы уж окончательно вычеркнуть Вас из числа подозреваемых, позвольте осмотреть Вашу квартиру.

Да пожалуйста! — Безразлично откликнулся, погруженный в свои мысли Игошин.

Вы постоянно здесь проживаете? Другой жилплощади не имеете?

Рад бы, — усмехнулся он. — Но, увы...

Ваша подруга...

Тут и думать нечего. Комната в общежитии на четверых.

Ясно.

Через десять минут я выходила из подъезда Игошиных. Потратив на допрос Дениса более часа, я не узнала, в принципе, ничего нового, хоть как то проливавшего бы свет на то, что случилось ночью в доме на улице Энгельса. В каком направлении искать теперь?... Мысли прервал телефонный звонок.

ГЛАВА 4.

Тамара Владимировна, — услышала я в трубке взволнованный голос Димы Панкова. — Машину Игошиной нашли. Только что сообщили из дежурной части.

Где?

Да брошенная стоит на берегу у озера. Черт его знает этого похитителя, зачем его к самой воде понесло. Естественно, колеса в песке забуксовали, выехать не смог. Я еще удивляюсь, как он до этого то места дотянул, там глина жидкая, вполне могла машина на ней засесть...

С этим разберемся. — Перебила я, — что внутри?

Само собой, никакого ребенка там нет, как Вы понимаете. Дверки не заперты, ключи в зажигании торчат, а в остальном все, как обычно. Место довольно безлюдное, разграбить ничего еще не успели. Вы приедете? Мы с Мишей уже выезжаем.

Хорошо. Все там тщательно осмотрите и доклад мне на стол. Я выезжать не буду, обойдетесь своими силами. Машину транспортируйте на стоянку к нашему отделу и вызови кого-нибудь для опознания, мать Игошиной или мужа... Хотя муж с температурой лежит... тогда Петрову вызывай.

Хорошо. Если Максим появится, ему что передать?

Я сама скоро вернусь, сейчас в больницу к Виктории заскочу, но, скорее всего, поговорить не удастся.

Думаете, все еще в шоке?

Похоже на то... Ну ладно, ежайте.

Я завела машину и направилась в сторону районной больницы. Когда я с утра выходила из ее ворот, то и не подозревала насколько быстро мне придется туда вернуться. Вход в стационар находился с противоположной стороны от поликлиники, я зашла в Приемный покой и, никого не застав за столиком у двери, неуверенно тронулась вперед по коридору, стараясь отыскать хоть кого-то из персонала больницы. Скорее всего, здесь начался тихий час, так как встретить никого не удавалось, да и вокруг действительно было тихо. Наконец, свернув в один из многочисленных коридоров, я наткнулась на даму преклонных лет в синем халате не первой свежести, в руках она держала швабру и ожесточенно терла, намотанной на ней грязной тряпкой потертый линолеум на полу. При этом во все стороны растекались потоки коричневой, почти черной воды. Я не успела обратиться к женщине с вопросом, как она злобно накинулась на меня.

Чего й то ты тут шастаешь? Не видишь, намыто? А ты в своих грязнущих кедах прямо с улицы приперлась! Кто тебя вообще сюды пустил, шалаву? Не для тебя что ль написано? — Она ткнула грязным пальцем куда то выше моей головы. Я обернулась и подняла глаза, там над моей головой находилась табличка со строгой и лаконичной фразой «Посторонним вход воспрещен». Я, стараясь не злиться на хамку, как можно вежливее спросила:

Не подскажете, где я могу найти врача?

Я те че, справочная что ли? Иди отсюда, работать не мешай. Передачи с другой стороны принимают, там и расписание врачей на стенке нарисовано, а я тебе не нанималась за врачами бегать. — И она снова остервенело завозила грязной тряпкой по линолеуму.

Я не прошу Вас никуда бегать. Подскажите, в какой стороне находится ординаторская? И я сама туда пройду.

Кто й то тебя туда пропустит? Пройдет она! Только и делов у врачей, что с родственниками больных рассусоливать. Им работать надо, а не лясы точить, ходят тут всякие кому не лень...

Я не стала препираться со зловредной старухой, дабы не испортить себе настроение окончательно, и молча двинулась дальше по коридору. Женщина, видимо, оскорбленная таким пренебрежением к ее персоне, живо перегородила мне дорогу.

А ну-ка, иди отсюда! — Угрожающе замахнулась она на меня шваброй. — Нечего тут шастать.

Отойдите с дороги мне нужен врач, и я его найду. — Попыталась я урезонить тетку. Не вступить же с ней в скандал, хотя она, по-видимому, как раз этого и добивалась.

Я сейчас охрану позову! — Пригрозила уборщица.

Неужели она здесь есть? — Усмехнулась я.

Есть-есть! — Многообещающе проскрипела тетка и неожиданно громко гаркнула — Митька! Подь сюды!

Из-за ближайшего поворота неторопливой походкой вывалился здоровенный детина лет тридцати.

Чего тебе, Николаевна?

Да вот Мить, нахалка вишь куда пробралась, и запреты ей нипочем... И главное, хамит еще, шалава!

Тамара Владимировна! — Неожиданно воскликнул детина, внимательно всмотревшись в мое лицо. — Что Вы тут делаете?

Я тоже с трудом, но узнала этого парня.

Плисекий, кажется, Дмитрий....

Иванович. — Радостно напомнил он. — Ну и память у Вас! А я вот санитаром работаю. Как освободился, сразу и устроился.

Тебе, вроде, срок побольше давали...

Так я за хорошее поведение досрочно откинулся. Вот учиться решил, хочу податься в медучилище.

Похвально. — Я искренне была рада за парня. К сожалению, мне не слишком часто приходится слышать, что кто-то из моих бывших подопечных всерьез встал на путь исправления. — Подскажи мне, пожалуйста, где я могу врача найти хоть какого-нибудь?

Я ей русским языком, Мить, сказала, что расписание врачей в холле на стенке, — вклинилась Николаевна. — Так ей все равно нейдет.

Иди отсюда! — Весьма «доброжелательно» посоветовал ей санитар. — Тошно с тобой рядом находиться. — Старуха поджала губы, но все же послушно поковыляла к своему ведру. — Вы на нее, Тамара Владимировна, внимания то не обращайтесь, эта Николаевна у всех уже в печенках сидит, только избавиться от нее никакой возможности нет. За ее зарплату никто полы мыть не соглашается.

Да бог с ней. — Отмахнулась я. — Сюда потерпевшую вчера в шоковом состоянии и с сотрясением мозга доставили, я бы хотела с ее врачом потолковать.

Так это вам на третий этаж в нейрохирургию надо. Там в конце коридора лестница, поднимитесь и прямо в отделение попадете.

Спасибо, Мить. Я рада, что ты за ум взялся, удачного тебе поступления. — Парень смущенно потупился.

Постараюсь.

Слушай, еще спросить хочу, почему никого нет то? Я уж весь этаж прошла и никого, кроме этой мегеры, не встретила.

Так тихий час. — Охотно пояснил Дима, — в это время мы, обычно, обедаем, пока больные спят. Все тут, на местах. У нас не принято по столовкам бегать. Девчонки в сестринской едят, врачи в ординаторской.

Ясно. Ну, я пошла тогда.

На третьем этаже я увидела молоденькую медсестру, и она пояснила, что поступившая утром Игошина находится в шестой палате, врачи ее уже осматривали. Чтобы справиться о ее состоянии, я могу поговорить с Андреем Валерьевичем Звягиным. Он назначен ее лечащим врачом.

Звягин оказался молодым парнем, почти мальчишкой. Он торопливо выскочил из ординаторской, на ходу вытирая салфеткой руки.

Вы кем Игошиной приходитесь, матерью? — Поинтересовался он, пряча салфетку в карман.

Никем. — Сухо ответила я. Только сегодня Панков восхищался моей красотой и молодостью, да видно льстил без зазрения совести, раз меня можно принять за маму двадцати двух летней девушки. — Я из милиции. Хотелось бы побеседовать с Викторией Павловной по поводу ночного происшествия.

Это совершенно невозможно. — Перебил меня врач. — Игошина до сих пор не вышла из шокового состояния. Не разговаривает, не реагирует на наши попытки привлечь ее внимание. Похоже, она сосредоточенно переваривает что то внутри себя. Она даже пищу самостоятельно не принимает, приходится кормить ее через капельницу.

А каковы прогнозы на будущее?

Ну, как вам сказать... — протянул Звягин.

Да уж как есть, так и скажите, — отчего то и доктор да и вся эта больница раздражали меня безмерно. Хотелось как можно быстрее покинуть это негостеприимное место.

Прошло слишком мало времени с момента прибытия пациентки, мы еще даже с диагнозом полностью не определились. Дело в том, что мозг, такая слабоисследованная область медицины. Понять симптоматику и ассоциативные реакции организма на внешние воздействия... Короче, — заторопился доктор, видя свирепое выражение на моем лице, — никто не сможет сказать Вам точно, выйдет ли больная из своего ступора, а уж тем более, когда конкретно это случится. Чисто теоретически, исходя из собственного опыта, — какой интересно опыт может быть у такого юнца, скажите на милость!? — исходя из опыта, могу предположить, что состояние это продлится от двух до пяти суток, но может, повторяю, продлиться и неопределенно большее время. Тогда нам придется перевести ее в психоневрологическую больницу. Сейчас мы в основном сконцентрировали свое внимание на обширной гематоме и сотрясении мозга, остальное несколько не в нашей компетенции... Но на завтра мы пригласили для пациентки специалиста из четырнадцатой больницы...

Ясно. Значит, узнать подробности преступления непосредственно у потерпевшей не удастся еще неопределенное количество времени. — Передразнила я доктора.

Пока нет, — не обиделся тот. — Но когда-нибудь все-таки, я надеюсь, она придет в себя и все расскажет.

Только вот времени этого у нас, к сожалению, нет, уважаемый Андрей Валерьевич. У потерпевшей похитили грудного младенца, и он как раз ждать не в состоянии... — Сама не пойму, почему я так злюсь на этого доктора, он ведь, в сущности, к моим проблемам не имеет абсолютно никакого отношения. — Значит, договорились? Как только Игошина начнет проявлять хоть каплю здравого смысла, Вы сразу же извещаете об этом нас. Вот здесь я написала все возможные телефоны для связи. Еще, по возможности, приставьте к Виктории человека, который будет внимательно наблюдать за ее состоянием, даже обрывки фраз, произнесенные в бреду, могут существенно продвинуть следствие и, в конечном итоге, спасти ребенку жизнь.

Да-да, конечно! — заверил меня Звягин. — У нас с персоналом сейчас напряженно... но мы обязательно выделим человека для наблюдения за Игошиной. — Решительно закончил он.

В отделение я возвратилась в препоганейшем настроении. Прошла уже чертова туча времени с момента похищения девочки, а мы не продвинулись в поисках ни на шаг. Вряд ли и найденная машина приведет нас куда либо. Алиби у Дениса Игошина, конечно, довольно шаткое, его надо еще проверять и перепроверять, но интуиция подсказывает, что он тут не при чем. Он не похож на отца, стремящегося любой ценой быть рядом со своим отпрыском. Тем более, как я понимаю, Вика не препятствовала общению мужа и дочери, а скорее даже приветствовала, пока тот о разводе не попросил. В квартире его родителей, где сам он проживает в данное время, нет никаких намеков на присутствие ребенка, нужно проверить еще и жилище его любовницы, да ей то уж точно чужой малыш ни к чему, обуза лишняя... Если ни отец, ни другие родственники не причастны к пропаже ребенка, то остается только три возможных причины похищения, первое и самое безобидное для малыша, похищение для перепродажи богатым бездетным родителям, матери это, конечно, убийственно, но хоть утешает то, что дитя в заботливых руках. Если за него готовы платить деньги, то и заботиться должны как следует. Остальные варианты совсем не утешительны. Очень распространено похищение для использования младенца на органы. Ну, и конечно нельзя сбрасывать со счетов разнообразных маньяков педофилов... Первый случай наиболее гуманный, но и наиболее трудный для поисков. Люди, решившиеся на такой шаг, как правило, хорошо готовятся, запасаются всевозможными документами, обычно, младенца в срочном порядке вывозят из региона поисков, а то и вовсе за границу, к тому же, младенец растет, и через несколько месяцев узнать его порой уже невозможно... Похищение на органы, страшное явление нашей действительности, как правило, раскрывается лишь в ряде случаев, да и то в основном случайно, если преступники допускают небрежности и промашки, только вот ребенку в этих случаях помочь успевают редко... Правда, я сама была свидетелем нескольких случаев, когда похитители добровольно возвращали детей, просто оставляли их на тех же местах, где взяли. Происходит это тогда, когда ребенок по тем или иным показателям не может являться донором, ему проводят анализы и, когда выясняется его ненужность, просто отправляют домой. Это случается не так уж и редко... Только, боюсь, это совсем не наш случай. Как правило, в этом случае похитители действуют тихо, не привлекая особого внимания к своей персоне, и уж точно не прихватывают с собой чужие автомобили. Кстати, в первом случае тоже предпочитают обходиться без особой шумихи... ну если только клиентам приглянулся какой то определенный ребенок, а получить его без применения насилия нет никакой возможности. Но и в этом случае я не вижу смысла в угоне «Жигулей». Скорее всего в этом деле замешана личность с неустойчивой психикой. То есть наиболее тщательно надо разрабатывать третью версию. Маньяки нередко действуют

спонтанно, по наитию, они склонны к применению силы для достижения своих интересов. Понять его логику порой просто невозможно, этим можно объяснить все, и похищение Сашеньки, и разгром в квартире, и даже возвращение после похищения на место преступления, ведь шум в доме Игошиной слышали на много позже, чем шум отъезжающей машины... Да, интуиция мне подсказывает, что искать нужно именно в этом направлении и как можно в более кратчайшие сроки. Но интуиция это одно, а фактов, указывающих хоть на одну из версий, пока нет. Надеюсь, хоть Грязнову повезет больше, и он узнает что-нибудь интересное ...

ГЛАВА 5.

Максим появился почти в конце рабочего дня, к этому времени уже возвратились Панков с экспертом, и пригнали найденный у озера автомобиль. Миша сразу же улетел в лабораторию, делать экспертизы по только что добытому материалу, а Дима вкратце поведал о результатах беседы с Тарасовой Любовью Валентиновной, соседкой Игошиной, той самой, которая нашла Вику утром без сознания. Девушки общались мало, в основном говорили о детях, их воспитании, болезнях, игрушках... личные темы затрагивались крайне редко, у Любы даже сложилось впечатление, что Вика стесняется своего положения брошенной жены и избегает разговоров на эту тему. Гулять девушки вместе тоже выходили не слишком часто, у них не совпадали взгляды на этот процесс. Вика считала, что гулять нужно в то время, когда малышка бодрствует, чтобы она нормально развивалась и каждый день узнавала и видела что то новое. Люба же предпочитала выкатывать в сад своего частного дома коляску со спящим младенцем, а в это время заниматься какой-нибудь домашней работой, например, гладить или стирать, что невозможно делать в присутствии непоседливого ребенка, ведь, по ее словам, заботливых бабушек у нее нет. Всю предыдущую неделю Тарасовы вообще болели и из дома не выходили. Никаких предположений по поводу того, что случилось в доме Игошиных, она высказать не смогла. Так же Дима интересовался у Любы насчет фотографий, та смутно припомнила, что Вика что то рассказывала по этому поводу, но, к сожалению, слушала она невнимательно, и мало что запомнила. Вроде, ей показалось, что Вика была чем то недовольна в связи с этими фотографиями и даже говорила, что, пожалуй, ей придется на время сменить место прогулки, на что Люба еще ей посоветовала вообще ограничиться собственным садом и не таскаться с коляской по городу.

Дальше Панков проследовал в институт, где тоже особенно не преуспел. Сейчас как раз время сессии, и найти кого либо из группы Игошиной ему не удалось. Он провел беседу с кураторшей Викиной группы, та ему поведала, что Вика девушка замкнутая, особых подруг не имеет, постоянно спешит домой к ребенку, все зачеты девушка сдала досрочно, а экзамены еще не начались, поэтому она не появлялась в институте довольно давно, порядка трех недель это точно, и ни в какие контакты с сокурсницами, видимо, не вступала. Куратор дала Дмитрию адреса и телефоны тех, кого хотя бы в первом приближении можно назвать товарками Игошиной. Он созвонился с ними прямо из деканата, двоих не оказалось дома, он оставил родителям телефон и попросил перезвонить, как только девушки появятся. Остальные заверили, что контактов с Викой не поддерживают и ничего путного о ней не знают. Потом Панкову позвонили из дежурки и сообщили о найденном автомобиле, он прихватив эксперта, двинулся к озеру... Короче говоря, и у него, так же, как у меня, день прошел впустую. Конечно, работа, которую он сделал, была необходима, но отсутствие каких бы то ни было результатов угнетало.

Сдвиги в расследовании наметились с приездом Максима. Он был прав, предполагая, что мамы, гуляющие каждый день в одно и то же время в парке, хорошо знают друг друга. От нечего делать они многое замечают вокруг. Любят посплетничать друг о друге. Вику на

фотографиях узнали практически все, с кем имел счастье общаться Грязнов, по имени вспомнили лишь некоторые. Молодого мужчину, который в течении двух дней практически не отходил от коляски Сашеньки, тоже могли описать многие женщины. Сначала они решили, что это Викин муж, но поведение девушки давало понять, что она не слишком то хорошо знакома с ним. Игошина явно злилась, что мужчина не дает ей уединиться с учебниками на дальней лавочке, как она это делала частенько... Все сходились в одном, приходили они порознь и расходились после прогулки в разные стороны. Вел мужчина себя довольно прилично, руки не распускал, к Вике не приставал, просто шел рядом, рассказывал что-то, играл с девочкой. Эту картину женщины наблюдали в течении нескольких дней, потом Вика перестала приходить в парк. Сегодня третий день, как они ее не видели. Мужчина приходил, а когда убеждался, что Вика не появляется, пропадал. Был ли он сегодня, никто толком припомнить не мог, наверное, не был, а то кто-нибудь обязательно бы его заметил... Еще мамыши утверждают, что этот мужчина и раньше попадался им на глаза в парке, но не так часто. Со слов женщин удалось составить вполне сносный фоторобот. Только вот, если он имеет отношение к похищению ребенка, то вряд ли появится в парке в ближайшее время, и где тогда его искать, неизвестно...

Значит, на данный момент мы с Вами имеем одну единственную версию, что девочку похитил этот самый неизвестный мужчина. — Устало подвела итог я. — Версия настолько хлипкая, что может рассыпаться от одного дуновения, если, например, этот дяденька окажется дальним родственником Игошиной или бывшим кавалером... День подходит к концу, а мы в своем расследовании, к нашему стыду, не продвинулись ни на йоту. Какие будут предложения? Может, у кого то родились новые версии в течении дня?

Но обсуждение наше неожиданно было прервано телефонным звонком. Одна из сокурсниц, с которой не удалось связаться днем, разыскивала Панкова. Она выложила Дмитрию сведения, которые подтвердили, что только что выдвинутая нами версия вполне может иметь место. Дело в том, что вчера Светлана встречалась с Викой. Игошина обещала дать ей списать конспекты, которые нужны для сдачи одного из зачетов. Встретиться девушки договорились во время прогулки в парке, но накануне Вика позвонила Свете и перенесла место встречи. Потом она рассказала девушке, что решила пока парк не посещать, так как последние дни там к ней приклеился какой то неприятнейший тип. Избавиться от навязчивого спутника никак не удавалось, легче оказалось сменить место прогулок. Света пошутила, что, видимо, это поклонник Викиной красоты или что-то в этом роде... «Я тоже сначала так подумала, — призналась Игошина. — Но сейчас, честно сказать, сомневаюсь. Он как-то странно себя ведет, на меня ноль внимания, зато Сашку всю прямо затискал, глаз своих сальных с ребенка не сводит. Короче, от греха подальше, лучше отвязаться от прилипалы. Тем более, что он мне с самого начала не понравился». Девушки еще немного погуляли, Светлана взяла лекции, а Вика покатила коляску к дому... Напоминаю, это было вчера.

Значит, что у нас получается, Тамара Владимировна? — Загорелся Дима. — Вырисовывается вполне красивая версия. Мужик, возможно педофил, может, цели какие имел, с этим потом разберемся, прицепился к Игошиным в парке. Таскался за ними постоянно, Вике это надоело, и она перестала там появляться. Его это вывело из равновесия, и он решился на похищение. Вполне логично.

А адрес как узнал?

Элементарно, проследил, да и все!

Ну, хорошо, машина тут при чем?

Тоже можно придумать, побыстрее слинять хотел...

Придумать то все, Дим, можно. — Произнес Максим. — Только придумки твои никак нас к этому пресловутому маньяку привести не смогут. Фактиков бы хоть парочку заиметь...

Это да. — Поскучнел Панков. — Но у нас и так кое-что есть, фоторобот, например.

И все. Больше пока ничего.

Это не мало, Макс. Его сто человек видело, живет он, наверное, не больно далеко от парка, раз появляется там частенько, или работает. Может, засветит где свою физиономию, можно по телику показать его фоторобот и Сашенькину фотку, авось, откликнется кто. Все же хоть направление поиска вырисовывается, а это лучше, чем вообще ничего.

Согласен. — Откликнулся Грязнов. — Тамар, ты как считаешь насчет телевизора? Дельное предложение.

Займись этим сам, Максим. Я домой, пожалуй, поеду, что-то я себя чувствую не больно хорошо. — Меня действительно мутило по страшному. Я ничего не ела с утра и сейчас почувствовала какую то слабость что ли или головокружение.

Да уж, выглядишь ты бледновато... — Озабоченно произнес Максим. — За всей этой свистопляской я и не спросил, что тебе врач сказал?

Да так, ничего особенного. Отдыхать велел побольше, гулять...

Ты в отпуске когда последний раз была?

Года три назад, вроде. — Безразлично откликнулась я. — Или четыре.

Ну, и кому нужно такое самопожертвование? Потеряешь здоровье и станешь никому не нужна, уж точно наше начальство о тебе тогда и не вспомнит. — Когда Грязнов нервничает или злился, то дергает себя за кончик уха, я давно это заметила. Сейчас его ухо прямо красным стало. — Я не могу тебе приказывать, но все же настаиваю, что ты должна взять отпуск. Хотя бы пару недель... Ну, хоть одну неделю!

Наверное, — задумчиво ответила я. — Только что я буду в это время делать?

Спать, гулять, смотреть телевизор. Да что угодно. Можно путевку на море взять.

Я подумаю, Максим. Честно. — Заверила я, видя его печальный и недоверчивый взгляд. — А пока я поеду, ладно?

Иди, конечно. О чем речь!

Придя домой, я с трудом заставила себя поужинать. Прямо силком впихнула в рот две сосиски, йогурт и стакан молока. Потом переоделась в спортивный костюм, свои любимые носки с помпонами и забралась с ногами на диван. На спинке, аккуратно свернутый, лежал мохнатый плед с огромной мордой тигра посередине. Этот плед я когда то давным-давно привезла из туристической поездки в Польшу, с тех пор он стал самым уютным покрывалом в моем доме, вечным спутником в болезнях и глубоких раздумьях долгими зимними вечерами. Сейчас мой тигр слегка протерся, ворса значительно поубавилось, но он все равно неизменно каждый вечер дожидается меня на спинке дивана. В моей квартире вообще все и всегда лежит на своих местах в строго определенном порядке. Оксана, моя подруга, всегда удивляется моей собранности и трудолюбию, я же сама считаю, что идеальный порядок в моем доме, как раз

свидетельствует об обратном. Я страшно не люблю убираться. Просто страшно. Да и времени катастрофически не хватает, вот я и стараюсь как можно сильнее сократить себе это неприятное занятие, ведь если все и всегда раскладывать по своим местам, то и убирать, в принципе, будет нечего. Протер пыль, да и все. Насчет собранности у меня тоже катастрофические проблемы. Если я что-то по усталости или в спешке суну не на привычное место, а куда бог положит, то искать эту вещь потом буду долго и упорно, причем найти могу уже тогда, когда надобность просто отпадет... Я страшно боюсь бардака и неразберихи, мне кажется, что эти явления необратимые, если уж они заведутся в квартире, пиши пропало, избавиться от них труднее, чем от рыжих, усатых тараканов. С той же целью, я по утрам безжалостно выбрасываю остатки вчерашних продуктов, никогда не оставляю «на всякий случай» вещи, выходящие из моды или элементарно начинающие жать в бедрах. Если вдруг похудею, куплю новые, а эти хранить, только шкафы захламлять. Все та же Оксана утверждает, что эти мои совсем не женские слабости напрочь отвадили от меня всех претендентов на мою руку и сердце, в чем-то я с ней согласна. Я и сама не представляю, как смогла бы ужиться в одной квартире с кем то, имеющим свои, отличные от моих, привычки, образ жизни. Поэтому я, наверное, действительно и осталась к сорока годам в полнейшем одиночестве, с моей точки зрения гордом, с точки зрения подруги жалком. Хотя нет! Сегодня выяснилось невероятное, я оказывается, вовсе не одинока! Я вполне реально через несколько месяцев могу стать матерью! Вот эта уютная, слегка холодная холостяцкая квартирка заполнится детским плачем, пустышками, кашками... Из угла в угол под потолком придется протянуть веревки, на которых я буду сушить бесчисленные пеленки и ползунки... Жуть! О таких мелочах, как маникюр, вообще придется забыть... Что с работой делать в принципе не ясно... Картина вырисовывается не просто неприятная, она ужасна и безобразна... Но все же... Все же... Ребенок... Это ведь то, о чем мечтает каждая женщина. И министр, и бухгалтер, и уборщица... Говорят, что только ради этого и стоит жить... Как быть!? Как!? Ведь доктор прав, это действительно последний шанс для меня... Я могу сделать аборт хоть завтра утром, а потом спокойно пойти на работу, жизнь войдет в привычную, накатанную колею. Только могу ли я быть уверена, что не раскаюсь в этом своем решении, не буду в старости бессильно кусать локти и проклинать это злополучное утро, когда я так глупо и бездумно уничтожила единственное родное существо, которое с такой щедростью в самый последний момент, когда и надеяться то на это не стоило, подарила мне судьба. Конечно, если бы была жива моя мама, то вопрос не стоял бы так остро. Она и посоветовала бы, как поступить, и с малышом бы помогла... Но как я смогу справиться со всем этим одна? Не представляю... Я автоматически закурила, потом, опомнившись, с досадой загасила сигарету. Теперь мне и это нельзя! Ничего нельзя! Мягкое, романтическое настроение, в котором я пребывала последние полчаса, мгновенно переросло в раздражение. Я снова из чувства противоречия зажгла сигарету, затянулась, но курить так и не стала. Резко сбросила плед и подошла к окну. Там меня и застал резкий дверной звонок. Он прозвучал так неожиданно, что я разве что на месте не подскочила. На пороге стояла Оксана. Я просто поражаюсь, каким внутренним чутьем обладает эта женщина. Она может месяцами не появляться в моей жизни, но стоит мне попасть в трудную ситуацию, упасть духом, почувствовать себя жалкой и несчастной, как она тут как тут.

Привет, Том! — Защебетала она с порога. — Ты не поверишь, но я соскучилась. Вот ей богу, сижу себе, проверяю уроки у Стасика и чувствую, что катастрофически скучаю. — Она доверительно посмотрела мне в глаза и проникновенно продолжила. — И уже Стаськина биология в уши не лезет, и попа по дивану елозит, а ноги, ты не поверишь, сами к порогу тянут...

Я чуть не прослезилась от этих слов. Все же беременность влияет на меня отрицательно, то улыбаюсь, то злюсь, то нюни готова распустить ни с того, ни с сего. Между тем подруга нацепила тапки и впорхнула в комнату. Сразу же оценила плед, носки с помпонами,

недокуренную сигарету.

Так и знала. Вот не зря ноги то к тебе тянули. Не зря. Колись, что опять случилось?

А ты ведь и правда экстрасенс, Ксюш. Или телепат, уж не знаю, как это правильно называется...

Какая к черту разница, как ни назови, все равно где надо не убавится, где мечтаешь, не прибавится. Вот выгонят из конторы, открою салон и буду будущее предсказывать... А ты, подруга, мозги мне не канопать и время не тяни. Чего бесишься?

Это ты называешь бешенством? — Чуть не расхохоталась я. — Наоборот, тихо мирно сижу на диване, курить вот бросить пытаюсь...

Вот-вот, и я о том же. Для тебя это и есть бешенство. Тихое помешательство, я бы сказала... У тебя ведь все шиворот-навыворот. — Ворчливо брюзжала Оксана, вытряхивая пепельницу. — А если по честному, мне Макс позвонил и сказал, что ты малость приболела. Ко врачу даже бегала. — Подруга выжидательно уставилась мне в глаза.

Пойдем чаю попьем, — предложила я.

Ты меня пугаешь, я просто всерьез начинаю беспокоиться. Чем тебя очапурили эти коновалы в больнице, что ты аж с лица вся упала?

Это как? — Лексикон подруги частенько просто ставил меня в тупик. — Куда мое лицо упало? На пол что ли?

Ниже. — Категорически заявила Оксана. — Короче, выглядишь, как глист на роликах.

Ну, глист понятно, а почему на роликах то? — Уже всерьез заинтересовалась я.

Так же как он, места себе не находишь, дергаешься в конвульсиях. — Охотно пояснила добрая подружка и опять уставилась на меня вопросительными глазищами.

Мы уселись на кухне за стол, и я призналась.

Представляешь, Ксюш, я беременна.

Все же ты правильно решила, сначала усесться поудобнее, а уж потом сообщать такие офигенные новости. — Я ожидала от Оксаны более бурной реакции. Могла, и правда со стула свалиться. — От кого?

Какая разница, Ксюш? Я же не замуж планирую.

Разница существенная, — авторитетно заявила подруга. — И для ребенка и для тебя. Если, например, папаша Павлик, это одно, а если Макс, то совершенно другое.

А Грязнов то тут при чем? — Чуть не подавилась я.

Вот и суть, что не при чем, а все равно заботится. И холостой, в отличии от твоего певца недоделанного.

Да уймись ты, какой же он мой? Но уж Макса ты сюда, пожалуйста, не приплетай. Всю жизнь стремлюсь не смешивать работу и личные проблемы.

Да это я так сболтнула, для примера просто. — Неохотно признала Оксана. Но потом все же упрямо добавила. — Дура ты, и дальше своего носа не видишь. Столько лет бок о бок работаете, ты холостячка и он одинокий...

Да он на пять лет меня моложе! Да и подружки у него не переводятся.

Так что ж не женится? Кого ждет? Принцессу на горошине? — Ядовито поинтересовалась подруга.

А уж это вот точно не наше дело. — Сухо возразила я. — Сейчас этот разговор выглядит особенно нелепо и бессмысленно. Я беременна, и отец ребенка без сомнения Павел.

Срок то большой, а то может не поздно еще с Максом того?... И ребеночек по делу будет, мужики в таких делах не больно шарят, — с энтузиазмом начала Оксана, но, заметив мой свирепый взгляд, быстро пошла на попятную. — Да пошутила я, чего ты ноздри раздуваешь... Этот уже знает?

Зачем? — Удивилась я.

Как зачем?! — Выпучила глаза подруга. — Алименты, витамины...

Кто тебе сказал, что я собираюсь рожать? — Поинтересовалась я.

А что, разве нет? — Растерялась Ксюха.

Я не решила еще. Но в любом случае Павел здесь не при чем.

Ничего себе! Он не при чем! Ты его насильовала что ли под дулом пистолета?

Не говори глупости, — поморщилась я. — Это минутная слабость была. Просто и я иногда вспоминаю, что женщина...

Редко больно. — Вставила подруга.

А тут встретились через столько лет, молодость вспомнили...

Он, я как посмотрю, навечно в этой самой молодости подзастрял. Сороковник уже, дети скоро жениться будут, а он все по слетам туристским мечется, барда из себя корчит. Тьфу! Лучше б деньги зарабатывал, ей богу...

Это его дело, как жить. — Возразила я. — Когда-то он мне всерьез нравился, но это ушло безвозвратно. Я в этом убедилась после нашей последней встречи. Он мне не нужен ни с деньгами, ни с песнями, ни с алиментами. Просто не нужен, и все.

Ну, а как ты вообще то планируешь? В смысле если оставишь ребенка? — Поинтересовалась Ксения.

Ума не приложу. — Честно призналась я. — Думала, может, ты чего присоветуешь, а ты ничего лучше не придумала, как впарить Максу чужого ребенка.

Не так уж это и глупо, если поразмыслить, — проворчала она. — Все бы в выигрыше были и ты, и ребенок.

А он? Или Грязнов в счет не идет?

А ему то чем плохо? Давно уж пора семью заводить, а то некому будет перед смертью стакан воды подать...

Заткнись. Не трави душу.

Нет, ну, тебе расстраиваться нечего. Я всегда буду рядом и позабочусь о подруге.

На тумбочке затрещал телефонный звонок.

Здравствуй, Тамар.

Привет, Максим. Легко на помине, только что о тебе с Ксюхой вспоминали.

Надеюсь, не ругали, а то Оксанка всю жизнь меня пилит. Как только ее муж столько лет терпит?

Сама удивляюсь. Ты чего звонишь? По делу?

Тут после твоего ухода Мишка принес результаты экспертиз, отпечатки разные. Ты не поверишь, но мы, кажется, вычислили этого мужика. На стекле найденных «Жигулей» были довольно четкие отпечатки пальцев, мы без труда нашли по картотеке их хозяина. Он судимый, и у нас имеется его полное досье, даже с фотографией. Она жутко напоминает составленный мной фоторобот. Дальше, машину нашли совсем недалеко от его теперешнего места проживания, минут пятнадцать пешком.

За что его судили?

Педофил. — Коротко и брезгливо ответил Макс.

Ясно. По телевизору еще не дали сюжет о розыске?

Мы послали материал, но показать не успели, я тормознул пока.

Правильно. Можно спугнуть преступника. Это все?

Ну, из интересного еще то, что глина на полу в доме Игошиной идентична той, что на берегу озера, ну того, где машину нашли.

Значит он возвращался все таки... Но зачем?

Предлагаю его арестовать, доставить в твой кабинет, там и спросишь. А я психологию и мотивы педофила анализировать отказываюсь. — В его голосе явно сквозила брезгливость.

Что делать, Макс, такая уж у нас работа, в дерьме копать. — Со вздохом ответила я.

Я посоветоваться хотел, за ним сейчас ехать или до утра отложить?

Я думаю, сейчас. Оставлять его с девочкой на ночь не стоит, может, он как раз по ночам особо неадекватен... Если это он прошлой ночью на Вику напал, то что может случиться сегодня, известно одному господу богу.

Тогда я выезжаю с нарядом по его адресу. Димку я отпустил.

И за мной пришли какую-нибудь машину.

Зачем, Том? Ты же отдохнуть хотела... Подождет парень до утра.

Успею еще отдохнуть, а этого голубчика надо тепленьким брать. Хорошо если девочка действительно при нем, а если нет? Если он ее прячет, то каждая лишняя минута увеличивает риск...

Ты права, конечно, — неохотно согласился с моими доводами Грязнов. — Может, я сам его допрошу?...

Ты не сможешь, Макс. — Мягко возразила я. — Я уже сейчас по голосу слышу, что ты его люто ненавидишь...

А что любить что ли этого ублюдка? — Проворчал Грязнов.

Вот видишь? Он не станет с тобой говорить откровенно... Так что присылай машину, а сам — с ребятами на задержание. Да поаккуратнее там, помни, что предположительно в его руках находится грудной беззащитный ребенок.

Что ты меня учишь прописным истинам? — Обиделся Максим. — Я уже давно не маленький.

Я начала торопливо собираться.

Ты меня здесь подождешь, или подбросить тебя до дома? — Спросила я Оксану, молча слушавшую наш разговор с Максимом. Можешь оставаться ночевать, вернусь, еще поболтаем.

Я тебя никуда не пущу. — Твердо заявила подруга.

Вот те на! — Удивилась я. — Ты что? Это моя работа, и совсем не первый раз приходится выезжать на службу ночью.

Но теперь то совсем другое дело! Как ты не понимаешь? Теперь ты должна все свои поступки соизмерять с тем вредом, который наносишь своему малышу. Ты пойми, если ты устала, голодна и измотана, то и он чувствует себя ни на грамм не лучше. Деткам положено ночью спать. Так что ты никуда не понесешься ночью. Поняла? Я это тебе, как мать, говорю. Пусть за тебя поработает кто-нибудь покрепче.

Я присела на край дивана рядом с подругой и тихо сказала.

Понимаешь, Ксюш, есть еще один маленький беззащитный человечек, который, вероятно, тоже сейчас не спит. Может, плачет, от страха или от голода... Мы думаем, что годовалая Сашенька находится сейчас в руках того самого педофила, за которым только что выехал Макс. Ее некому защитить кроме нас, мать лежит в больнице в состоянии глубокого шока... Ты понимаешь, что я не могу не поехать...

Оксана глубоко вздохнула и пошла обуваться...

ГЛАВА 6.

Допрос подозреваемого начался в половине второго ночи. К этому часу я уже знала, что в момент задержания он находился у себя дома в тапочках перед телевизором. Спокойно пил пиво и закусывал воблой. Ребенка не было и в помине. В его комнате нашли множество подтверждений его неестественной любви к маленьким девочкам, картинки, видеокассеты, фотографии... Некоторые из них имели вполне невинный, на первый взгляд, вид. Здесь было

полно кадров с гуляющими в парке детьми. Сашенькиных портретов обнаружилось штук десять. Задержанный искренне не понимал, за что его арестовали, выдернули с теплого дивана и притащили среди ночи в кабинет следователя. Ладно хоть тут повезло, за столом сидела женщина. Он не любил милиционеров мужчин еще со времен первого ареста. Они порой оказывались так несдержанны в своих агрессивных порывах! Могли и в зубы дать. Он просто кожей чувствовал ненависть, исходящую от парня, который привел его в этот кабинет. Тот и сейчас сидел сзади на стуле, спину охлаждал его пристальный тяжелый взгляд. Но это ничего, небось, при бабе не станет бросаться. Физической боли он боялся панически...

* * *

Ну что же, — Устало начала я. — Давайте знакомиться. Меня зовут Тамара Владимировна Кочетова. Представьтесь, пожалуйста.

Виктор Андреевич Исаев. А в чем, собственно, дело? — Довольно агрессивно начал он. — В чем меня обвиняют?

Не спешите, Виктор Андреевич. Сейчас с формальностями покончим и во всем спокойно разберемся.

Но я ни в чем не виноват! — Продолжал горячиться Исаев.

Охотно верю. — Покривила душой я. — Скажите, пожалуйста, где и с кем Вы провели прошлую ночь?

Дома спал.

Кто-то может подтвердить ваши слова?

Не думаю. — Раздраженно ответил Исаев. — Вы выдернули меня из дома только для того, чтобы задать этот нелепый вопрос?

Не горячитесь, Виктор Андреевич. — Сухо посоветовала я и разложила на столе фотографии с последней пленки Игошиной. — Посмотрите внимательно и постарайтесь припомнить, не знаете ли Вы людей, изображенных на фото, и обстоятельства, при которых эти кадры были сделаны?

Да первый раз вижу. — Исаев даже демонстративно отвернулся от разложенных фотографий. — С чего это я должен знать, кто и когда нащелкал эти картинки?

То есть, я могу записать, что людей, изображенных на снимках вы раньше никогда не видели? — Поинтересовалась я.

Вот именно. — Заявил задержанный. В его глазах вспугнутой птицей носилось беспокойство. Когда я разложила рядом фото Сашеньки из домашнего архива Исаева, в них полыхнула паника.

Вы ведете себя достаточно глупо, Виктор Андреевич. — Мне спокойствие тоже давалось все с большим и большим трудом. — Вот сравните, эти снимки изъяты в вашей квартире...

Ну и что с того? Я их на рынке купил...

Зачем?

Понравились. Портреты писать пробовал, вот и собирал симпатичные мордашки для тренировки...

А порно детское ты тоже для тренировки покупал? — Довольно грубо поинтересовался из своего угла Грязнов. — И чего ты при этом тренировал, паскуда?

Максим! — Предостерегающе одернула его я. На лбу у Исаева выступили крупные капли пота, но он продолжал настаивать на своем.

Это мое дело...

Хорошо. А как нам быть с десятком свидетелей, которые утверждают, что видели, как вы собственноручно делали вот эти самые кадры?

А я не спорю. Может, и попросила какая мамаша щелкнуть ее с ребенком. Мне что, жалко что ли? Вы, Тамара Владимировна.... Я правильно запомнил? — Я кивнула. — Прекрасно, так вот Вы мне скажете, наконец, в чем дело? Даже если я действительно фотографировал их? Это преступление?

Где девочка, Виктор Андреевич? — Тихо спросила я.

Исаев растерялся и молча смотрел на меня изумленными глазами.

В-в-в к-каком смысле? — Не спросил, а будто проблеял он.

Верните ребенка, Виктор Андреевич. Сашенька еще слишком мала...

Да-да, я знаю. — Неожиданно согласился Исаев. — Конечно, она маленькая. Но взрослые девочки такие избалованные, грубые... Я бы сумел воспитать из этой крохи приличную девчушку... Но эта курица, ее мамаша, сбежала от меня. — Тут он вдруг опомнился и совсем другим тоном произнес. — Но с чего Вы взяли, что я имею представление, где находится сейчас эта прелестная малышка?

Ее похитили.

Кто?

Вы, вероятно.

Ерунда. Зачем мне ее похищать? Ее ведь кормить надо, выгуливать... а я работаю...

Вместе с ребенком похитили автомобиль ее матери. Машину нашли, на ней ваши отпечатки пальцев...

Исаев сцепил на коленях руки и задумался.

Ну, хорошо. — Наконец решил он. — Да, мне действительно нравится этот ребенок. Я проследил за Викой и узнал, где они живут. Поймите, я не хотел Сашеньке ничего плохого. Я просто любовался на нее....

А на Олю Мосину ты тоже любовался? — Опять вклинился Максим. По щекам Исаева потек грязными дорожками пот. Или это слезы...

Я отсидел за это срок! — Жалко выкрикнул он. — Потом лечился несколько лет. Я понял, что

это плохо. — Он закрыл лицо руками.

Горбатого могила исправит! — Бросил Грязнов, выходя из кабинета. Виктор облегченно вздохнул и заторопился:

Я трогал, трогал эту машину. Да! Но только снаружи. Старался заглянуть в окно.

Зачем?

Если честно, надеялся, может, Вика какую-нибудь вещичку Сашину оставила. — Потупился он.

Украсть хотели?

Да нет, что вы! — Испугался Исаев. — Взять. Безделушку какую-нибудь... на память.

Ясно. Вы влипли в достаточно некрасивую историю, Виктор Андреевич. Сашу похитили, Вика в больнице...

Так Вы поэтому спрашивали меня о вчерашней ночи? — Облегченно вздохнул он. — Тогда я признаюсь... Я не хотел вводить Вас в заблуждение, да и Дашу таскать не стоило по милициям... Но раз все так повернулось, то я скажу. Всю прошлую ночь я провел с одной женщиной... С Дашей. Дарьей Валентиновной Уголовой...

* * *

... Даша сидела в кресле у темного ночного окна и тихонько плакала. Она, пожалуй, и сама не смогла бы объяснить эти горькие слезы. Просто, на душе было неуютно и тоскливо... Хотя, если подумать, то ничего плохого в ее жизни в последнее время, вроде, бы не происходило. Все самое тяжелое, горькое и страшное ей удалось пережить, не сломаться, найти в себе силы воспитывать девочек... Теперь, когда в ее жизни появился Виктор, даже ее личная жизнь пришла в норму... Правда, к новому человеку привыкать так сложно! Его привычки, глупые придирки... Наверное, она, Даша, уже не так молода, и поэтому ей трудно подстраиваться под чужие, непонятные ей условия. Насколько простой и понятной была ее жизнь с Олегом! Они, как части одного целого, понимали друг друга с полуслова... Да что там слова! Порой хватало одного взгляда, чтобы понять, чего от нее ждет муж... Та страшная авария лишила жизни не только Олега... Нет. Она на долгие пять лет отняла все душевные силы и у его жены... Если бы не девочки, Даша, наверное, и в самом деле наложила на себя руки. Но дети, не давали уйти в себя, просили кушать, плакали, били посуду, дрались, наконец... Сколько им тогда было? Кажется по три года... Да, точно, по три... Как они с мужем радовались, когда в роддоме им сказали, что в животе у Даши растут аж два маленьких существа! Олег расцеловал ее прямо там, в кабинете ультразвука. Правда, в тот раз им почему то сказали, что родятся два мальчика... Господи! Как давно это было. Как будто в другой, чьей то чужой жизни... Остаться в двадцать четыре года одной, без профессии, с двумя маленькими детьми на руках страшно... Ох, как страшно! Даша целыми ночами напролет не спала, все думала и думала ... Как воспитывать девочек, как, на какие средства покупать им еду, игрушки, одежду? Но мир не без добрых людей. Ей помогли устроить детей в ясли, найти работу... Ничего особенного, конечно, но на жизнь вполне хватает... о личной жизни Даша на все эти долгие пять лет просто забыла. Да и желающих связать свою судьбу с одинокой матерью двоих детей, если честно, на горизонте не вырисовывалось. Она уже вполне смирилась с тем, что весь остаток лет придется посвящать зарабатыванию денег и воспитанию детей... И тут в ее жизни появился Витя.

Познакомились они довольно банально. Он подошел к молодой мамаше в парке, где Даша в свободные от работы дни любила гулять с дочками. Здесь вполне можно расслабиться и дать

Марине с Таней побольше самостоятельности и свободы. Они так любят играть с другими детьми! Догонялки, прятки... В парке сложно потеряться, да и машин на аллеях не увидишь... Можно не наблюдать неотрывно за девочками, а помечтать закрыв глаза и греясь в теплых и ласковых солнечных лучах... Даша всегда выбирала для прогулок самые светлые и солнечные уголки парка.

Появления Виктора она сначала даже и не заметила... Очнувшись от своих мечтаний и увидела молодого, довольно симпатичного мужчину, который играл с Таней и Мариной на полянке около фонтана. Сначала Даша чего то испугалась, даже с лавочки привстала, чтобы окрикнуть дочек или отогнать от них подозрительного типа... Но, понаблюдав за их игрой, женщина успокоилась. Мужчина не вызывал никаких особенных опасений. Казалось, что играть ему нравится даже больше, чем детям... Тонким прутиком он расчертил ровную песчаную площадку под ногами и рассказывал Тане с Мариной о правилах игры в крестики-нолики. Девочки морщили лобики и внимательно слушали объяснения доброго дяди... Потом они играли. Хитрая Таня постоянно побеждала, и Марина в конце концов чуть не расплакалась... Заметив, что игра вот-вот перерастет в ссору, Даша все же решила вмешаться. Она тоже подошла к фонтану и предложила дочкам прогуляться до кафе, где торговали их любимым клубничным мороженым. Само собой ей пришлось познакомиться с их новым другом. Оказалось, что он тоже обожает именно такое мороженое... Позже, уже когда Виктор и Даша стали близки, он признался, что давно наблюдал за ней, но в силу своей скромности и застенчивости никак не мог найти в себе решимости подойти и познакомиться. К детям подойти оказалось легче... Привыкание друг к другу происходило трудно, они оказались очень разными людьми. Очень. Но за хорошее отношение к себе, за доброту и заботу о детях Даша готова простить Виктору многое... Не все, конечно, но очень-очень многое... Хотя порой понять его бывает совсем не просто... Вчера, например. Ночь обещала быть такой прекрасной! Даша специально уложила девочек спать пораньше, сготовила прекрасный ужин, купила свечи... Неожиданно свечи и стали яблоком раздора между влюбленными. Честно сказать, женщина до сих пор не может понять, почему Виктор не желает заниматься любовью при свете. Даша много раз пыталась говорить с ним об этом, настаивала хотя бы на бледном ночнике. Ведь так приятно в момент близости видеть перед собой влюбленные глаза партнера, его родные черты... Зажженные свечи стали последней каплей в их противостоянии. Виктор с неожиданной злобой загасил огонь, рывком поднялся с дивана и выскочил за дверь. Растерянная Даша ринулась было следом, но бежать по ночным улицам в тапочках и ночной рубашке небезопасно... Она несколько раз громко позвала его из раскрытой двери, но темный подъезд откликнулся гробовым молчанием... Неконтролируемые вспышки ярости у Виктора наиболее сильно пугали Дашу, слава богу, хоть случались они не слишком часто... Сегодня ранним утром друг опять напугал ее. Вернее не он сам, а люди, которые вломилась в ее дом из-за него. Ей предложили срочно проехать с ними в отделение милиции, где уже находится Виктор. На все ее настойчивые расспросы о причине его задержания хмурые невыспавшиеся милиционеры отвечали сдержанно и неохотно. Советовали подождать до прибытия на место, где ей все спокойно и толково объяснит следователь. Рекомендовали не беспокоиться... Не беспокоиться! Легко сказать! Как можно не волноваться, когда тебя практически на рассвете хватают и тащат неизвестно куда?... С милицией Даша имела дела крайне редко, практически ни разу до этого ее не приглашали в отделение так настойчиво...

Войдя в кабинет следователя, она сразу же увидела Виктора. Он, ссутулившись, сидел на стуле, его большие руки безвольно свисали между расставленных в стороны ног. Когда дверь открылась, он резко поднял голову и посмотрел Даше в глаза. Ее поразило, насколько он осунулся и постарел с тех пор, что они не виделись, а ведь времени прошло так мало...

Уголова Дарья Валентиновна, если не ошибаюсь? — Женщина оторвала взгляд от Виктора и

увидела еще одного человека, сидящего за столом.

Да. — Растерянно ответила она.

Вы приглашены сюда мною, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть алиби гражданина Исаева Виктора Андреевича. Он утверждает, что провел с Вами прошлую ночь, начиная где то с девяти часов вечера и вплоть до отбытия на работу, то есть до семи тридцати утра. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Даша растерялась еще больше. Что она может сказать по этому поводу? А что НАДО сказать? Чтобы не навредить Вите. Если он утверждает, что провел с ней эту ночь, значит, все нормально, нужно просто подтвердить и все. Но почему так тревожно мерцают глаза Виктора? Он не уверен в ее ответе? Или он совершил что-то противозаконное и теперь волнуется из-за этого? Вряд ли он мог серьезно нарушить закон... Она снова посмотрела на своего друга, он еле заметно кивнул ей.

Повернувшись к следователю, Даша твердо сказала:

Я подтверждаю, что провела эту ночь с Виктором Андреевичем Исаевым. Именно с девяти до семи тридцати утра.

И он не мог незаметно от вас покинуть помещение? Скажем, после полуночи? — Поинтересовался молодой следователь.

После полуночи точно не мог. Я очень чутко сплю. А в ту ночь я и вовсе не смогла уснуть, вставала несколько раз, Виктор спокойно спал на кровати у стены...

Спасибо Дарья Валентиновна. — Озадаченно и слегка разочарованно произнес милиционер. — Поставьте свои подписи здесь и здесь. — Он ткнул ручкой в какие то места на бумаге, — и можете быть свободны. Извините за беспокойство...

Домой Виктор и Даша возвращались вместе.

Спасибо тебе. — Тихо поблагодарил он. — Без твоих слов у меня могли быть серьезные неприятности.

Может, объяснишь все-таки, в чем дело? Я никогда раньше дел с милицией не имела и начинать не хотелось бы...

Ничего страшного не случилось, девочка моя. Просто... Ты знаешь, что я сидел в тюрьме...

За угон автомобиля, — нетерпеливо перебила его Даша. — Знаю. Но ты уверял, что все это в прошлом... Ошибки молодости. Неужели ты снова?...

Нет-нет. — Торопливо уверил ее друг. — Ты же знаешь, что я не при чем! Просто ночью угнали тачку у какого то крутого начальника, вот и таскают всех, кто мог бы это сделать... В их картотеках я прохожу как специалист по угонам... Да и случилось все недалеко от моего дома...

Теперь они от тебя, надеюсь, отстанут? Можешь на меня рассчитывать, я от своих слов не откажусь.

Еще раз спасибо тебе. — Виктор остановился и прижал женщину к себе.

Куда ты сейчас?

На работу. — Устало отозвался Исаев.

Но ты же всю ночь не спал!

Да перекантуюсь как-нибудь. Не говорить же начальнику, что провел ночь в милиции ... У нас, сама знаешь, люди какие. Считают, раз подозревают, значит, есть за что, дыма без огня не бывает, и все такое прочее...

Вечером придешь? Я сготовлю чего-нибудь вкусненькое...

Извини, малыш. Но вряд ли у меня останутся на это силы...

Ну, хорошо, отдыхай. Тогда до завтра? — Виктор кивнул и размашисто зашагал к автобусной остановке...

ГЛАВА 7.

В эту ночь я успела поспать не более пяти часов. Допрос Исаева закончился около трех часов ночи. Мы с Грязновым, вымотанные до невозможности, поехали домой. Максим позвонил Панкову и велел ему с утра пораньше привезти в отделение Уголову Дарью Валентиновну, которая являлась свидетелем в защиту Исаева, и допросить ее по этому поводу. По хорошему, конечно, следовало бы поговорить с ней мне, но я настолько плохо чувствовала себя... да и Максим явно уже клевал носом... Откладывать допрос и ждать, пока я отдохну, было не слишком целесообразно, дело и так непозволительно затянулось... В принципе, нет ничего сложного, вызвать гражданку Уголову и задать ей простой незатейливый вопрос... Дима вполне может с этим справиться. Вероятнее всего она подтвердит алиби Исаева, уж очень он уверенно на нее указывал. В принципе, это ничего не меняет, они спокойно могли договориться, времени было предостаточно, но если это случится, Исаева придется отпустить, что тоже не страшно, пусть за ним наблюдателя, вдруг приведет к ребенку...

Добравшись до дома я прямо в одежде рухнула на диван и мгновенно отключилась... Телефонный звонок, казалось, прозвучал через минуту после этого, но часы показывали, что уже почти девять...

Тамара Владимировна, не хотелось Вас будить, — зазвучал в трубке слегка виноватый голос Панкова, — но Панченко срочно требует Вас к себе...

Что то случилось? — спросила я, усиленно натирая заспанные глаза, которые категорически отказывались открываться...

Да у Андрюхи... Шарова, ЧП какое то, что ли... Я не очень понял. Панченко орет, а сути не говорит...

Так. — Наконец, проснулась я. — Он у нас где? В дачном кооперативе «Заря»? Правильно. Сидит в засаде, поджидает осквернителя грядок... Ну, и что там могло случиться такого срочного? Надеюсь, он его не пристрелил? — Пробурчала я. — Я сейчас подъеду, а ты к моему приходу подготовь протокол допроса Уголовой. Я так понимаю, пришлось Исаева отпустить?

Пришлось. — Уныло признался Дмитрий.

Наружку пустили?

Само собой, Тамара Владимировна. — Заверил Панков. — Вадик Знаменский сам пошел, Вы знаете, он специалист классный... Только ничего не дало пока наблюдение, Исаев прямо от нас на работу поехал автобусом, с тех пор из мастерской не выходил, постоянно на виду...

Ладно. Знаменскому я доверяю, обмануть его Исаеву вряд ли удастся. Ничего не остается, только ждать.

* * *

... Панченко встретил меня крайне недовольным взглядом.

Можно, Иван Тарасович? Мне сказали, Вы меня с самого утра разыскиваете?

Почему, интересно, Тамара Владимировна, Вас никогда на рабочем месте не бывает? Часами ждать приходится постоянно. Время уже десять, а Вы только заявились, как я понимаю?

Мы с Грязновым до трех ночи подозреваемого по делу Игошиной допрашивали...

Ну и как? Успешно?

Не особенно. Все указывает на Исаева, но у него алиби...

Ну, хорошо, — отмахнулся Панченко, — об этом после, напишите подробную докладную записку, я ознакомлюсь. Вы знаете, что у нас ЧП? — Желчно поинтересовался он.

Пока нет. — Осторожно ответила я.

Вы специально послали к супруге полковника самого никчемного вашего сотрудника? Чтобы меня опозорить, да? — Все больше распалялся Иван Тарасович. — Как теперь в глаза Дмитрию Петровичу смотреть, ума не приложу...

Да что случилось то!? — Не выдержала я. — Он жену полковника соблазнил что ли?

Бог с Вами, Тамара Владимировна! — Аж руками замахал Панченко, отгоняя такое нелепое предположение. — Этот, с позволения сказать, глупец, самым натуральным образом опозорил высокое звание российского милиционера, — высокопарно высказался он.

Иван Тарасович! — Тихо попросила я, старательно скрывая все нарастающее раздражение, — Вы объясните, наконец, что случилось?

Он не смог задержать обычного огородного воришку! Вооруженный милиционер подпустил к себе банального бомжа... Теперь преступник разгуливает на свободе, а ваш сотрудник загорает в клинике...

Где!?

Да там, в больничке деревенской. Вы что не могли кого то более ответственного послать? Или для Вас, Тамара Владимировна, честь мундира ничего не значит?

Что с Шаровым? Он ранен?

Да что ему будет! — Пренебрежительно бросил Панченко. — Дали слегка по кумполу, ничего

особенного...

Можно идти, Иван Тарасович? — Я зверела прямо на глазах и боялась, что начальник прочтет это в моих потемневших глазах.

Идите, Тамара Владимировна! — Язвительно напутствовал меня Панченко. — Хорошенько разберитесь, что за ерунда там произошла. И с охраной жены Дмитрия Петровича надо что то решать...

Я больше людей не дам. — Твердо ответила я. — Берите кадры в других отделах. У меня и так недокомплект ... Будете настаивать, сама поеду эти чертовы грядки охранять. — Я постаралась не хлопнуть оглушительно дверь.

На столе в кабинете меня ждал протокол допроса Уголовой. Я отодвинула его и набрала номер Максима.

Привет, Макс. Ты выпался? Хотя это не важно... У нас ЧП. Что то с Шаровым стряслось в этом кооперативе дачном. Он в больнице. Я собираюсь ехать туда и разобраться на месте. Ты будешь тут за меня. Исаева пришлось отпустить, за ним наблюдение установили, так что в любой момент может потребоваться оперативное реагирование... Жду не позже, чем через полчаса.

Я опустила трубку и углубилась в изучение протокола. Отвлек меня от этого увлекательного занятия шум в коридоре. Потом дверь резко распахнулась и на пороге возникла явно агрессивно настроенная дамочка лет двадцати — двадцати пяти.

Что Вы хотите? — Поинтересовалась я.

Так это Вы что ли Тамара Владимировна?

Может, тоже представитесь?

Шарова Наталья Сергеевна.

Очень приятно. Чем обязана? — За это утро я уже успела устать от агрессивно настроенных людей и хотела побыстрее избавиться от Шаровской жены ...

Как Вы могли отправить моего мужа ночевать в одном доме с этой нимфоманкой, женой полковника Зайцева? Вы что не знаете, что он только что женился? Его место дома, в моей кровати, а не рядом с

Успокойтесь, Наталья Сергеевна. — Как можно спокойнее попросила я, хотя мне хотелось только одного — схватить ее за шиворот и вытолкать вон. — Андрей направлен в командировку, это его работа, и не Вам решать, куда и с какой целью...

Если это его работа, как Вы выражаетесь, — уперла руки в боки вздорная баба, — то такая работа нам не нужна...

Откуда Вам стало известно о том, куда направлен Ваш муж? Вообще то, это служебная тайна...

Какая к черту тайна! Я бы так и не знала, ходила дура дурой, пока он там с этой дамочкой развлекается, да, слава богу, Димку Панкова встретила, он мне глаза раскрыл...

Я нажала кнопку вызова охранника. На пороге мгновенно появился молодой парень в форме.

Выведите эту женщину из отделения, и не пускайте больше... Если будет настаивать, можете задержать за хулиганство. — У Шаровой даже рот раскрылся от удивления, она никак не ожидала такого поворота событий. — Вряд ли Ваш муж будет Вам благодарен за то, что вы позорите его перед начальством. — Бросила я ей вслед, когда она уже переступила порог.

Подняв трубку телефона, я резко сказала:

Панков? Срочно зайди ко мне.

Через минуту, улыбающийся Дима входил в кабинет.

Тамара Владимировна, вызывали? Уже прочитали протокол? — Увидел он в моих руках бумаги. — Ну, как?

Отвратительно. — Сухо ответила я. — Ты все дело завалил. Почему на допросе присутствовал Исаев?

Ну, он сказал, что без него Уголова может отказаться подтвердить алиби... — Улыбка сползла с лица Панкова. — Он сам много раз просил ее не афишировать их отношения... ну, и вот... Но ему ничего говорить не пришлось. — Торопливо продолжил он. — Уголова сразу подтвердила, что провела с ним всю ночь до утра...

А как ты думаешь, любящая женщина могла ответить на поставленный в лоб вопрос, подтверждает ли она алиби своего любовника? Если бы ты хоть просто спросил, где она была той ночью, или когда последний раз Исаева видела... А ты прямо в лоб вопрос выдал... Молодец!

Я не подумал... — Расстроено признался Дима. — Я вообще то первый раз сам допрос проводил... Я, когда со свидетелями разговариваю, всегда стараюсь конкретно вопросы формулировать, чтобы время не затягивать... Можно ее еще раз вызвать...

Теперь они уж точно с Исаевым договорились, все детали обсудили...

Но она не может пойти на создание его фальшивого алиби! — Убежденно воскликнул Панков.

Почему это ты так в этом уверен? — Устало поинтересовалась я.

Но она же сама мать! У нее две малолетние дочери. Разве может она покрывать педофила?

В жизни, Дима, может быть все, что угодно. Ты еще слишком молод, если не понимаешь очевидных вещей. Надо было, конечно, самой Уголову допрашивать. Но и так нормально, у нас появилась возможность проследить за подозреваемым... Он сейчас напуган, и, если он все же виновен, непременно приведет наблюдателя к девочке...

Да я просто уверен, что это он! — Горячо воскликнул приободрившийся Панков. — Глаза, как у кошки нашкодившей, бегают...

Посмотрим. Честно сказать, я твоего энтузиазма не разделяю... Иди, ты свободен, можешь ехать домой и поспать пару часиков, ты сегодня тоже пол ночи не спал. Только телефон поближе поставь. Потребоваться можешь срочно... — Он уже направился к выходу, когда я его «обрадовала» — И еще, объявляю тебе выговор. Строгий.

За что? — Опешил парень.

Чтобы не забывал, что ты не на базаре работаешь, чтобы языком дорогу мести... За подлость тебе Шаров, я думаю, сам отсыпит сколько положено...

Я не понял, что случилось то? — Заволновался Панков.

У меня только что была Наталья, жена Андрея... — Дима покраснел. — Если уж мне так досталось, то Шарову я не завидую...

Но я же просто пошутил... Подзадорить хотел...

Уволь меня от подробностей. — Сухо прервала я. — Я свое отношение к твоему поступку выразила, обсуждать не желаю... Выводы делай сам, пожалуйста. Наедине со своей совестью. Ступай.

Красный, как рак, Панков поспешно выскользнул за дверь. Коротко объяснив подоспевшему вскоре Грязнову наши новости, я вызвала машину с шофером и направилась в злополучный дачный кооператив «Заря».

Для начала я решила узнать подробности происшедшего. Лучше самого Шарова обрисовать ситуацию не мог никто. Андрея я нашла на пороге Зайцевской дачи.

Привет. Ты вроде в больнице должен быть?

Да что там делать? — Отмахнулся он. — Подумаешь, сотрясение мозга. Переживу на ногах.

Геройствовать, вообще то, смысла нет. Сейчас разберемся что к чему и в город. Там сразу ко врачу пойдешь, и, если потребуется, возьмешь больничный. Ясно?

Ясно. — Вздохнул Андрей.

Тогда давай, быстренько рассказывай.

Ну, что говорить то... — Неохотно начал парень. — Выбрал место для засады... От крыльца недалеко. Вроде, предусмотрел все. Весь участок просматривается, тыл домом прикрыт... Что случилось, я даже не понял... Зайцева спать ушла, свет везде потушила, я занял позицию свою. Сижу, жду. Вдруг удар по голове. У меня даже искры из глаз посыпались... Вырубился минут на тридцать, похоже... Очнулся, цветы в палисаднике поломаны, окно на веранде разбито... Зайцева даже не проснулась... Мне сначала так хреново было, тошнило... Упал два раза. Вызвал по телефону врача... Тут хозяйка подроспела, помогла добраться до веранды. Мне в больнице уколы какие то сделали, поспал немного... Вроде, слегка очухался. Вот вернулся сюда, пытаюсь в деталях разобраться...

Ну, давай, вместе попробуем... Оружие хоть не отняли? — Это было бы уж совсем из рук вон плохо.

Нет. — Успокоил меня парень, — что, в принципе, странно... Вообще, нелепая какая то история. Неужели, ворюге так приспичило цветы поломать, что он не побоялся связаться с вооруженным милиционером? Что его тут так привлекает?

Есть у меня некоторые соображения на этот счет. — Задумчиво протянула я.

Поделитесь? — Заинтересовался Шаров.

Позже. Пойдем, место происшествия осмотрим.

Место для засады Андрей, действительно, выбрал грамотно. За пленницей. Обзор прекрасный, и тыл прикрыт вполне основательно. Я подозревала, что Шаров не больно то серьезно отнесся к своему заданию и по обыкновению вздремнул на посту. Поэтому и проморгал нападавшего.

Меня, видимо, по башке вот этим поленом саданули. — Прервал мои размышления Андрей. — Вон волосы, видите, пристали... и кровь ... Правда, у меня, вроде, нет открытых ран. Может, в волосах не видно, да и мало совсем крови...

Ты сядь, Андрюш. — Предложила я, когда мы поднялись на веранду, — ты такой бледный, что даже смотреть на тебя жутковато... Где я хозяйку найти могу?

Она наверху, в спальне.

Ты посиди тут пока, я сейчас с дамочкой побеседую, и поедем в город. Тебе в больницу срочно надо...

Да это подождет. Не расскажете, какие предположения...

Да никаких, Андрюш, предположений. Все ясно и просто, как гоголь-моголь.

Что ясно? — Разинул рот от изумления Шаров.

Грош тебе цена, парень, как менту, если ты очевидных вещей не замечаешь... — Видя, как вытянулось от обиды лицо Шарова, я примирительно добавила:

— Ну, сегодня тебе простительно, что котелок не больно варит.

Гражданка Зайцева сидела в кровати и подпиливала и без того идеальные ногти. Когда я открыла дверь, она недовольно протянула:

Стучатся, вообще то, приличные люди.

Я молча подошла к кровати и повернула руки женщины ладонями вверх. Как я и ожидала, они оказались поцарапанными.

Что Вы себе позволяете! — возмущенно взвизгнула Зайцева. — Кто Вы вообще такая?

Кочетова Тамара Владимировна. Коллега Вашего мужа. — Представилась я. — Приехала разобраться с ночным происшествием...

Вот и разбирайтесь на здоровье. Нечего за руки хватать...

Так я уже выполнила свою работу. — Ответила я, усаживаясь в кресло.

Как это? — Не поняла собеседница. — Как Вас понимать?

Как угодно. Даю Вам десять минут на то, чтобы Вы привели себя в порядок. Мы едем в город.

Это с какой стати я должна Вам подчиняться, скажите на милость? — Высокомерно поинтересовалась Зайцева.

Я арестовываю Вас за покушение на жизнь Шарова Андрея Сергеевича.

Ты дихлофоса что ли нанюхалась, подруга? — Грубо и развязно поинтересовалась собеседница.

Вы бы не выражались, гражданка Зайцева. Я при исполнении, если Вы забыли....

При исполнении, не при исполнении... какая к черту разница? За базар отвечать надо! Прежде, чем бакланить, неплохо бы доказать...

Легко. Во первых на полене, которым ударили Андрея, Ваша, гражданка Зайцева, кровь, руки Вы поцарапали, стараясь посильнее ударить... Тапочки тоже вещественное доказательство...

А они то тут при чем?

Все в опилках. — Коротко проинформировала я. — Вы свет ночью не включали из соображений конспирации, вот и не заметили, сколько мусора деревянного налепилось на Ваши тапочки мохнатые.... Или, может, Вы писать перед сном за поленницу ходили?

Жена полковника Зайцева надолго впала в задумчивость. На ее миленьком юном лице явно читалась напряженная работа мысли. Потом она, видимо решившись на что то, вылезла из под одеяла и подошла к креслу, в котором сидела я.

Слышь... Тамара... Я правильно запомнила?

Тамара Владимировна. — Сухо поправила я.

Пусть будет Тамара Владимировна. Ты же баба, как и я... Ты пойми, ведь жить со старым козлом, к тому же почти импотентом, не сахар... Тянет порой на развлечения... Ну, ты понимаешь...

Вполне. — Охотно согласилась я. — Только я всегда старалась удовлетворять свою... похоть, не причиняя вреда посторонним людям... Чувствуете разницу?

А что мне было делать? Эти гадские зануды... я про соседей... начали мужу стучать, что ко мне мальчик по ночам приходит, пока полковник мой в городе службу несет. Он, хоть и сам редко на меня поглядывает, ревнивый, жуть! Я уж выкручивалась, как могла... Ну, и придумала, что жулики, дескать, на участок шастают... Он, вроде, поверил... И вдруг, вчера такой подарок! Охрану прислал. Я никак такого не ожидала! Прикинь, Мишка, как обычно, притащится после двенадцати, а тут мент с пистолетом и наручниками на изготове! Что бы тут началось! Представить страшно! Понимаешь? — Она с надеждой заглянула мне в глаза.

Не совсем. Нет, в принципе, все ясно, только в чем провинился Шаров, я как то не уловила пока.

Да ни в чем! — Искренне заверила меня Зайцева. — Просто подвернулся не вовремя. Он паренек приятный... — Глаза полковницы влажно заблестели. — Но мне и о себе подумать пришлось.

Может, стоило с ним откровенно поговорить?

Да не могла я рисковать, как ты не понимаешь! — С досадой воскликнула женщина. — Если Димчик меня турнет, мне и пойти некуда! Да он всю мою семью кормит и содержит вместе с братьями и бабушкой... Предупредить Мишу я не смогла, пришлось на время Вашего сотрудника вырубить...

А если бы убила? — Тихо спросила я.

Да я аккуратно...

Аж руки все ободрала от усердия... Короче! У меня дел полно еще, кроме вашего нелепого водевиля. Да и Андрею срочно в больницу надо. Так что собирайтесь побыстрее, гражданка Зайцева, пора ехать...

Ты денег что ли хочешь? Так и сказала бы, чего ломаться... Сколько? Сразу много дать не смогу, но у меня брюлики есть...

Собирайтесь, я Вас внизу подожду. Через пять минут выезжаем. Если не поторопитесь, прямо в халате поедете.

А я ведь слышала о Вас. — Нагло подбоченилась Зайцева. — Не зря кликуху то дали. Горгона Медуза и есть! Очень подходяще для старой девы! Мне говорили, что все вы до безобразия завистливы. Как говорится «ни себе, ни людям»...

Я открыла дверь и вышла. Ровно через пять минут женщина, одетая в джинсы и синюю майку, спустилась на веранду.

Вы еще ответите за самоуправство! — Прошипела она. — Я через двадцать минут выйду на волю, тогда Вы у меня попляшете.

Тогда придется придумать для Дмитрия Петровича ну очень трогательную и «правдивую» историю. — Насмешливо ответила я. — Вещественные доказательства, запакованные в целлофан уже в багажнике «Волги», только Вас и ждем.

ГЛАВА 8.

Всю дорогу Зайцева пыталась скандалить. Я погруженная в свои мысли просто отключилась от ее наглых выкриков. Шарову это удавалось с огромным трудом. У него и без того зверски болела голова, при чем по вине как раз этой вот громогласной красотки. Его лицо имело такое зверское выражение, что я просто опасалась, что кулак парня может самопроизвольно прикрыть этот бесстыжий ротик. Андрей даже придерживал одной рукой другую, но пальцы все равно сжимались аж до скрипа костей. Пару раз нам приходилось останавливаться, так как парня нешуточно тошнило... Вообще вид он имел разбитый и больной. Ему поскорее требовалась консультация опытного врача.

Приехав в город, я не стала тратить больше время на наглую девицу, а просто отправила ее с шофером в отделение, предварительно позвонив Максиму и попросив его взять на себя оформление ареста гражданки Зайцевой. Затем пересела за руль служебной «Волги» и с мигалкой понеслась в больницу.

Врач принял нас минут через десять. По его мнению, ничего особо серьезного у Шарова не было. Хотя сотрясение, конечно, не шуточное. Требуются уколы, таблетки и полный покой. В принципе, отлежаться Андрей мог бы и дома, если есть человек, умеющий делать элементарные внутримышечные инъекции... Перед моими глазами сразу же встало разъяренное лицо Шаровской супруги, ее упертые в боки руки, воинственный взгляд.... Да уж о покое по возвращении домой Андрей может даже и не мечтать! Я категорически стала настаивать на госпитализации. Врач особенно не возражал, и молоденькая медсестричка повела парня показывать палату и его индивидуальное койкоместо.

Теперь за здоровье Шарова я была относительно спокойна. Он попал в надежные, опытные

руки врачей. Я решила воспользоваться случаем и посетить своего доктора тоже. Правда, Лев Антонович назначил на завтра... Я развернулась и решительно зашагала в отделение гинекологии. Доктор Лебедев встретился мне по дороге. Он поднимался по лестнице с видимым трудом, отдыхая через каждые три ступеньки. Надо же! — Позавидовала я. — Дожил до таких преклонных лет, а еще имеет силы и желание заниматься своей любимой медициной...

Лев Антонович! — Окликнула я. — Вы меня помните? Я Кочетова ... вчера у Вас на приеме была...

Конечно, я Вас помню, милочка. — Глянул на меня поверх очков доктор. — Сегодня утром Ваши анализы просматривал...

И как там? — Робко поинтересовалась я. — Все нормально?

Вообще то, у меня день сегодня не приемный, операция через два часа... — Мы, наконец то, достигли вершины лестницы, и Лев Антонович вздохнул с облегчением. — Очень полезно подниматься пешком. Можно, конечно, на лифте, но так намного полезнее... Трудновато, правда, в последнее время...

Извините, доктор, за беспокойство. — Заторопилась я. — Я завтра приду. Просто я тут коллегу с ранением привезла.... Я пойду...

Ну, куда же вы, милочка? — Добродушно улыбнулся врач. — Пойдемте, раз уж пришли, время еще есть...завтра зато работы поубавится. Да и Вам, я вижу, невтерпеж...Так чего же тянуть? Располагайтесь. — Кивнул он мне на стул, когда мы, наконец, достигли кабинета. Лев Антонович достал мою карточку и задумчиво ее полистал. — Все, как я и предполагал. Беременность подтвердилась. Срок четыре-пять недель. — Мое сердце забилося частыми глухими ударами. — Что Вы еще узнать хотите? — Вопросительно глянул мне в лицо доктор. — Решили уже, как поступите с ребенком?

Я не знаю, на что решиться, Лев Антонович... А как он вообще... Развивается нормально?.. — слова давались мне с большим трудом.

Все просто замечательно. Плод довольно сильный, жизнеспособный. Вам самой, конечно, Тамара Владимировна, нужно получше следить за здоровьем... Давление шалит, гемоглобин ниже нормы... Насчет курения я не прошу, а просто настаиваю. Вы и себя, милочка, губите, а уж о ребенке я и не говорю... Да Вы и сами должны это понимать...

У меня перед глазами все поплыло, мне даже показалось, что оконная рама сначала слегка сплюснулась, потом раздвоилась...

Что с Вами, Тамара Владимировна? — забеспокоился врач. — Вам не хорошо?

Ничего страшного. — Я даже смогла выдавить из себя жалкое подобие улыбки. — Последнее время я часто испытываю внезапные приступы тошноты и головокружения... Сейчас я немного посижу и все само собой придет в норму... — Я несколько раз глубоко вздохнула, слава богу, мне удалось собраться, я выпрямилась на стуле, — В моем возрасте носить ребенка, наверное, всем приходится не легко, особенно первого... — Я старалась изо всех сил скрыть насколько мне плохо, но опытный взгляд доктора, мне все же обмануть не удалось. Лев Антонович довольно резво для своих лет выскочил из-за стола и подбежал ко мне с какой то жидкостью.

Вот, выпейте, это Вам поможет, и не надо так напрягаться, стараясь показать насколько Вы

сильная и самодостаточная женщина... Поверьте, это и так знают все окружающие Вас люди. Они Вас ценят и уважают... Но сейчас Вам прежде всего нужно заботиться не о том, кто и что подумает, а посвятить хотя бы ближайшие месяцы исключительно себе и своему еще не родившемуся ребенку.

Тогда пойдет прахом все то, чего я с таким трудом добивалась все эти годы...

Да почему!? Это глупое и нелепое представление. Ну, поищут с полгодика преступников без Вас! Думаете, не справятся? Или боитесь, что Вам ничего не останется? Всех посадят?

Это вряд ли! — Улыбнулась я.

Вы посмотрите вокруг! Даже артистки, певицы, балерины, уж, как они боятся потерять форму, выпасть из обоймы... и то решаются. И ни одна не исчезла с экранов по этой причине, поверьте. Ну, сняли одну, максимум две картины без нее...Посмотрите, почитайте, как жалко заканчивают те, кто не потрудился этого понять, променял потомство на карьеру. И это даже не смотря на известность и всенародную любовь... Тамара Владимировна, поверьте, годы прожитые Вами ничто. Все самое важное, сложное еще впереди... И одиночество, и тоска. Вы же сами себя на это обрекаете. Вы всю жизнь боялись жить, извините за банальность... боялись будущего. Послушайте моего совета, я старый человек, многое повидал и знаю, о чем говорю. Рожайте! Рожайте этого ребенка и станьте, наконец, счастливы. Вам дан последний, фантастический шанс... Подумайте... Ну ладно. Вы уж не девочка, чтобы лекции мои выслушивать. Брюзжания стариковские... Вот вам рецепты, витаминчиков попейте... а ко мне через недельку загляните. Слышите? Обязательно загляните. И бросайте курить к чертовой матери!

* * *

Разговор с доктором выбил меня из колеи. Я ощущала себя не просто разбитой, а будто разобранной на запчасти... Нет, в таком состоянии на работе появляться нельзя. Если что-то случится неординарное, Максим позвонит на сотовый, да и неприятный разговор с начальством по поводу Зайцевой неплохо бы отложить... Я развернула машину и поехала по направлению к торговому центру. Почему то со страшной силой захотелось посетить магазин игрушек. Я уж лет десять не заглядывала в Детский мир... То что я увидела, меня, сказать по чести, ошарашило. Господи! Как все изменилось за эти годы. Я будто попала в загадочную волшебную страну, ей богу! Со всех сторон на меня взирали лукавые, добродушные, глупые плюшевые мордочки всевозможных цветов и размеров, посреди торгового зала возвышался огромный робот, собранный каким то кропотливым умельцем из десятков тысяч маленьких цветных квадратиков... Кажется это называется «Лего». Что то подобное я видела в рекламе. Качели, коляски, велосипеды... было от чего голове кругом пойти... Я с удовольствием переходила от прилавка к прилавку, рассматривала диковинные машинки... Я и не видела раньше ничего подобного. Господи, как же я от жизни отстала. Окружающие меня юные покупатели со всех сторон канючили у родителей «трансформер», «тамагочу», «фингерборд», а я даже не понимала, о чем идет речь... Я не могла уйти и не унести с собой кусочек этого великолепия, прекрасной сказки, в которую неожиданно для себя внезапно попала. Я купила огромного коричневого мишку. Мягкий и такой домашний, он просто излучал доброту и уют, я вполне представляла его добродушную мордашу у себя в гостиной на диване, потом купила Ксюхиным детям десяток книг, робота и куклу с красивым именем «Барби». Я вышла из магазина практически счастливой. Удобно усадив нового друга на заднее сидение авто, я положила его плюшевые лапы на пакет с остальными игрушками и поехала к отделению. У ворот я заметила Грязнова. Максим курил и разговаривал с парнем из дежурки. Я ему посигналила.

Привет! Ну, как дела?

Да, в принципе, ничего нового, наблюдение за Исаевым пока ничего не дало, этот гад, как ни в чем не бывало, после работы направился домой и, похоже, завалился спать. Может, позже, к вечеру что то прояснится... — Ворчал он, усаживаясь на переднее сиденье. Он с удивлением покосился на плюшевое великолепие позади себя, но промолчал.

Ты совсем не допускаешь, что Исаев невиновен? Может, мы ищем не в том направлении?

Да он это, я уверен. Не бывает таких совпадений, пойми. Привязался к ребенку извращенец-педофил, потом мать малышки его кинула и исчезла, он вычислил ее дом, был там.... И ночью ребенок исчезает.. Да этот гад в деле погряз по самые свои поганые яйца!

А как же быть с алиби? И где в конце концов ребенок?

Я послал Димку поотираться во дворе нашей свидетельницы, с соседями потолковать... А вот, где девочка, вопрос трудный. Я очень беспокоюсь за нее. Этот Исаев такой спокойный... а ведь уже более полусуток он под нашим вниманием, а девочку он не навещал... ее ведь кормить надо, ну, там пеленки менять.... Должен же он что то делать! Иначе зачем воровать? Такой риск, и все коту под хвост. Он должен пойти к ней!

Главное, чтобы не было поздно. — Печально ответила я. — А вдруг, уже...

Все может быть. Фиг поймешь этих извращенцев. Помнишь, случай был года два назад? Мамаша выбросила младенца в окно, за то, что он отказывался есть соленые грибы... а у нее после пьянки только они и остались...

Помню. И от этого на душе еще поганее.

Мы делаем все, что можем. Не стоит пока думать о самом плохом, будем надеяться. Кстати, ты опять не ела с самого утра? Пойдем-ка покушаем чего-нибудь горяченького. — Предложил Макс. — Тем более, что тебя по всему отделению разыскивает свирепый Панченко.

Тогда принимаю твое приглашение. — Улыбнулась я. — С удовольствием. Не стоит попадаться начальству под горячую руку.

Согласен!

ГЛАВА 9.

В кафе нам достался довольно уютный столик в нише у окна. Когда нам подали борщ, Грязнов неожиданно спросил:

Тамар, что с тобой происходит в последнее время? Может, поделишься... Вроде, не чужие друг другу.

Нормально все. — Не слишком искренне поспешила с ответом я. — Устала немного. Ты прав, нужно отпуск взять, а то и заболеть можно...

Что я слепой что ли? Если считаешь, что это не мое дело, так и скажи, а дурака из меня делать не стоит.

Я торопливо полезла в сумку, стараясь скрыть такие нелепые и несвоевременные слезы,

подступившие как-то вдруг к глазам... Горячая рука Максима накрыла мою ладонь.

Успокойся. Ну, чего ты, в самом деле? В личной жизни проблемы? Нашла кого-то? Или, может, уже успела потерять?

Я же сказала, все нормально. — Я мягко высвободила руку и взялась за ложку. — Все хорошо.

Хочешь, я морду ему набью? — Хмуро предложил Макс.

За что? — я чуть не подавилась от неожиданности.

Я не слепой. И не дурак. Эти твои головокружения, бледность, Шаров сказал, ты в гинекологию ходила...

Ну, и что с того?

Ты беременна? — Прямо спросил Максим.

Какая тебе разница? Это только мое дело. Понимаешь? К работе это пока не имеет отношения...

Вот именно, — неожиданно резко сказал он. — Только твое. А где этот парень, хотел бы я знать? Где он? Почему его не видно? Как он позволяет тебе ходить с утра до вечера голодной и усталой, ездить в общественном транспорте? Ему что, совсем на вас с ребенком наплевать? — Максим говорил достаточно тихо, но чувствовалось, что ему хочется заорать и ботнуть кулаком по столу так, чтобы тарелки разлетелись в разные стороны. Теперь уже я накрыла ладонью его руку, стараясь немного успокоить друга. — А ты еще спрашиваешь за что? Да у тебя глаза потухли! Вот за что.

Не надо искать виноватых, Максим. Это была случайная связь... слабость минутная... Понимаешь? Он уехал далеко и никогда не вернется. А самое главное, мне это и не нужно вовсе.

Это я понимаю. — Проворчал Макс. — Как не понять! Ты у нас девушка гордая и не зависимая. — Горько сказал он и принялся есть остывший борщ.

Не надо так. Я же, вроде, ничем тебя не обидела...

Еще как обидела. Тогда еще, десять лет назад. Ты вот сейчас сказала: «Случайная связь, минутная слабость...» Как по лицу ударила...

Так я же не о тебе.

А я был не минутной слабостью? — Разозлился Грязнов. — Двухминутной? Пардон, со мной ты почти месяц протянула...

Мы же говорили с тобой об этом, Максим. Нельзя смешивать работу и личные проблемы. Они неизбежно начинают мешать и тянуть назад.

Это все слова. Если бы ты тогда хоть чуточку меня любила, как я тебя, то поняла бы, насколько нелепы все эти доводы...

Прошло десять лет Максим! Десять. Тогда тебе было всего двадцать пять. Перед тобой открывался весь мир, куча юных прелестниц жаждали твоего молодого ненасытного тела... И

ты еще упрекаешь меня в том, что я тебя оставила? Я в свои тридцать лет, с ужасным характером, тяжелым прошлым, освободила тебя, а ты еще и винишь меня в этом через столько лет! Окстись, дорогой! Другой бы спасибо сказал, и был бы счастлив...

Спасибо! Спасибо, дорогая! Я так счастлив, что не знаю, куда деваться от счастья. Вот не женюсь никак. Уж тридцать пять, а я все тащусь от радости...

Ты просто не в настроении, Максим, вот и несешь незнамо что. Я и не ожидала, что ты умеешь быть таким...

Каким?

Жестким, колючим Злым...

Привыкай. — Грязнов наклонился над тарелкой и еще активнее заработал ложкой. Второе мы поглощали в полнейшем безмолвии... Мне было неуютно рядом с Максимом. Пожалуй, впервые за эти годы я взглянула на него другими глазами. Тогда, десять лет назад все началось так внезапно и несерьезно, что я просто не успела найти в себе силы избежать сближения, а потом и близости, с симпатичным напористым парнем. Нам, действительно, было хорошо вместе... но не на столько же, чтобы трепетно хранить воспоминания на протяжении стольких лет... я всегда ценила и уважала Макса, как мужчину, специалиста и просто хорошего человека, но смогла вовремя остановиться, избежать многих расстройств и разочарований. Конечно, я не Железная леди, как считают мои сослуживцы, не ледяная снежная баба, как утверждали многие мои любовники... Нет. Разрыв с Максимом и мне дался нелегко. Он до сих пор не знает, что все случилось после того, как я увидела его в парке на лавочке, страстно лобызающим юную белокурую прелестницу... Объясняться, качать права, показалось мне унижительным, я просто с мягкой нежной улыбкой расставила все точки над и. Один раз и на всегда. Объяснила, что любовь прошла, помидоры завяли... Макс долго не хотел понимать, что это окончательно и бесповоротно, но смирился в конце концов... Все эти годы мы работали бок о бок, но никогда Грязнов не позволял себе подобных выпадов. Ни разу не ставил меня в такое неприятное и двусмысленное положение.

Уже в машине Максим хмуро сказал.

Ты извини, меня... Я сорвался просто... Не спал, считай, трое суток...

Не оправдывайся, Макс. Со всеми случается... Ты прав, мы же не чужие, всегда сможем понять друг друга...

Если бы. — Проворчал он и отвернулся к окну. — Лично мне понимать тебя становится все труднее.

Я предпочла промолчать и уверенно направила «Волгу» к отделению.

Люди вон уж по домам расходятся, к уютным диванам и телевизорам, а мы с тобой еще только на работу едем. — Чуть позже заметила я. — Наверное, мы оба ненормальные.... Эти ...как их... трудоголики...

Какие к чертям трудоголики! Я бы сейчас с удовольствием растянулся на кровати перед голубым экраном. Только пока всякая мразь, типа этого Исаева, бродит поблизости, как-то не ложится.

* * *

Только я успела усесться на свое рабочее место, как в мой кабинет тяжелой поступью пожаловало начальство. На моей памяти это чуть ли не первый случай, когда Панченко самолично соизволил посетить своего подчиненного.

Тамара Владимировна! Вы целью себе поставили меня в могилу свести? — Высокопарно воскликнул он, тяжело опускаясь на стул, где обычно сидят свидетели и подозреваемые. — Что за водевиль получился на даче полковника Зайцева?

Мы оперативно разобрались с нарушениями, виновная арестована, Шаров в больнице. — Спокойно ответила я.

Вас просили всего-навсего разобраться с огородными воришками, а Вы таких дров наломали... Я просто в шоке, Тамара Владимировна.

Не было никаких воришек, Иван Тарасович. Гражданка Зайцева с целью личной выгоды напала на сотрудника милиции, покушалась на его жизнь. В результате Шаров в больнице....

Да ладно Вам, ерунду то говорить! Вы что, совсем что ли соображения не имеете? Неужели, нельзя было все тихонько разрулить, чтобы мне краснеть перед полковником не пришлось?

А Вам то за что краснеть? — Искренне удивилась я. — Или Вы тоже прельстились прелестями мадам Зайцевой?

Прекратите немедленно, Кочетова! — Свирепо воскликнул Панченко. — С элементарным заданием справиться не смогли, а теперь иронизируете не к месту.

Простите! — Покорно повиновалась я.

Вам не у меня надо прощения просить, а у полковника и его жены...

Да пошли Вы, знаете куда! — Неожиданно даже для самой себя заорала я. — Чтобы я просила прощения у этой похотливой крашеной сучки! Да меня потом в отделе засмеют! А Андрею в глаза как после этого смотреть? Если Вам, Иван Тарасович, нравится лизать старую сморщенную задницу полковника, то запретить не могу, хоть смотреть и противно, но уж меня от подобного увольте! Я лучше уволюсь. Меня давно в налоговую полицию зовут, и Вам это известно. Если Вам на своих сотрудников наплевать, Вы ноги готовы вытирать о нас, то мне голова Андрюшки Шарова дорога, как собственная. И я буду биться до конца, чтобы виновные были наказаны. Ясно? — Во весь голос рявкнула я на присмирившего и обалдевшего начальника.

Видимо, это вышло излишне звучно, так как дверь немедленно распахнулась, и на пороге возникла фигура встревоженного Максима. За его спиной маячила любопытная физиономия Панкова.

Вы на совещание? Проходите. А то поздно уже, всем домой хочется. — Я с вызовом посмотрела на сидящего начальника, после сказанного ранее, опасаться было уже нечего. Он встал и, молча, с достоинством понес свой представительный живот к выходу. В дверях он столкнулся с жизнерадостным Мишей. На его приветствие Панченко ответить не соизволил, так и выплыл в коридор, провожаемый моим злующим взором, насмешливыми улыбками Грязнова и Панкова и недоуменным взглядом эксперта.

Чего это он? — Весело поинтересовался Миша. — Надулся, как будто его индюк обкакал?

Почему не голубь? — Поинтересовался Дима.

От голубя так не попрет. — Авторитетно пояснил тот. — Больше надо, и запах опять же. Ты нюхал, как индюки гадят?

Прекратите балаган. — Недовольно приструнила я сотрудников. — Не в цирке. Рассаживайтесь и давайте начинать совещание.

Все же со сморщенным задом ты переборщила, Том. — Счел своим долгом заметить Максим.

А подслушивать было не обязательно.

Тогда орать на все отделение не стоило. — Парировал тот.

Хватит базар разводить. У нас есть о чем поговорить, кроме задниц и индюков. Панков! Что ты узнал у соседней Уголовой? Или опять полдня впустую убил?

Ну, не совсем... — С легкой обидой откликнулся Дима. — Есть кое-что интересное.

Ну, так давай, не тяни, выкладывай.

Уголову соседки хорошо знают. Отзываются вполне доброжелательно. Женщина она хорошая, спокойная, аккуратная...

Давай к делу ближе, что конкретно по похищению?

В интересующий нас вечер, соседка справа не могла уснуть, у Ольги Павловны язва, и в тот день обострение было... Короче, около двенадцати она слышала, как Дарья Валентиновна кричала на лестнице. Прислушавшись, соседка поняла, она зовет кого-то, кто только что вышел из квартиры. Судя по некоторым словам, Ольга Павловна поняла, что произошла какая-то ссора. Уголовы просила прощения и призывала беглеца вернуться....

Ну и как, призвала?

Тут свидетельница не уверена, может, позднее он и вернулся, она не настолько любопытна, чтобы у двери ночевать. Подождала минут пять, видя, что больше ничего не происходит, пошла посмотреть телевизор.

Я же говорил, что это Исаев. — Удовлетворенно хмыкнул Максим. — Да у него на роже написано, что он виноват.

Не торопись, Макс. Сначала нужно с Дарьей Валентиновной еще разок поговорить. Ты, работая столько лет, должен бы уже привыкнуть, что бывают всякие, даже самые невероятные совпадения...

Но не в этот раз. Именно потому, что я работаю столько лет, то своей интуиции привык доверять. Я его глазки сальные, как увидел, сразу понял — это наш клиент.

И все же до повторного допроса Уголовой вылезать с обвинениями мы не можем. Если она упрется на своих прежних показаниях, то перешагнуть ее будет сложновато...

И как она не боится пускать в дом такого человека? — Недоуменно произнес Панков. — У нее две дочери малолетние... О чем только думают эти глупые женщины?

Тебе по молодости не понять. — Проворчал Грязнов.

Опять базар решили устроить? — Возмутилась я. — Может, по делу есть какие то замечания? Миша, у Вас что?

Ничего сногсшибательного. Глина на полу в доме Игошиной идентична той, где машина застряла... Автомобиль... Ну, он вполне исправен. Просто завяз в песке. Судя по всему, его пытались вытащить, под задними колесами навалены ветки... но все это как то бестолково и второпях... Это подтверждает, что преступник был один. — Видя не совсем понимающий взгляд Панкова, эксперт пояснил. — Если бы их было двое, машину удалось бы вытолкать. Она засела не слишком низко... да и следов упора толкавшего не просматривается...

Значит, у нас получается примерно такая картинка. — Взял инициативу в свои руки Грязнов. — Около трех часов ночи или позже, но точно до пяти, преступник проникает в дом Игошиной. Там происходят какие то, пока непонятные нам события, после чего он покидает дом, один, с ребенком, и на машине потерпевшей. При этом, видимо, особенно не торопится. Тщательно прикрывает ворота. Далее похититель для чего-то подъезжает к самому берегу озера, что ему там понадобилось, пока не ясно. Со вчерашнего дня вдоль берега и в прилежащих кустах работает поисковая группа. Тщательный осмотр ничего пока не дал... Так, дальше... машина застревает, он ее бросает и опять возвращается в дом Игошиной. Судя по звукам, услышанным соседями, именно в это время он производит разрушения в гостиной. Где при этом ребенок, не ясно.

А может, он сначала просто машину угнал, а уж потом, когда она завязла, разозлился и вернулся за ребенком? — Предположил Панков.

Маловероятно. Ты видел, в детской белый ковер на полу, и на нем нет и намека на глину. Значит, после возвращения с озера он туда не заходил.

Чертовщина какая то. — Задумчиво произнесла я. — Как он вообще рискнул вернуться? Почему он был так уверен, что Вика не позвонила в милицию? И действительно, почему не позвонила?

На это может ответить только она сама... — Откликнулся эксперт.

И еще Исаев. — Упрямо стоял на своем Максим. — Будь моя воля, он бы еще вчера дал правдивые показания...

А потом на суде от всего бы отказался, демонстрируя присяжным свои синяки и ссадины.... — Продолжил его мысль Михаил.

Да пусть бы он показал, где спрятал ребенка и все, потом пусть хоть обдемонстрируется.

Знаете, все это дело какое то нелепое. — Призналась я. — Ни один факт с другим не стыкуется, я вообще не могу понять причин, целей этого похищения, психология преступника совершенно за гранью.... Его поступки не поддаются никакой логике.

У шизиков логики не бывает. Хотя и у него все в принципе понятно. Гулял с Игошиными, привязался к ребенку... влюбился, если его ублюдочными терминами выразиться... потом его лишили объекта поклонения. Он выследил место проживания Вики и ее дочери... Он сам признался, что уже тогда у него возникло желание украсть...

Он говорит, что хотел стащить из машины какой-нибудь пустяк... игрушку, соску...

Так это днем было, а потом он разругался с любовницей, обозлился, убежал от нее, так и не получив свою порцию ласки и секса... Вот у него крышу и сорвало... — Максим не сомневался в виновности Исаева.

Он до сих пор спокойно спит у себя дома?

Спит. — Неохотно буркнул Грязнов. — И это наводит на самые поганые мысли.

Вот именно. Или это не он, или...

Мои слова прервал резкий звонок внутреннего телефона. Трубку поднял Максим. Послушав некоторое время невидимого собеседника, он буркнул «Выезжаем!» и поднялся.

Вот и дождались.

Что случилось? — По потемневшему и как то сразу закаменевшему лицу товарища я поняла, произошло что то ужасное...

Поисковая группа с озера отзвонилась. — Макс посмотрел на меня и тихо закончил. — Из воды выловили сумку. В ней труп годовалого ребенка. Нужно бабушку на опознание вызывать... Как бы ее тоже удар не шарахнул...

ГЛАВА 10.

Когда мы подъехали к озеру уже начало смеркаться. На берегу было полно людей. Миша с Грязновым сразу же выскочили и понеслись в самую гущу событий. Я же никак не могла заставить себя выйти из машины. За время своей службы в милиции я видела огромное количество трупов разного пола и возраста. Как это ни цинично, но человек привыкает ко всему, даже к смерти... Но увидеть своими глазами мертвое личико годовалого ребенка... да еще после утренней беседы с доктором, ... нет это выше моих сил...

Я сидела в «Волге» и злилась на весь окружающий мир. Даже нерасторопный Панков уже бродил вдоль берега, глубокомысленно поглядывая на воду. Свидетелей, которых он обычно допрашивает на месте преступления, нигде поблизости не наблюдалось, и парень откровенно скучал. Эксперт напротив развил бурную деятельность, что-то то и дело доставал из своего саквояжа, суетился... Только я так и не могла оторвать задницу от автомобильного сиденья... Ребенок, еще не родившись, уже начал превращать меня в истеричку и размазню... За последние дни я сама себя не узнаю, то плачу, то впадаю в романтическую эйфорию, разнюнилась, как школьница... Все ребята уже заметили, что со мной что то не так... Вон Димка уж раз пять недоуменно косился в мою сторону... Да и Максим, не заметь он мою слабость, вряд ли бы решился высказывать свои претензии в кафе... Нет, нужно немедленно встряхнуться и приступить к своим прямым обязанностям... Зачем только я вообще приперлась сюда, на это озеро?.. Ребята вполне могли обойтись и без моего присутствия... Но сидеть дальше в машине глупо и нелепо...

Я со вздохом открыла дверку и поставила ноги на траву. Усилием воли заставила себя встать и направилась к группе чего-то активно обсуждающих мужчин. На берегу, в отдалении от всех стояла сумка. Яркая, с веселой детской расцветкой. На желтом поле прыгали и резвились жизнерадостные синие медведи, в их лапах были цветы... а в самой сумке лежало тельце маленькой несчастной девочки, в пижамке и очень красивом кружевном чепчике... Я, как замороженная, смотрела на синих медведей с красными цветками в лапах, но взгляд то и дело наткался на безучастное личико... Что случилось потом, я не поняла до конца. Как будто кто-

то сначала выключил свет, а потом выдернул ковер из под моих ног... хотя какой ковер на берегу озера... Пришла в себя я уже в машине. За рулем сидел взволнованный Максим.

Останови, пожалуйста, мне плохо... — Попросила я. Он резко затормозил и уставился на меня во все глаза.

Слава богу! Я уж не надеялся довезти тебя до больницы живой... Как увидел, что ты падаешь чуть ли не в воду... Ты как вообще?

Черт его знает. Не особенно прекрасно, но вполне терпимо. — Я вышла на воздух, меня слегка мутило, и ноги были какие то слабые, будто ватные. Оглянувшись, я увидела, что Макс стоит сзади меня. — Не бойся, больше я пока падать не собираюсь...

Да кто тебя знает. — Проворчал он. — Пока тебя врачам с рук на руки не сдам, не успокоюсь...

В больницу я не поеду, отвези меня лучше домой.

И не мечтай! В больницу она не поедет! Видали бестолочь? Ты только что рухнула на землю, как извиняюсь, куль с мукой...

В моем положении обморок не является чем-то из ряда вон выходящим. — С улыбкой напомнила я. — Врач меня утром осматривал, выписал кучу витаминов... А в целом сказал, что все нормально.

Ну и ты, конечно, ничего не купила, небось, и не думала в аптеку заглянуть?

Собиралась вообще то.... Попозже.

Ну хорошо, — с явной неохотой согласился Максим. — но сначала лекарства купим, витамины и все что требуется. Поняла? — Строго прикрикнул он.

Мы заехали в аптеку, потом в супермаркет, откуда Грязнов буквально выполз, придавленный весом закупленных продуктов, бурча себе при этом под нос, что у меня и есть то скорее всего нечего. Я безучастно и отстранено наблюдала за его суетой, не мешая и не помогая... Дома Максим все тем же строгим голосом приказал мне лечь на диван и терпеливо ждать, пока приготовится ужин. Я, кажется, даже уснула ...

Проснулась я внезапно. Вокруг стояла темнота, я так пригрелась под своим теплым пледом, что не хотелось не только вылезать из под него, а даже шевелиться, наверное, я опять плавно провалилась бы в сон, но меня вдруг привлекли слабые звуки, доносящиеся, судя по всему, с моей собственной кухни... Я даже села от неожиданности. Кто может хозяйничать на чужой кухне посреди ночи?... Я уже автоматически протянула руку к тумбочке, где в верхнем ящике у меня лежало оружие. Вообще то, полагается его с собой носить, но я храню пистолет дома, не в сумочке же его таскать, еще украдут, не дай бог... Щелкнув кнопкой ночника, я сразу все вспомнила. На тумбочке белел пакет с маленьким красным крестом на боку. Ну, конечно же! Максим, аптека, этот позорный обморок... Господи, какой стыд! Что подумают обо мне подчиненные? Да и с Максимом получилось не очень то красиво. Тот нелепый разговор за столиком в кафе еще можно было бы как-то замять... сделать вид, что его просто не было... забыть... Но теперь мне пришлось принять его помощь, заботу... Он покрыл меня пледом, готовит ужин... Теперь уж не получится прикинуться, что между нами все в порядке... Под головой вместо подушки я обнаружила медведя, купленного вчера в Детском мире. Я положила его в багажник «Волги»... Все же Макс молодец, даже в такой ситуации не счел возможным лазить по чужим шкафам в поисках подушки.

Я подтянула ноги и села, обняв двумя руками своего нового плюшевого друга. Вот странно, мне ведь всегда нравился Грязнов... Это правда, которую не стоит отрицать... Конечно, нравился! Поэтому я и уступила ему тогда, десять лет назад. Почти без боя сдалась на милость победителя.... По этой же причине меня так задела та, случайно подсмотренная мной, сцена на парковой скамейке... Именно поэтому я, ничего не объяснив, рассталась с ним... Это было ох как не легко! Но душу грело сознание, что это не он, а я первая бросила, выглядела современной и гордой.... А может, я выглядела тогда полной дурой?

Наверное, правы те, кто прозвал меня Железной леди, кто утверждает, что у меня отнюдь не женский характер... Я смогла... С трудом, но смогла вытравить в душе это чувство. Как только становилось тоскливо, грустно, хотелось тепла и ласки, я сразу вспоминала ту лавочку, и сердце покрывалось холодной непреступной броней.

Конечно, за эти десять лет я не раз увлекалась, встречалась с мужчинами... но никогда до сегодняшнего дня действительно не испытывала потребности ни в настоящей любви, ни в заботе, ни в помощи... Я сама могла все для себя сделать... ну, или ПОЧТИ все... Мне не бывало скучно в одиночестве, наверное, потому, что такие моменты выдавались крайне редко.

Сегодняшний разговор с Максимом не то что бы расстроил или обидел меня... нет... Скорее смутил мой покой, пробил пусть маленькую, но брешь в моем олимпийском спокойствии... И приспичило же ему лезть со своими признаниями именно сейчас, когда для этого самый, ну просто самый!, неподходящий момент. Чуть только почувствовал слабину и тут же втерся со своей заботой и вниманием.

Хотя, если признаться честно, то признание его было мне приятно... Да-да! Сама удивляюсь, но это так. Любой женщине приятно в канун своего сорокалетия узнать, что кто то думает о тебе, переживает... А ведь я же тоже женщина, как никак! А что? Почему бы и не уступить снова минутной слабости? Я очень нуждаюсь сейчас и в ласке, и в заботе, да и просто в нежных мужских руках... Чего ж ломаться? Мы столько лет знаем друг друга, что потеря его уважения или моего авторитета мне уже давно не грозит... Приятно чувствовать надежное мужское плечо, теплый участливый взгляд... Но, как всегда, меня тревожит один единственный вопрос. Ну, а ему то это зачем нужно, скажите на милость? Старая, сварливая тетка. Да еще и, вот смех, беременная от другого! И с беседами этими он не просто так подкатил именно сегодня... Жалеет. Точно, жалеет. Так же, как и Ксюха. Скорее всего, это она вчера наплела ему невесть что, попросила присматривать за непутевой подругой. И как это я сразу не догадалась? Ведь она же сама призналась, что он ей звонил. Вон как его мне сватала! Что ей мешало и ему напеть те же песни? Грязнов у нас парень добрый, отзывчивый. Никогда товарища не обидит и в беде не оставит...

Я встала и тихо побрела на кухню. Приоткрыв дверь, я смогла лицезреть картину уютной домашней идиллии. Наверное, именно так выглядят семейные мужики в канун Международного женского дня Восьмое марта. В фартуке, с половником в руке, он осторожно скользит по кухне, стараясь ничего не уронить неумелыми руками и не разбудить виновницу торжества. Ведь это должен быть сюрприз... Грязнов на кухне смотрелся вполне уверенно, он даже и курить умудрялся совместно с помешиванием чего-то довольно аппетитного в глубокой сковородке. На столах и в раковине, вопреки моим ожиданиям, было абсолютно чисто. Видимо, долгая холостяцкая жизнь многому научила Максима.

Надо же! Сиделка и сестра-хозяйка в одном лице! Да у тебя куча талантов, Макс. И куда только эти глупые современные девушки смотрят?

Зачем ты встала? — Обернулся он. — Минут через десять все будет готово. Иди пока, полежи.

Я, между прочим, не больная. Могу и на стуле посидеть эти десять минут.

Я прошла к столу и взяла из Максимовой пачки сигарету. Пока я оглядывалась в поисках зажигалки, Грязнов аккуратно вынул сигарету из моей руки и снова сунул в пачку.

Ты что? Курева жалко? Так я сейчас свои принесу. — Обиделась я и пошла к двери. Он догнал меня, взял за плечи и развернул к себе.

Не получится, дорогая. Я все их оставил в машине.

Зачем?

Ты же взрослая женщина, Том. Все сама понимаешь. Или ты мечтаешь родить больного ребенка? Ему горемычному и так от мамы одни стрессы достаются, а ты его еще и никотином травить хочешь?

Я освободилась из его рук и присела на ближайшую табуретку.

А с чего ты взял, что я вообще собираюсь его рожать? Зачем мне ребенок?

Я думала Макс, как и все вокруг, кинется меня убеждать, что это самое великое счастье для женщины, напоминать про «последний шанс». Но он только пожал плечами, протянул мне свою пачку, а сам вернулся к сковородке. Я посмотрела на сигареты, бросила их обратно на стол и вышла.

Демонстративно переодевшись в пижаму, я разобрала кровать и легла под одеяло. Раз считаюсь больной, пусть тогда несет ужин прямо в постель. Вот из принципа больше не встану! Пусть ему неудобно станет. Может, поймет, что ему надо побыстрее убираться восвояси...

Грязнов с подносом появился ровно через пятнадцать минут. Придвинул ногой журнальный столик и поставил поднос на него.

Тебя покормить? — Поинтересовался он, вооружаясь вилкой. — Или все же соизволишь сесть хотя бы?

Пока я устраивалась поудобнее, Максим достал витамины и протянул на ладони мне.

Сначала это, а то унесу плов на кухню. — Пригрозил он. Есть хотелось, тем более, что пахло из тарелки обалденно. Я молча приняла пилюли и взялась за еду.

После чая Макс отнес посуду в мойку и вернулся ко мне. Усевшись в кресле напротив, он предложил:

Поговорим?

Если хочешь. Только я не понимаю....

Все ты понимаешь. Я все голову ломаю, чего ты маешься? А ты просто никак определиться не можешь, что делать со своей жизнью...

Тебе то какое до этого дело, Максим? — Устало поинтересовалась я. — Тебя эти проблемы касаться не должны...

Если я скажу, что всю жизнь люблю только одну женщину, и эта женщина — ты? Ты

поверишь? — Серьезно спросил Грязнов.

Нет. — Спокойно ответила я и посмотрела ему в глаза. — Не поверю. Если ты предал меня тогда, когда я была молодой и красивой, то на что мне надеяться теперь?

Я? Это я тебя предал? — Изумился парень. — Да когда ты меня, мягко говоря, отшила, я чуть с ума не сдвинулся от горя...

Правда? — Я старалась не нервничать и не выходить из себя. — Ну, я надеюсь, та блондинка с ямочками на щеках тебя утешила? Или ты, может, еще одну сразу нашел? Темненькую, взамен меня. Ведь ты привык на два фронта разрываться.

Так... Так вот в чем дело. Ты знала? — Ошарашено моргал глазами Макс. — А я то голову ломал, что случилось, соперников искал...

Теперь ты знаешь. — Холодно ответила я. — Можешь успокоиться. Меня разочаровали не твои мужские достоинства. Не волнуйся.

Почему ты не сказала об этом тогда, десять лет назад? — Воскликнул Грязнов. — Покричала, дала бы мне по морде, что ли...

Зачем?

Да мне тогда никто кроме тебя не нужен был! Я бы все бросил ради нашей любви...

Вот уж не думала, что для этого нужно получить сначала в морду.

Не надо так. Ты пойми, я молодой тогда был... Подружек полно было... Я уж и не всех помню... Я ведь любил тебя давно, но надежды на взаимность мало имел... А потом, когда у нас все получилось вдруг... я растерялся. Ну, я не знал, как сразу всех отшить...

Не оправдывайся, Максим. Мы провели вместе прекрасный месяц. Почти медовый. Честно. Потом случилось то, что случилось... Не буду врать тебе, что мне было легко. Я тоже страдала... Очень. Но такой уж я человек. Привыкла называть вещи своими именами. Для меня подлость, это подлость, а вовсе не слабость... Вранье, это вранье, а не ошибка... Я никогда не считала возможным выбивать из мужчины верность кулаком по морде, а любовь скандалами и рыданиями... Я посмотрела на твое лицо, руки шарящие под юбкой той блондинки, на губы шепчущие ей, вероятно, те же слова, что и мне... Понимаешь, я увидела это со стороны... так неожиданно для себя... Не обижайся, но мне стало противно. Любовь не ушла мгновенно, нет... Но я не захотела представлять себя на месте этой девушки... Может, я непонятно объясняю...

Понятно. — Глухо отозвался Максим. Он сжал лицо руками и разве что не скрипел зубами от злости и досады.

Хорошо. Тогда закроем эту тему. О чем ты хотел поговорить со мной?

О будущем.

Чьем? — Удивилась я.

Нашем. Твоем. Моем. И НАШЕГО ребенка.

Ты перегрелся Максим? Или на работе устал? Какого нашего ребенка? Он МОЙ...и совсем другого, постороннего мужчины... Он вовсе не похож на тебя.

И чем же он лучше? Не изменяет? Или...

Не злись. Я не сказала, что он лучше. Просто другой. Он не просто мне изменяет... Он женат, Максим. Это со мной он изменяет своей жене. Вернее изменил. Один раз. Случайно. Я уже говорила тебе. Это моя ошибка... Ни он, ни его семья ни в коем случае не узнают об этом. Да, слава богу, и не смогут. Они через два месяца переезжают жить в Германию. Насовсем.

Так в чем же дело? Выходи за меня замуж.

Зачем тебе это? — Напрямик спросила я. — Объясни, чтобы мне стало понятно.

Ты что глупая? Не понимаешь, что я тебе говорил? Я те-бя-люб-лю. Ясно?

А почему именно сейчас ты вспомнил о своих великих чувствах ко мне?

Просто сейчас ты беззащитна. И нуждаешься в помощи.

То есть ты либо решил воспользоваться ситуацией, либо просто пожалел меня...

Да просто раньше я боялся говорить об этом! — С досадой воскликнул Максим. — Ты выглядела так самодостаточно, так независимо... Я просто не хотел показаться смешным.

Ну, я ладно. Предположим, ты меня убедил. — Задумчиво кивнула я. — А ребенок то этот тебе зачем?

Он с недоумением посмотрел на меня.

А чем плохо, если в семье есть ребенок?

То есть, ты отдаешь себе отчет, что родить тебе твоего собственного малыша я уже не смогу? В силу преклонного возраста.

Мне нет до этого дела. Да я все эти десять лет носился от одной юбки к другой. Если бы захотел, имел бы уже давно жену и дюжину детей... Но я не смог найти такую, как ты... Всех с тобой сравнивал... Ни одна не тянула больше, чем на три с минусом. Неужели ты думаешь, что теперь, когда все может вернуться, меня остановят какие то мелочи?

И последний вопрос. Почему ты решил вдруг, что все может вернуться? Разве я призналась тебе в любви? Или ты считаешь, что в моем положении хватаются за любое предложение? — Спокойно поинтересовалась я. По лицу Макса и его сузившимся глазам я поняла, что ему хочется вскочить и наорать на меня, но усилием воли он сдержал гнев и так же спокойно ответил:

Вот как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

Говори.

Вообще то я уже все, что мог, сказал. Теперь очередь за тобой.

Я не знаю, что делать с ребенком. — Мои слова прозвучали неожиданно грустно. — Без него все было бы просто. Правда. Ты был откровенен со мной, и я это ценю. Хочу тоже высказаться без глупых условностей. Я ХОЧУ быть с тобой. Я до сих пор помню твои руку, твои губы... все твое тело. За эти годы я узнала тебя и как человека тоже. Ты ни разу не дал мне повода разочароваться в твоей честности и порядочности... Я никогда больше с тех пор не думала о

любви к тебе. Мешала гордость и страх быть униженной снова. Для меня это не просто слова. Ты стал мне чужим. Хотя ты находился рядом, я чувствовала твое дыхание, но никогда бы не прикоснулась к тебе... Хотя... Ладно! Честно так честно! Иногда даже во время совещаний, глядя на твои сильные руки, я вдруг непроизвольно представляла их на своем обнаженном теле... Меня бросало в жар от этого видения. Я так боялась, что ты или кто-то другой заметит мое состояние ... после этого я старалась еще больше уверить всех в своей холодности и неприступности. Ну вот. Теперь и ты знаешь о моих чувствах. — Усмехнулась я.

Так в чем же дело? Что мешает тебе принять меня и мое предложение? Опять гордость?

Разве ты не заметил, как я сейчас растоптала все остатки своей чертовой гордости? Дело не в ней. Дело в моей беременности. Ты говоришь: «принять меня и мое предложение». Для тебя это одно и то же...

А разве нет? — Нетерпеливо перебил меня Максим. Он встал с кресла и подошел к кровати.

Конечно, нет. Я бы с радостью приняла ТЕБЯ. Но предложение выйти за тебя замуж меня смущает... или пугает... я не знаю, как поступить с ребенком...

Максим опустил на колени около кровати и нежно погладил ладонью мое лицо.

Ну, так не все сразу, любовь моя. — Улыбнулся он. — Попробуем по порядку... сначала я... потом все остальное... ты хотела увидеть мои руки на своем теле? Так смотри... — Он стал расстегивать пуговицы на моей пижаме. — Смотри... я специально не стану выключать свет, мне так приятно смотреть на тебя... я столько раз представлял тебя вот так лежащей передо мной, что хочу теперь видеть все это наяву.

Он притянул мою голову к себе и поцеловал в губы. Мои руки сами вцепились в пуговицы его рубашки, мне хотелось как можно скорее ощутить рядом с собой его обнаженное тело...

* * *

В это утро я впервые за много лет проспала работу. Я даже не слышала настойчивого звонка будильника... Хотя вряд ли мы с Максимом вспомнили о том, что его следует завести...

Макс лежал на кровати с краю и одной рукой крепко прижимал меня к себе, будто боялся, чтобы я не сбежала, пока он отвлекся на отдых. Я улыбнулась счастливо и доволью. Господи, как мало надо человеку для счастья. Зачем было столько лет носить эту страсть, это мученье в себе? Мы каждый день из года в год смотрели друг другу в глаза и не решались поговорить. Просто сесть и спокойно обсудить наши отношения. А может, прав Максим, действительно, стоило не гордо удаляться с высоко поднятой головой, а прямо там на лавочке устроить скандал, расцарапать ему физиономию, вырвать его зазнобе крашенные перекистью кудри?.. Нет. Пожалуй, у меня бы не получилось. Я даже плакать толком не умею. Так как-то чуть-чуть...

Приятно, черт возьми, когда женщина, просыпаясь после бурной ночи с мужчиной, улыбается, как сытая кошка. — Макс еще крепче прижал меня к своей обнаженной груди и поцеловал куда то в плечо...потом в шею... потом добрался до уха. — А я не насытился, — услышала я его жаркий шепот, — и требую продолжения...

Максим! — Я шутливо хлопнула его пальцем по носу. — Мы, между прочим, на работу опоздали. Панченко нас съест.

После вчерашнего он тебя кушать не станет, решит, что подавится, а я вообще не вкусный...

С чего ты взял? По моему, так очень даже приятный... местами особенно...

И после этого ты думаешь, я выпущу тебя из кровати? Даже и не мечтай! ...

ГЛАВА 11.

На работе мы появились к одиннадцати. Приехали вместе, но сразу же разбежались по своим кабинетам. Через несколько минут мне позвонил Панков и почти плачущим голосом сказал:

Слава богу, Вы появились Тамара Владимировна! А то я уж и не знаю, что делать...

Что случилось? Говори толком, Дим.

Да тут эта... гражданка Игошина с самого утра пожаловала...

Вика!?

Нет. Виктория Павловна все еще не в себе, я утром с ее врачом беседовал... Кто же ее отпустит из больницы...

Дим, ну когда ты научишься докладывать сразу и по существу? — Вздохнула я. — Пока ты отелишься, можно умереть, не дождавшись помощи.

Эта Игошина другая. Старая.

Алевтина Васильевна что ли?

Она. — Обрадовался парень. — Если вы знакомы, то, может, я ее к Вам направлю?

В чем дело то? Чего она хочет?

Заявление написать на гражданку Петрову. Это ту, которая Евгения Леонидовна...

Да поняла я! Дальше что?

Та ее всю ночь терроризировала, дверь грозилась поджечь, кричала, что ее сын Денис погубил ее девочек... короче опозорила на весь подъезд.

Ну и чего она ее не пустила? Тогда бы никакого позора не получилось...

Вы меня спрашиваете? Я уже битый час ей это твержу. А она про сатану, антихриста, людей каких то черных... Петрова к ним после опознания приехала уже в платке черном.

То есть она девочку опознала? — Уточнила я.

Само собой. Вы сомневались разве?

Нет. Ну, и чего она от тебя то хочет?

Принять заявление и арестовать Петрову.

Так прими, и пусть идет домой.

Я принял, а она не уходит. Говорит, ареста ждать будет. Когда ведьму в кандалах приведут....

И ты, милочка, решил подкинуть это счастье мне? Вот спасибо тебе. Большое человеческое спасибо! Знаешь, что сделай, вручи ей заявление и пусть идет к Панченко. Он должен подписать. Объясни даме, что теперь все зависит только от всемогущего Ивана Тарасовича.

Понял! — обрадовался Панков.

А сам иди к Максиму, пересиди бурю там. Я тоже сейчас уйду. Хочу побеседовать с врачом, который наблюдал Исаева в психушке. Может, чего дельное присоветует?

Хорошо.

Есть заключение эксперта от чего и во сколько умер ребенок?

Пока только предварительное. Где-то через час-полтора Мишка обещал официальную бумагу подогнать.

Ну, и что он установил?

Если вкратце, то девочка умерла от удушья. Довольно давно. Похоже, практически сразу после похищения.

Может, в сумке задохнулась?

Это вряд ли. Сумка специально предназначена для переноса детей. Там отверстия есть вентиляционные...

Ладно, я поехала. Если новости будут, звоните. И постарайтесь на месте быть. После моего возвращения, возможно, поедете на задержание Исаева.

* * *

В ворота психиатрической клиники мне удалось попасть далеко не сразу. Охранник долго изучал мои документы, вел с кем-то переговоры по рации... Ржавые скрипучие створки распахнулись только минут через пятнадцать, не раньше, и я, наконец, смогла проехать внутрь. Парень в камуфляжной форме мельком осмотрел мою машину и показал место, где я смогла ее оставить. Эта больница произвела на меня неприятное и даже тягостное впечатление. За огромным некрашеным забором ютилось несколько одноэтажных зданий барачного типа. Среди них двухэтажный, видимо административный, корпус выглядел просто гигантом, но и он, так же как и остальные строения, давно не ремонтировался, штукатурка свисала со стен грязными клочьями, окна щеголяли давно не крашеными серо-желтыми рамами. Немного радовало глаз только одно, не смотря на ужасающую бедность, вокруг царил почти идеальная чистота. Дорожки тщательно выметены, полы на лестницах и в коридорах выскоблены до блеска... Кабинет врача Ненашева Егора Геннадьевича, который я нашла с трудом, тоже не блистал роскошью. Письменный стол, несколько стульев, в углу небольшой шкаф, видимо для хранения одежды... все это в сочетании с протертым линолеумом на полу выглядело казенно и неуютно. Неожиданными и как бы лишними в этом убогом интерьере выглядели отличный музыкальный центр и видеодвойка, примостившиеся на ободранной колченогой тумбочке...

Столько лет выбивал эту аппаратуру, что даже и самому не верится, что все таки получил. — Признался довольно молодой доктор, перехватив мой удивленный взгляд. — Она необходима нам для работы с пациентами, теперь мы имеем возможность записывать их исповеди, признания, даже истерики порой и наблюдать малейшие изменения в мимике, интонациях, жестах. Во время беседы порой приходится фокусировать свое пристальное внимание на чем

то одном, и детали могут ускользнуть... А так потом в спокойной обстановке можно осмыслить каждую фразу больного.... Уже пять лет пользуемся видео и аудио записью. Поверьте, это дает порой такие неожиданные результаты! Я даже несколько раз проводил эксперимент, давал пациенту перед выпиской просмотреть пленку с его откровениями при поступлении к нам. Они совершенно иначе реагируют на происходящее. Результаты иной раз просто поразительные, поверьте! Правда, совет категорически запретил мне подобные эксперименты, как не проверенные и потому сомнительные... А Вы, собственно, по какому вопросу? — Вдруг спохватился он.

Я представилась и протянула Ненашеву документы, он отмахнулся и гостеприимно протянул руку к одному из разноцветных стульев:

Присаживайтесь, пожалуйста. Ну и кто из наших пациентов заинтересовал органы правопорядка на этот раз?

Исаев Виктор Андреевич. Лежал в вашем отделении, выписался около полутора лет назад.

Исаев? Я прекрасно помню этого больного. Как он сейчас? Я советовал ему сразу же после выписки устроиться на работу, даже список прилагал к личному делу. Список специальностей, по которым ему наиболее благоприятно трудиться...

Профессия автомеханика туда входила? — Поинтересовалась я.

На одной из первых позиций. Я рад, что Исаев внял моим советам. — Обрадовался Ненашев.

Видимо, к сожалению, не всем. Не могли бы Вы, Егор Геннадьевич, поподробнее рассказать мне о том состоянии, в котором Исаев попал а Вашу клинику, о его диагнозе.... Короче говоря, о его проблемах и неприятностях, которые он может причинить окружающим его людям.

Доктор несколько поскуцел и не слишком охотно сказал:

Раз мы выписали его полтора года назад, значит его присутствие обществу ничем не угрожает...

То есть Вы хотите сказать, что Исаев полностью выздоровел? — Уточнила я.

Строго говоря, он и не был больным, — с досадой произнес Ненашев. — Это очень распространенное заблуждение, что такие люди больны, что им можно выписать какие то таблетки, уколы, вылечить их и все... Вы поймите, гомосексуализм, лесбийство, педофилия, это особенности человеческой психики... Они не стремятся к этому, просто родились такими и все...

То есть Вы хотите сказать, что педофилия неизлечима? Ну, в принципе, я согласна ... — Задумчиво произнесла я. — Но тогда в чем же цель Вашей работы, что значат те результаты, которых добиваетесь Вы?

Я не помню всех деталей болезни Исаева, прошло много времени... Сейчас я найду его карту и мы с Вами поговорим о нем конкретно... Что же касается нашей работы, то тут все просто. Сюда, в эти стены попадают не просто люди с отклонениями, мы работаем с пациентами, которые перешагнули некую грань, попали в состояние стресса, просто запутались, наконец... Многих из них еще можно вернуть к нормальной жизни... Вот этим мы и занимаемся. Мы не можем сделать так, чтобы педофилу перестали нравиться дети, но мы можем ему объяснить, что трогать их безнравственно, этим они причиняют маленьким созданиям боль и страх. Мы

стараясь заставить их осознать реальное положение вещей и смириться с ним. Безусловно, к каждому подобному пациенту нужен особый подход, разное количество времени. Кто то приходит в норму за месяц, кто то проводит у нас годы. Мы стараемся выпускать в общество только тех больных, в которых мы совершенно уверены. У нас работают прекрасные опытные специалисты, поверьте...

Хорошо. Давайте теперь побеседуем конкретно по Исаеву. Вы мне объясните, в чем состояли его личные проблемы, а я задам Вам несколько вопросов, касающихся нашего теперешнего положения.

А что разве нельзя было просто поднять материалы дела, ведь Исаев попал к нам по решению суда...

Мы уже все изучили, не сомневайтесь, доктор. Но факты, изложенные на страницах судебного дела, сухи и конкретны. Они дают понимания лишь внешнего проявления событий, о том же что послужило причиной, толчком к роковым действиям, можно только догадываться.

Понятно. Тогда Вы подождите немного, пожалуйста. Я в архив спущусь...

Вернулся Ненашев довольно скоро с объемистым бумажным пакетом в руках. Достал из него пухлую карточку и погрузился в чтение. Я терпеливо ждала. Наконец, Ненашев закончил чтение и вопросительно уставился на меня.

Ну и что натворил Виктор Исаев? Мы выписали его с очень хорошими показаниями. Я бы даже сказал с отличными. Все тесты пройдены с оценкой двадцать, а это высший балл... Значит так, попал Виктор Андреевич Исаев в нашу клинику три года назад. До этого отсидел в тюрьме два года по обвинению в изнасиловании двенадцатилетней девочки. Доставлен в состоянии сильнейшего стресса и в связи с этим попыткой самоубийства... В камере заключенные к нему относились крайне негативно... со всеми вытекающими отсюда последствиями. Воспоминания об этом очень помогли пациенту осознать пагубность своего поведения...

Скажите, Егор Геннадьевич, как Вы могли бы охарактеризовать Исаева? Что побудило его к совершению преступления? Как он вел себя, пока находился здесь? Лжив ли, груб, агрессивен?

Ни то, ни другое, ни третье... Виктор Андреевич человек интеллигентный, мягкий, добрый.

Вы так говорите о нем, будто это не он изнасиловал малолетнего ребенка...

Он, конечно, — вздохнул доктор, — но для него эта ситуация была не менее драматичной, чем для девочки... Оля Мосина была его приемной дочерью, а Мосина Татьяна — женой. После происшедшего от Исаева отвернулись не только товарищи по работе, но и семья. Брат отказался от Виктора прямо в зале суда, когда давал свидетельские показания, мать позднее умерла от обширного инфаркта сердца. Татьяна, естественно, сразу подала на развод... В тюрьме Исаева никто не посещал, сокамерники издевались... он, и без того придавленный грузом своей вины, решился на самоубийство...

Скажите, Егор Геннадьевич, мог Исаев убить? Не себя, а например ребенка....

Сомневаюсь. — Настороженно протянул доктор. — Я, конечно, не знаю, как провел больной эти полтора года после выписки, принимал ли прописанные ему средства... это не наша задача, а того учреждения, где он поставлен на диспансерный уход.... Но я сильно сомневаюсь. — Уже более уверенно произнес Ненашев. Но потом все же счел своим долгом добавить. — Но если честно, то с такими людьми ни в чем нельзя быть уверенными на сто процентов. Иногда они

обладают хитростью и изворотливостью, способной обмануть не только врачей, но и самые совершенные приборы... И потом, психика наших пациентов настолько специфична, что любой удар или стресс может повлиять на них самым пагубным образом...

Ясно... Что ничего не ясно. Я надеялась доктор, получить от Вас конкретные ответы на некоторые вопросы, а Вы запутали меня еще больше... Ну что же. Последняя просьба. Покажите мне видеозапись беседы с Исаевым. Я хочу иметь представление о характере этого человека и попытаться правильно вести себя во время разговора с ним.

Вот этого я как раз сделать не могу. — Сухо ответил Ненашев. — Эти сведения, — он кивнул на бумажный пакет, — являются врачебной тайной...

Не говорите глупостей, Егор Геннадьевич, Вы видно фильмов иностранных насмотрелись, если всерьез верите во всю эту лабуду... Мы не в Америке. Я могу получить постановление на изъятие любых документов, имеющих возможность помочь в разоблачении преступника. Тем более, что речь идет о похищении и убийстве ребенка.

Хорошо. Оформляйте постановление. Его я положу в пакет вместо пленки. А пока, извините, ничем помочь не могу...

Доктор, поймите, мне, как и Вам, нет смысла использовать его, даже самые безумные, признания в своих целях. Я просто хочу попытаться посмотреть на него, как на человека...

Когда я вызываю на откровенность своих пациентов, то клятвенно заверяю их, что ни одна живая душа кроме врачей, стремящихся им помочь, эти записи не увидит. Что эти кассеты никогда не выйдут за стены этого учреждения, туда в ту светлую и прекрасную жизнь, в которую все они так стремятся...

Но ведь никто же не узнает...

Я сам буду знать...

Это смешно, доктор.

Приносите постановление, тогда я вынужден буду отдать эти материалы.

Ради формальностей Вы предлагаете нам тянуть время, которого и так в обрез? — Раздраженно спросила я.

Я очень сожалею. — Егор Геннадьевич поднялся. — Вынужден Вас покинуть, у меня обход.

Я встала с жесткого неудобного стула и вышла из кабинета, хлопнув дверью. Как же я ненавижу этих бюрократов и формалистов. Конечно, он прав, я спорить не буду... Клятва Гиппократа и все такое прочее... Но мы же не на западе, где все отлажено и выверено до миллиметра. Там можно себе позволить кочевряжиться и упиваться своей порядочностью. Зачем, скажите на милость, этому формалисту постановление. Оно что его совесть успокоит? Да лучше бы лечили этих психов нормально и не выпускали в город всякую извращенную шваль! Глядишь, милиции и не пришлось бы таскаться в это богом забытое место, называемое больницей...

Сев в машину, я немного успокоилась. Визит к доктору дал совсем немного. От разговора с самим подозреваемым зависит очень много... В прошлый раз, согласно материалам судебного процесса, Исаев признался практически сразу. В этот раз категорически отрицает свою

причастность к преступлению... Или он не виновен, или я просто взяла не правильный тон в разговоре с ним.... Черт возьми, мне действительно надо посмотреть эту чертову кассету, чтобы при повторном допросе не допустить прежних ошибок. Снова встречаться с упрямым доктором мне не хотелось, и я решила направить к нему с постановлением Грязнова. Уж он то без кассеты точно не вернется.

* * *

Сообщив по телефону Максиму, что и как он должен сделать, я решила заехать домой пообедать. Все таки нужно действительно как то посерьезнее относиться к своей беременности... Хотя бы до тех пор, пока окончательно не определюсь, как поступить с ребенком, да и вообще с остатком своей жизни... В тот момент, когда я открывала замок, мне позвонила Оксана. Она заботливо поинтересовалась моим здоровьем, и вообще самочувствием... Подарки для ее детей лежали на кресле в зале, да и повидать Ксюху захотелось как-то вдруг. Я предложила ей зайти ко мне пообедать.

Только быстро, Ксюш, если ты намереваешься наряжаться и прихорашиваться, то можешь не приходить. У меня на все про все не более часа.

Понятненько. Да я вообще то тебе из супермаркета звоню, того, что за углом. Так что буду минуты через три или пять. Может, купить чего?

Я вспомнила сколько еды вчера приготовил заботливый Макс, и с улыбкой отказалась. Удивленная Оксана действительно примчалась через три минуты, как и обещала.

Определенно, беременность действует на тебя самым благодатным образом, — авторитетно заявила она, осмотрев мои продуктовые запасы. — Первый раз вижу, что бы ты, подруга, обедала дома. Вот так вот просто, бросила все дела и в разгар рабочего дня занялась своим собственным желудком.

Просто здесь столько вкусного, — засмеялась я, — что идти в столовку не захотелось.

Ты оправдываешься что ли? — Воскликнула Ксюша. — Лучше разогревай быстрее этот великолепный плов и салат крабовый доставай на стол... Сама же говорила, времени совсем нет, а я теперь точно не уйду, пока все не попробую...

Тогда иди, мой руки.

Из ванны Оксана вернулась несколько озадаченная. Она уселась за стол и взяла в руки вилку, то и дело с любопытством поглядывая на меня, несколько раз безразлично ковырнула плов, но потом все же не выдержала и выпалила:

Я все знаю!

Что, интересно спросить, ты знаешь? — Искренне удивилась я.

Ты кого-то завела.

С чего это ты так решила?

И не стыдно тебе? — С обидой ответила подруга. — Знаешь, как я за тебя переживаю, и молчишь. Что за привычка все по-тихому проворачивать?

А что бегать надо и кричать по улице «Ура! Мне удалось заманить к себе в квартиру мужчинку!?» Так что ли?

Да нет, конечно... Но я у тебя уже пятнадцать минут и еще ничего не знаю... Обидно. — Ксюха отложила вилку и выжидательно уставилась на меня. — Ну не томи, а... Кто он?

Да с чего ты взяла вдруг, что я завела мужчину?

Ну, не женщину же!

Издеваешься? Он что записку для тебя в ванной оставил? Ты оттуда, как бомба замедленного действия, вылетела... Думаешь, я сразу не заметила?

Да это элементарно. В стаканчике две щетки зубные.

Насмешила. У меня в ящике их еще шесть штук новых лежит.

Но этими обоими пользовались. Причем, не так давно. Дальше. На батарее висит два банных полотенца. Значит что? Правильно! Мылись двое! — Я усмехнулась. — Мало тебе? Так я еще в спальню заглянула. Кровать заправляла явно не ты. Ты бы подушки убрала в шкаф. Ты всегда так делаешь.

Да ты просто Пинкертон! — Восхитилась я. — Точно. Он убирал постель, пока я готовила завтрак... Слушай. Да у тебя талант! Может, пока не поздно ко мне работать перейдешь? У нас жуткая нехватка кадров...

Вот еще! — Фыркнула Оксана. — За такую зарплату сама в две смены вкальвай! Работа дураков любит... Так! Знаешь что? Ты мне зубы не заговаривай. Не кусочка не съем, пока не узнаю всего до самой последней подробности....

История долгая. — Предупредила я. — Придется кушать холодный рис...

Кто он?

Мужчина...

Неужто Павлик вернулся? — Ахнула подруга. — Ты ему позвонила и...

Не придумывай. Это перевернутая страница. Все. Прочитано и забыто!

Но мы же с тобой день назад разговаривали, никакого мужика у тебя не было на горизонте... Вроде, не в твоих привычках при первом же знакомстве тянуть мужика в постель... — Как бы сама с собой рассуждала Оксана, поглядывая на меня с подозрением. — Хотя всякое бывает, конечно...

Сама понимаешь, у меня времени то нет на выкрутасы разные... луна, звезды, букеты...

Так ты чего? Правда что ли решила папашу подыскать для своего ребенка? — Прошептала пораженная Ксюха.

Не ожидала?

Нет... вообще то это, конечно... умно... — Замялась она, пряча глаза.

Сама недоумила. Помнишь, предлагала Грязнова осчастливить? — Насмешливо продолжала я.

Так то Максима! — Отозвалась подруга. — Он классный парень.

Я тоже так считаю. А главное, готовит вкусно... Да и вообще, хозяйственный.

Оксана недоуменно уставилась на плов, потом перевела взгляд на салат, почесала пальцем кончик носа...

Разыгрываешь? — Догадалась она. — Смеешься? Я с ней серьезно...

Так и я серьезно.

Но ведь вы столько лет вместе... и никогда раньше...

Почему ты решила, что никогда?

А что, было уже между вами? — Загорелись глаза у подруги. — Когда? А расстались почему? Он тебя бросил, или ты его? А чего опять то решились?

Да не тарахни ты, как трактор. Аж голова разболелась. — Улыбнулась я. — Отвечаю на вопросы по мере поступления. Было давно. Расстались, потому, что не поняли друг друга. Никто никого не бросал. Ну, а снова мы вместе, потому, что он этого очень захотел...

Это точно. В таких вопросах все от мужика зависит... А чего ты раньше то ничего не рассказывала? — Надула было губы Оксана, но быстро сменила тему, видимо решив, что обиды пока подождут. — А ты вообще что решила? Время то, правда, не резиновое. Поумнее надо быть.

Времени немного есть еще... Две-три недели я могу подумать. Нужно хотя бы привыкнуть к ситуации, осмыслить... Такие вопросы сгоряча не решаются... — Я видела, что подруге очень хочется выспросить побольше подробностей, но она не хочет показаться излишне любопытной. Она даже рот ручкой прикрыла, чтобы немного попридержать поток вопросов... — Да не мучайся ты, спроси уж. Я же вижу, тебя жутко волнует вопрос отцовства... Успокойся. Макс знает, что я беременна.

Вот это я понимаю, мужик! Ничего для него не помеха! А он вообще то как... Ну в интимном смысле...

Классный! — Рассмеялась я. — Я же говорила, что плов безнадежно остынет. Ешь, давай.

Да бог с ним с пловом. — Отмахнулась Оксана. — У тебя теперь каждый день такие новости, что с ума сойти можно.

И не говори, подруга. Пьем чай и надо мчаться на работу. Панченко меня, наверное, потерял. Меня уж, может, приказ на отчисление ждет, больно мы вчера повздорили с начальником...

Не имеют права уволить. — С набитым ртом пробурчала Ксюха. — Ты теперь беременная, а значит, в ближайшие три года неприкасаемая, в смысле трудового законодательства. Так что можешь отстаивать свою точку зрения, не взирая на лица и ранги. — Она победно потрясла вилкой в воздухе. — Пользуйся моментом.

* * *

Я еще не успела доехать до отделения, когда со мной связался Панков.

Тамара Владимировна! — Услышала я его возбужденный голос. — Уголова звонила. Она готова признать, что в прошлый раз дала ложные показания. А ведь тогда получается, что у Исаева никакого алиби то и нет! Нужно его срочно брать, пока не слинял!

Не пори горячку, Дим. Никуда он не денется, подождет еще пару часов. Я хочу сама поговорить со свидетельницей... А то можно таких дров наломать... Грязнов не появлялся с кассетой?

Нет еще.

Если приедет, пусть ждет меня. Я уже в пути.

Понятно, Тамара Владимировна.

ГЛАВА 12.

У Даши день не задался с самого утра. Торопливо собирая девочек в школу, она вдруг заметила, что у Марины температура. Женщина расстроилась. Учебный год только-только начался, погода на улице теплее, чем летом, а ее дочери где то подхватили простуду. Что вслед за сестрой непременно загриппует и Татьяна, Даша не на миг не сомневалась. Близняшки все делали на пару. Вместе смеялись, вместе плакали, вместе болели... Пощупав лоб Тани, она убедилась, что у той температуры пока нет, и все же решила проводить ее в школу.

Вернувшись, она поставила Марине градусник и начала названивать на работу. Разговор с начальником получился неприятный, даже грубый. Его, конечно, можно понять, если бы Даша предупредила Марка Львовича заранее, он нашел бы ей замену, а теперь ему остается разве что вставать за прилавок самому... Но ведь и она не может оставить дома маленького, к тому же больного, ребенка... Температура оказалась высокой, и Дарья расстроилась еще больше. Напив Маришу лекарством, она, чтобы успокоиться, принялась вязать рукав свитера. Начала она это творение давным-давно. Года полтора назад, а то и больше. Спинка получилась качественно и довольно быстро. На передней части долго не давался узор. Женщина просто измучилась с вечно спутывающимися цветными клубками. Когда в конце концов и эта часть свитера была закончена, Даша принялась за рукава. К этому времени вязание настолько ей осточертело, что она так и забросила его на дальнюю полку... С тех пор спицы извлекались на свет только тогда, когда женщина просто совершенно не знала, чем себя занять или, чтобы отвлечься от неприятных мыслей...

Около одиннадцати ее занятие прервал телефон. Звонил Виктор. Он узнал, что Даша не вышла на работу и беспокоился, не случилось ли чего с ней или с девочками.

Да ничего страшного. Марина приболела... Наверное, и Танечка к завтрашнему дню к ней присоединится... Не знаю, как теперь с работой быть. Начальник уволить грозился...

Не переживай. Выкрутимся. Вообще, как закончится эта история с милицией, хочу предложить тебе подумать о совместном хозяйстве.

Правда? — Приятно удивилась Даша. — Я и не предполагала, что ты серьезно настроен и так быстро решишься на столь важный шаг...

А чего тянуть? Ты привлекательна, я чертовски привлекателен, как Миронов говорил... Так

чего нам еще то надо?

Но у меня двое детей...

Ты не поверишь, но я это знаю! — Рассмеялся Виктор. — Кстати, из милиции больше не беспокоили?

Нет. А что должны были? — Забеспокоилась Даша.

Кто их знает, чего они должны, чего нет... Меня тоже пока не трогают... Но на всякий случай не расслабляйся. А то они так запутать могут, сама не поймешь, как на их удочку попадешься.

А чего меня путать то? Просто повторю, что провела ту ночь с тобой, да и все. Как можно это перевернуть?

Ну ладно. Тогда я спокоен. Целую. Вечером позвоню, договоримся о встрече.

Только не очень поздно. А то девочки болеют, я их пораньше уложить хочу.

Ладно. — Виктор повесил свою трубку, а Даша все смотрела на свою, счастливо улыбаясь... Неужели это правда? Виктор действительно хочет на ней жениться? У нее снова появится защита и опора... Да и для девочек лучшего отчима и придумать трудно.

С мягкой улыбкой она подошла к постели дочери, та задремала. Видимо, лекарство пошло ей на пользу. Вернувшись в зал, Даша включила телевизор. Время до обеда пролетело незаметно. После еды Марина снова отправилась в кровать, а мать принялась за приготовление ужина. Таня после продленки вернется голодная, как волк, до ее прихода нужно успеть сварить суп. Сегодня девочки заказали «Харчо». Вроде бы все компоненты в холодильнике имеются... Он кастрюли Дашу оторвал звонок в дверь. Она вытерла руки о фартук и отправилась открывать.

На пороге стоял молодой мужчина. Он представился работником милиции и попросил разрешения войти. Даша посторожилась, пропуская милиционера в квартиру.

Только потише, пожалуйста. — Попросила она. — У меня дочка болеет, сейчас вроде заснула, так не стоит ее беспокоить.

Конечно. Я постараюсь. — Заверил ее мужчина. — Меня зовут Грязнов Максим Петрович. — Представился он, усаживаясь на диван. — Я хотел бы поговорить с Вами о Вашем знакомом, Исаеве Викторе Андреевиче.

Но я уже все сказала в отделении. В ту ночь мы были вместе... — Занервничала хозяйка.

Ваша соседка Изотова утверждает, что слышала, как мужчина выскочил из Вашей квартиры около полуночи... Вы просили его вернуться, но он ушел...

Да это действительно так. — Замялась Уголова. — Видите ли... В тот вечер мы немного поругались... скорее даже нет... просто повздорили. Он выбежал из квартиры.... Я действительно звала, но он не вернулся и пошел домой. Он рядом совсем живет. Десять минут пешком...

Откуда Вам известно, пошел Исаев домой или нет? — Строго спросил Максим Петрович. — Вы же у себя остались...

Ну да. Я же уже в рубашке была ...и без белья... ну вы понимаете... Но я быстро оделась и

выбежала вдогонку. Витя шел медленно, а я бежала. Я догнала его прямо у подъезда. Мы поговорили, решили наши разногласия... ну и провели остаток ночи вместе...

Грязнов с подозрением смотрел на свидетельницу и не верил ни одному ее слову. Как то она слишком нервничала... краснела, как школьница.

Дарья Валентиновна, Вы отдаете себе отчет, что своими показаниями Вы создаете Исаеву железное алиби и помогаете уйти от наказания?

За что? За что его наказывать? Он не мог этого сделать. Он просто не имел возможности угнать эту машину в три часа, если все это время был со мной! Что Вы к человеку привязались? Если он сидел в тюрьме, то это еще не значит, что нужно примазывать парня к каждому не раскрытому преступлению... — Женщина даже покраснела от такой резкой и эмоциональной речи.

Грязнов посмотрел на нее с любопытством.

При чем тут угон машины? — Поинтересовался он. — Это Вам Исаев рассказал про угон?

Ну да... — Сбавила обороты Уголова. — Но он не мог...

Я слышал. Вы были вместе и все такое... А Вы хоть в курсе, за что сидел Ваш...любовник. — Насмешливо уставился на нее Максим Петрович.

Ну... в принципе... — Совсем растерялась Дарья. — За это же и сидел... За угон... А что, нет? — Робко спросила она, видя, что Грязнов недоуменно пожимает плечами.

Станный Вы народ, женщины. Впускаете в дом кого попало, даже не разобравшись путем, с кем имеете дело. А у Вас ведь двое детей. Нельзя быть такой беспечной.

Он что, вор?... Убийца?!

Хуже, на мой взгляд. Он за изнасилование сидел. Малолетнего ребенка. Девочки. Обычный извращенец. Педофил по убеждениям...

У Даши все просто поплыло перед глазами. Она покачнулась и без сил рухнула в кресло. Грязнов принес ей стакан холодной воды. Немного придя в себя, женщина попыталась осмыслить услышанное. Это невероятно! Просто такого не может быть! Это не могло случиться с ней! Разве мало она перенесла в жизни, чтобы получить от господина еще и такое... А может, это не правда. Витя же предупреждал, что они попытаются ее запутать, сбить с толку... Но придумать такое! Такое!... В голове не укладывается.

А в чем его сейчас подозревают? — Дрожащим голосом спросила она.

В похищении и убийстве ребенка. Девочку задушили и бросили в озеро. Как раз в ту ночь... Около трех.

Но это не он. — Прошептала Даша почти без сил. — Он же был со мной...

Грязнов с сожалением посмотрел на Уголову, пощупал в кармане кассету... надо было на что то решаться... И он решил идти до конца.

У Вас видео есть? — Хрипло спросил он. Даша молча кивнула и указала пальцем в угол комнаты. — Тогда смотрите. Уберите от лица руки и смотрите. Я совершаю должностное

преступление, показывая Вам ЭТО. Но мне жаль Вас и Ваших детей.... Смотрите. Смотрите и слушайте.

Даша уставилась на экран телевизора. Сначала там было только шипение и какая то рябь. Потом в кадре появился Виктор.

Эта запись сделана в психиатрической клинике три года назад, куда он поступил из тюремной камеры. Это что-то типа его исповеди... Рассказ о том, как он докатился до такой жизни...

Даша не обратила на этот комментарий никакого внимания. Она, распахнув глаза, рассматривала такие родные и вместе с тем не знакомые черты человека, за которого еще утром собиралась замуж...

«Я родился в приличной интеллигентной семье. Отца не помню. Он рано бросил нас с мамой. Потом она говорила, что он нашел другую, моложе и красивее... Папу мне заменил брат. Он меня старше всего на восемь лет, но такой серьезный, собранный, совсем на меня не похож. Хорошо учился, в секции разные ходил. А я учебники не любил, со сверстниками у меня тоже как то не получалось, они все время пытались втянуть меня в какие то глупые неинтересные забавы... То по крышам гаражей прыгать, то курить в подвале, то шашку дымовую в подъезде запалить... Вам это интересно доктор, или может сразу перейти к женитьбе? — Виктор вопросительно уставился на кого то, находящегося по другую сторону экрана. „Рассказывайте все. И по возможности не упускайте подробности. Иногда самые мелкие детали могут помочь разобраться в природе заболевания“ — послышался голос врача. — Хорошо. — Вздохнул Исаев. — Если это может помочь мне избавиться от этого порока... Я готов. На чем я закончил? Детство... Прекрасное время. Тогда меня не волновали никакие серьезные проблемы. Самым большим потрясением было то, что Васька из первого подъезда постоянно кидает в меня песком, целясь прямо в глаза... В песочнице я проводил много времени, даже в школьные годы мне доставляло удовольствие возиться с малышами. Вообще, на протяжении всего детства и юности мои приятели почему то всегда оказывались намного младше меня. Старшие ребята и ровесники меня ни во что не ставили, оскорбляли, били... А малышня взирала снизу вверх, как на бога. С братом мы так и не смогли найти общий язык. Для него я всю жизнь был обузой. Мама много работала, и все воспитание с утра и до позднего вечера ложилось на плечи Михаила. Я мешал ему гулять, общаться с друзьями... Когда к нему стали девочки приходить, он постоянно меня выгонял, шпынял, всячески обзывал... Его подружки смеялись до упаду... Ну, потом школа кончилась. Мама настаивала, чтобы я, как и брат, поступил в институт, получил профессию доктора или адвоката. Инженера на худой конец. Тут я впервые послушался маму. Мне не хотелось больше учиться. Сидеть над учебниками еще пять лет, казалось мне чудовищным. Я устроился сторожем в детский сад. И еще дворником по совместительству там же... Сделав ранним утром свою работу, я не уходил сразу домой, а задерживался в саду еще на час другой. Я очень любил играть с детьми. И они меня просто обожали. Смотрели в глаза и верили каждому слову... Да... В то время, да и потом, я никогда не смотрел на малышей с точки зрения секса. Поверьте, доктор, я просто любил их. Любил и все. Мне хотелось заботиться о них, баловать... Однажды, гуляя по парку, я встретил ИХ. И сразу влюбился... Нет, ну тогда я еще не сразу понял, что это любовь. Просто, в душе волнение какое то возникло... Я пошел за ними. Даже, преодолев смущение, рискнул познакомиться. К моему удивлению и женщина, и ее дочка обрадовались моему присутствию... Мы стали встречаться часто. Почти каждый день. Эти встречи ни к чему нас не обязывали. Мы просто гуляли по аллеям, собирали осенние листья, иногда я носил девочку на руках. Она так доверчиво прижималась ко мне своим маленьким тельцем... Видимо Татьяне таких отношений было недостаточно. Она все чаще стала пропускать встречи, говорила, что занята... Я понимал, что теряю ее, а вместе с ней и свою любовь... Жить без Олюшки я уже не мог... И я решился. Однажды в парке на лавочке, когда девочка убежала с подружками на поляну, я поцеловал Таню. На глазах Ольги я не смог

бы этого сделать... А так... Мне это даже понравилось. Постепенно я вошел во вкус. Татьяна оказалась опытной и умелой партнершей, смогла расшевелить во мне сексуальное желание... Не стану врать, доктор, близость давалась мне не легко. Ведь я грезил совсем не о матери, а о дочке, которой было всего восемь лет. До сих пор не пойму, когда в какой момент, во мне произошел этот сдвиг, как я от простой и понятной любви перешел к противоестественному животному влечению к малолетнему ребенку... Может быть, Вы поможете мне разобраться в этом... Но я нашел выход. Ложась с Татьяной в постель, я выключал свет и представлял себе Олю. Мечтал... Фантазировал... При этом возбуждался физически, умелые руки Тани помогали доводить дело до конца... Вскоре мы поженились, стали вполне приличной семьей. Я работал. Заботился о своих женщинах. Мне все нравилось... Но девочка росла... Я выходил из себя, видя ее с соседскими мальчишками или одноклассниками... Татьяна начала меня ужасно раздражать. Эта дура постоянно норовила обнять меня или погладить на глазах у моей любимой Олюшки... Я говорил жене, что это не хорошо, но она только смеялась... Ложиться с ней в постель становилось все противнее. Ее увядающие прелести на фоне юных форм моей любимой производили ужасающее впечатление... Я зажмурился, когда она зажигала ночник, чтобы посмотреть время... Я стал катастрофически терять мужскую силу... Чтобы восполнить эту потерю, я делал все, что мог. Особенно помогало, когда я умудрился проделать в стене глазок и подсматривать за Олей, когда она мылась в ванне... Летом я уговаривал ее спать в одних трусиках и обязательно приходил к ней читать сказку перед сном... После такого, доктор, я мог удовлетворить и жену и даже еще более старую тетку.... „Сколько лет было в тот момент Вашей жене?“ Двадцать девять лет. Да будь ей даже двадцать! Это не меняло дела. Я любил только ее дочь. Видел только Олюшку! Татьяна проходила как досадное, но неизбежное приложение к ней. Ее еще и удовлетворять приходилось... Ладно хоть она не часто домогалась моего тела... Поверьте, доктор, я никогда не рискнул бы обидеть мою девочку, я понимал, что староват для нее... Но случилось чудо, — Виктор смущенно и радостно улыбнулся. — Оля тоже влюбилась в меня. „Почему Вы так решили?“ — Да это же видно доктор! Влюбленный мужчина всегда заметит, что ему отвечают взаимностью. Девочка охотно садилась ко мне на колени, позволяла гладить. Часто обнимала меня, крепко прижималась.... Я даже сейчас, рассказывая Вам об этом, возбуждаюсь... А тогда я просто безумел от ее горячего тела... Она не могла не замечать, не понимать... Я уже не мог сдерживаться. Я начал постепенно подготавливать ее к близости... Медленно, чтобы не напугать... Ведь я должен был стать ее первым мужчиной... Я начал с того, что однажды вечером перед сном, будто играя, начал гладить ее зарождающиеся груди... Эти маленькие восхитительные бугорки... Потом опустился ниже. Сначала сквозь трусики начал щекотать ее... Потом, на следующий день предложил поиграть в доктора... Тут я уже снял с нее все белье. Господи! Как это было восхитительно! Мы целый месяц играли с ней в эти игры. Я пальцем легонько трогал ее самые нежные и интимные места. Она реагировала доктор! Замирала, глазки расширялись... Господи, доктор, Как это было прекрасно! — Исаев закрыл глаза и облизал пересохшие губы языком. — Я очень любил Олю. Поэтому сдерживался, как мог. Только через месяц я решился показать ей то, что приносит наслаждение женщинам. Сначала она испугалась, но я объяснил, что мужчины совсем не такие, как женщины... они другие... заставил ее побороть смущение и потрогать меня... ей понравилось... Ей вообще нравилось учиться всему... Она мне доверяла и знала, что я добрый и ее не обижу... Потом я стал ложиться с ней рядом. Обнимать, сажать ее на себя... Целовал... „Вы вступали с ребенком в половую связь?“ Позже. Очень осторожно. Постепенно. Все глубже и глубже... Крови все равно было много... Оля уже ничего не боялась... Мы вместе застирали простыни... Таня ни о чем не догадалась. Она тогда в ночную работала. Потом мы с Олей часто играли друг с другом, ей это нравилось... „Я вижу не смотря ни на что вы вспоминаете это с наслаждением?“ Конечно, доктор! Как можно не восхищаться этим! Если бы эта старая курица, моя жена не помешала, мы бы были так счастливы....»

Прекратите это немедленно! — Закричала Даша, выдергивая из розетки шнур телевизора. — Прекратите! Я не могу это видеть...слышать! Противно! Боже мой, как это мерзко, грязно, противно! Как позволили этому монстру разгуливать на свободе? Как выпустили из психушки его, охотящегося на наших беззащитных детей...

Доктор считает, что Исаев излечился от пагубной страсти...

Что я должна сделать, чтобы его уперли в тюрьму? На долгие годы... Пусть этот ублюдок сгниет ... Там его место!

Вы просто должны сказать правду.

Какую?

Насчет той ночи. Исаев на свободе лишь потому, что Вы создали ему алиби.

Хорошо. Я дам показания. Прямо сейчас. Давайте заберем мою дочь из продленки и поедем в отделение. Арестуйте его немедленно. Он нисколько не изменился, поверьте. Все так же выключает свет... ублюдок!

ГЛАВА 13.

Уголову на своей машине привез Грязнов. Женщина была очень взволнована и торопилась как можно быстрее оформить свои новые показания. Она объясняла это тем, что дома у нее осталась маленькая больная дочка. Вызвав меня в коридор, Максим сказал, что берет Панкова, ребят из дежурки и едет на задержание Исаева.

Ты что, не можешь подождать пока я допрошу Уголову? Сейчас все оформлю, и поедем вместе.

Ты не понимаешь, Том. Если этот парень узнает, что Дарья у нас, ведь пол двора видело, как она залезает в милицейскую машину, он может просто испариться из поля нашего зрения.

Куда?

Да куда угодно! Не забывай, на нем убийство ребенка! Что ему терять? Сейчас он сидит на заднице, потому что уверен в показаниях Уголовы. Но стоит ему только усомниться...

Некуда ему бежать...

Не глупи, Том. Потом его искать придется, а сейчас он весь, как на ладони...

Ну, хорошо. Поезжай. Арестуешь и сразу привози Исаева сюда. Кстати, ты кассету из больницы привез? — Максим рассеянно кивнул и протянул мне коробочку. — Вот. Смотреть не советую. Противно до блевоты...

Разберусь.

Уголову не держи долго, а то внизу в дежурке ее дочь, а вторая дома одна лежит с температурой.

Я вернулась в кабинет.

Дарья Валентиновна, не волнуйтесь. Я попросила напоить Вашу дочку чаем с бутербродами...

Да у меня еще Маришка дома...

Я знаю. Давайте быстренько начнем... Скажите, пожалуйста, что привело Вас сюда во второй раз? Почему Вы вдруг решили изменить показания?

Я все хорошенько обдумала и поняла, что невиновный человек не будет просить меня врать... А если это так, то он должен ответить перед законом. — Даша нервничала все заметнее.

Но ведь первый раз Вас никто не принуждал давать именно такие показания. Вы САМИ решили сказать, что провели ночь с подозреваемым. — Дарья вздрогнула и поморщилась.

Меня просили подтвердить его алиби. Я подтвердила. — Коротко ответила она. — Поверьте, тогда я не понимала, что творю. Я хотела, как лучше.

Но если Вы солгали тогда, может, Вы и сейчас говорите не правду? Или не всю правду?

Моя соседка Изотова может подтвердить, что Исаев вышел от меня около полуночи. Я осталась дома. Больше до утра я его не видела. — Твердо произнесла женщина. — Это правда. Я готова подтвердить ее, где угодно. Я хочу, чтобы преступник занял свое законное место. У параша. — Руки Дарьи Валентиновны дрожали, глаза светились ненавистью.

У Вас что то произошло? — Тихо поинтересовалась я.

Нет... Ничего... Хотя вру... У меня поломалась жизнь.

* * *

Виктор Исаев места себе не находил с самого утра. Он не мог понять почему, но чувствовал всем своим обостренным чутьем загнанного зверя, что вокруг него сгущаются тучи... Сжимается невидимое кольцо тревоги и ненависти. Куда бежать? Где спрятаться от самого себя? Как спастись от бездны, которая так и норовит поглотить его целиком... Когда он выходил из клиники, жизнь казалась легкой и понятной, солнце улыбалось... Птицы пели... Он так удачно устроился на работу. Его тут ценили и уважали, не смотря на судимость. Еще в больнице он смог побороть в себе отчаяние, которое накрыло его с головой после смерти матери... Брат не пожелал пустить его даже на порог собственного дома... Пусть. Он строит новую жизнь, вдали от всего, что связывало его с прошлым... Он даже на Олю посмотреть не стремился... Хотелось, конечно, зачем скрывать, но он вполне мог сдерживать свои желания. Много позже он узнал, что Татьяна с дочерью продали квартиру и скрылись от людской молвы и от него, Виктора, в неизвестном направлении... Ну и пусть. Теперь у него есть Даша и девочки... Господи! Ну зачем, зачем он снова пошел в этот чертов парк?... Он всегда с самого первого раза приносил ему только страдания... Одни страдания... даже горе... Теперь его спокойное размеренное течение жизни опять нарушено... Его мир хотят взорвать. Взорвать изнутри, как новогоднюю хлопушку. БА-БАХ!!! И все довольны! Все смеются! А ненужную хлопушку отбрасывают прочь... в грязь... и топчут... топчут... Как тогда в камере... Виктор содрогнулся. Вернуться в тюрьму, даже не надолго, даже на одну единственную ночь, казалось чудовищным...

Ты работать вообще собираешься сегодня или нет? — Вывел его из задумчивости голос мастера. — Если болен, иди домой, нечего мотаться из стороны в сторону.

Да нет, я в порядке. — Тускло откликнулся Виктор.

А то я не вижу. Морда бледная. Под глазами круги...

Просто спал плохо... А так ничего...

Ну, как знаешь, мое дело предложить. Иди тогда вон запчасти рассортируй. А то ребята все перебаламутили, ничего найти невозможно....

Исаев отправился к стеллажам, которые находились за подъемником. В это время к мастерской подъехал милицейский УАЗик. Виктор настороженно прислушался. Конечно! Они разыскивают его. Вон и тот свирепый мент, который в прошлый раз чуть не убил его прямо в кабинете следователя.... Наверное, сейчас он пришел, чтобы доделать свое черное дело. Исаев весь сжался, скрючившись позади стеллажа... Вот бы исчезнуть! Превратиться в птицу и выпорхнуть на волю... Нет, навряд ли они будут убивать его здесь... Конечно! Здесь они не рискнут... Глаза Виктора лихорадочно блеснули и постепенно теряли здоровое осмысленное выражение... Они схватят его и повезут туда... будут пытаться, издеваться... Господи! Он так боится физической боли!... За что, ну за что, все ополчились против него? Что особенного он сделал... Ну да, конечно, теперь он даже смотреть на детей права не имеет.... Он больной, прокаженный, урод... Даша. Только Даша его понимает... Только она осталась ему другом после всего...

Виктор увидел, что милиционеры о чем то поговорили с мастером, и он показывает им на стеллажи, за которыми в жалкой и нелепой позе спрятался он, Виктор Исаев... Бежать! Нужно срочно бежать от этих людей, которые хотят поймать его, связать... Только куда? ... Да как же, конечно к Даше. Она поймет... и им объяснит, что он не виноват... он не мог... не хотел...

Как заяц, рванул Виктор к воротам, безумие и страх придали ему сил. Вскочившие в машину, милиционеры не смогли его догнать... Он видел, как стремились они настигнуть беглеца... как сверкали их свирепые волчьи глаза... Они, как хищники, преследующие дичь, гнали его по дороге... Виктор нашел в себе силы, перемахнул через забор какой то стройки, неся дальше, петляя и озираясь, пока ноги сами не принесли его к дверям квартиры Уголовых. На нетерпеливый звонок дверь открыла Марина. Она охотно впустила дядю Витю в дом и рассказала, что маму увезли дяденьки из милиции...

* * *

Грязнов вернулся довольно скоро злой, как черт и грязный, как последний чернорабочий.

Он сбежал, Том! Мы на машине не смогли догнать этого ублюдка... Он неся, как пуля, потом нырнул на какую то стройку и пропал. Я лично облазил там каждый уголок, но нашел только грязь... Кучи грязи... Вымазался, как свинья.

Отмоешься. — Успокоила я его. — Что будем делать ?

Искать.

Где?

Везде.

Мы замолчали. Одна и та же мысль пришла в наши головы одновременно.

Дарья! Господи! Как я сразу не подумал? Все мозги растерял в пылу погони... дурак! Панков! — Окрикнул Макс проходящего мимо Дмитрия. — Быстро в машину и гони по адресу Уголовой. Этот недоносек вполне может объявиться там... Гони изо всех сил! Понял? — Панков мгновенно испарился.

Почему сам не поехал?

Во первых, я не думаю, что он такой безумный, что сразу рванет к Дарье. Он же понимает, что в двух местах ему сейчас точно нельзя появляться : у себя и у Уголовной. Да и потом, надо поиск организовать по полной программе. Аэропорт, железная дорога, автовокзалы... Насколько я понял, друзей у него нет, брат ни за что не станет скрывать этого выродка от милиции... Он его и на порог не пускает. Знаешь, я бы тоже не мог на него даже смотреть. Будь он мне хоть трижды братом... Ты кассету смотрела?

Да. — Хмуро ответила я. — Я поняла, почему Ненашев отказывался ее показывать... Если честно, я жалею, что настояла...

А я рад. Я его теперь из-под земли гада достану и подвешу за его паршивые яйца. Ромео хренов. Как вспомню его откровения, кулаки сами сжимаются...

Вот именно. — Задумчиво произнесла я. — Вот именно. Мы с тобой уже не сможем относиться к Исаеву объективно... А значит, действительно, мы используем кассету во вред подозреваемому... Я понимаю умом, что эта запись сделана три года назад. После этого Виктор получил квалифицированную медицинскую помощь. Его лечили. Егор Геннадьевич утверждает, что не безуспешно... Он мог стать совсем другим человеком, Максим...

Горбатого могила исправит, Не обольщайся, Том... Его психика не выпрямилась... Ты же сама видишь, он остался прежним. Даже свое пакостное дело творит по той же схеме, что и пять лет назад... Снова парк, одинокие мамы с детьми... Он деградирует. В последний раз он «любовался» грудным ребенком... Ты видишь, чем это кончилось? Жаль, что мы не успели спасти Сашеньку, мы просто были не в состоянии, она умерла еще до того, как мы с тобой узнали о преступлении. Но мы не должны допустить продолжения. Какая разница, каким путем мы этого добьемся... Если для этого нужно просмотреть такую мерзость, как признания этого... уродца, то придется смотреть... Подумай, ведь и у тебя... у нас... может родиться девочка. — Макс провел ладонью по моему лицу. — Мне совсем не нравится, как ты выглядишь в последние дни. Я думаю, тебе нужно больничный взять...

Я совершенно здорова. — Напомнила я, прижимаясь к его груди. — Больничный мне никто не даст...

Тогда возьми отпуск. — Максим погладил мои волосы. Потом ухватил пальцами одну из шпилек и осторожно потянул вверх. Этого было достаточно, чтобы остальные заколки сразу же бросились врассыпную. Тяжелая волна волос упала мне на плечи. — Почему ты никогда не появляешься вот так, с распущенными волосами? Зачем прячешь такое великолепие в строгих чопорных пучках? Так ты похожа на русалку... — Он запустил пальцы и начал перебирать пряди у меня на плечах.

Поэтому и прячу. Если ты не забыл, я не русалка, а майор милиции, мной не любоваться должны, а подчиняться, уважать и даже бояться... А насчет отпуска ты прав. Только никто меня не отпустит, пока в этом деле не будет поставлена финальная точка. Потом я сразу же брошу все и начну отдыхать... Правда, я это не слишком хорошо умею... Например, лягу в постель и не буду вставать целую неделю...

И умрешь от голода. — Продолжил мою мысль Грязнов.

Ну, уж нет. — Лукаво подмигнула я. — Ведь есть человек, который прекрасно умеет готовить, да и на моей кухне уже освоился...

Хитрая какая. Так я и знал. Покажи лисичке пальчик, она мигом всю руку отхряпает...

Такие уж мы лисы — хищницы. — Я сморщила нос и зарычала. — Страшно?

Не-а! Ну ладно, я побежал. Нужно организовать поиск. Ты у себя будешь?

Да, пойду бумагами займусь. Я еще отчеты эксперта не изучила, как следует...

Ну, пока, до вечера...

Можно подумать, сейчас утро.

Мы разошлись по своим кабинетам. Но уже буквально через десять минут пришлось встретиться вновь. Грязнов вбежал ко мне с перекошенным от досады лицом.

Ну, что это за дело чертово! С самого начала все идет не так, как должно... Этот придурок преподносит сюрприз за сюрпризом!

Что опять случилось, Макс? — Заволновалась я.

Мы опять не успели. На какие то минуты всего опоздали...

Да говори ты толком!

Исаев забарикадировался в квартире Уголовых. У него в заложниках Дарья и две ее дочки...

Черт! Только этого не хватало! Похоже, он совсем с катушек слетел...

Точно, крышу у него сорвало капитально. Он теперь бог знает на что способен! Собирайся быстрее, машина уже ждет...

Надо бы Панченко доложить.

Да на хрена он сдался? Сам узнает...

ГЛАВА 14.

Даша очень торопилась домой. Какая то неясная тревога гнала ее вперед. Танюшка чуть успевала за матерью. Ребята из отделения, которые подвезли ее с дочерью до дома, предлагали проводить их до квартиры, но женщина вежливо отказалась. Вокруг все было тихо и спокойно.

Дашу очень волновала Марина. Она уже давно находится в доме совершенно одна. А вдруг у нее поднялась температура, вдруг она проснулась и увидев, что осталась в квартире совершенно одна расплачется, или еще хуже — напьется холодного сока из холодильника... Дарья редко оставляла детей одних. Она старалась как можно больше времени проводить со своими девочками... Рабочие смены подгадывала так, чтобы к возвращению дочек с продленки всегда оказываться дома с горячим ужином на столе... Но все же иногда это ей не удавалось. Несколько раз начальник назначал ее на работу по воскресеньям, просил задержаться после смены, если ее напарница задерживалась... В такие дни мать, конечно, тоже волновалась, как там без нее дома? Но не так чтобы очень уж сильно. Она с самого детства приучала девочек к самостоятельности. Уже в шесть лет они без особых проблем разогревали приготовленные матерью блюда в микроволновой печи, могли включить и выключить телевизор, занять себя играми, даже спать ложились сами и без особых напоминаний. Девочки росли, и с каждым

годом проблем с их воспитанием у Даши становилось все меньше. Очень способствовало их быстрому развитию то, что они всегда практически находились вместе. Общались друг с другом, обсуждали книги и передачи, напоминали не только себе, но и матери о разных бытовых мелочах.. Сейчас, когда Тане и Марише уже исполнилось по восемь лет, они в глазах Даши были вполне взрослыми, ответственными и аккуратными личностями. Особенно Мариша... Но почему сегодня так тоскливо щемит сердце и навязчиво ноет в груди? Вот и Танюха, она едва поспекает за торопливой поступью матери, пару раз споткнулась, чуть не упала на лестнице, но тоже не жалуется, видно, и ее гонит вперед какая то смутная тревога... Не зря говорят, близнецы чувствуют друг друга, как самих себя...

Достигнув, наконец, заветной двери Даша открыла ключом замок и вздохнула с облегчением. В квартире стояла тишина и веяло абсолютным покоем... Быстренько скинув туфли, Таня помчалась в комнату к сестре.

Смотрите там не целуйтесь сильно! — Крикнула Даша ей в след. — Нечего заразу переносить. — Девочка не отозвалась, только из-за двери послышалась возня и довольное хихиканье. Мать вздохнула, заперла все замки на входной двери и пошла в спальню переодеваться. По дороге она мельком заглянула в детскую и остолбенела. Около Мариной кровати на низенькой табуретке сидел Виктор, в одной руке он держал самый крупный кухонный нож, другой обнимал Таню. Он что-то тихо рассказывал девочкам, они внимательно слушали и хихикали.

Гнев, страх, презрение к этому ужасному человеку мгновенно вновь заполнили душу женщины. Да как он может, этот извращенец, своими грязными похотливыми руками трогать ее девочек!? Ее маленьких и непорочных ангелов?

Отпусти немедленно мою дочь! — Вне себя от ярости закричала она, вбегая в комнату. — Немедленно уходи из моего дома! Я сейчас же вызову милицию, пусть она арестует тебя, грязный ублюдок!

Одним прыжком Виктор оказался у нее за спиной. Лицо его перечеркнула гримаса такого отчаяния и злости, что готовые сорваться с губ гневные слова вдруг застряли у Даши в горле. Она инстинктивно постаралась прикрыть детей своим телом, ведь в руке у маньяка сверкал начищенный до блеска огромный резак. Дети, обнявшись на кровати, дружно зарыдали.

Что ты несешь, дура? — Прошипел Даше прямо в лицо бывший любовник. — Что ты несешь!? Это кто здесь грязный ублюдок? Я?

Он больно схватил ее за подбородок и глянул в глаза. — Еще вчера ты готова была мне руки целовать, исполнять все мои прихоти. Так что же случилось сегодня?

Я не знала... — Прошептала она. — Я верила тебе... Я думала, ты любишь меня... и дочек... Обычно любишь. Нормально.

Ах, вот оно что! Просветили значит менты, что хорошая девочка связалась не с тем парнем? А ты сразу поверила? Ну, признавайся, поверила?! — Даша молчала, говорить мешал страх за детей.

Наконец, она смогла взять себя в руки.

Давай, выйдем отсюда и поговорим спокойно... Не надо пугать девочек. — Она решительно направилась к выходу из комнаты. Таня уцепилась за ее руку и зарыдала еще громче. Даша резко отпихнула ее обратно на кровать, не отрывая взгляда от лица Виктора. Он, будто

за мороженый этим взглядом, пропустил ее в прихожую и вышел следом. Даша все так же решительно направилась к уличной двери. Она уже вставила ключ в замок, но тут Исаев опомнился, вырвал из ее рук связку и одним мощным толчком вернул женщину на середину прихожей. Она не удержалась на ногах и больно ударилась спиной о тумбочку.

Что ты от меня хочешь? — Превозмогая боль, спросила она. Здесь в некотором отдалении Виктора от детей она почувствовала себя немного увереннее. — Уходи. Ключи от двери в твоих руках. Открывай и уходи.

Я пришел сюда, так как мне некуда больше идти. — Теперь лицо Исаева выглядело жалко. — Ты говорила, что любишь меня... Они запутали ... все запутали. Да, я сидел не за угон. За изнасилование девочки... Оли. Но это ошибка, поверь... Она была мне, как дочь, но ее мать меня оклеветала... Прошу, пойми меня... и прости ...за обман. — Он опустился перед Дашей на колени и обнял ее ноги одной рукой. Нож он по-прежнему не выпускал. Женщина инстинктивно брезгливо дернулась. Усилием воли ей удалось не оттолкнуть это чудовище от себя, как мерзкую жабу...

Да... Конечно... Я верю. Ты не мог бы обидеть ребенка... Я защищу тебя, мы будем вместе. — Она опустила руку на голову Виктора. Он потерялся об нее макушкой, потом щекой. Заглянув Даше в глаза, он недоверчиво переспросил:

Ты, правда веришь?

Верю. — Твердо ответила женщина. Она действительно готова была поверить во что угодно, сделать даже невозможное, лишь бы вывести этого маньяка из квартиры, подальше от девочек, а там будь, что будет.

Я знал. — Облегченно выдохнул Виктор. — Я всегда знал, что ты необычная, чуткая... я полюбил тебя с первого взгляда, там в парке... Я даже в церковь ходил. Батюшка сказал, что ты послана мне небом... только ты способна спасти меня от самого себя... После всех ошибок, горестей и нелепостей, куда бросала меня жестокая судьба, я нашел, наконец, свое пристанище... свою тихую заводь... Я пересилил судьбу. Я смог! Я стал нормальным! И все это благодаря тебе. И девочкам.

Упоминание о детях всколыхнуло в сознании Даши воспоминания о страшной пленке и совсем других, куда более искренних признаниях этого человека. Ее душа сжалась в маленький брезгливый комочек... Но разум продолжал лихорадочно искать выход.

Я верю тебе. — Снова повторила она. — Вставай и обними меня. Обними крепко, так чтобы я почувствовала, что ты действительно меня любишь.

Исаев поднялся на ноги. Стоя рядом с женщиной, он аккуратно обнял ее сначала одной рукой, а потом и второй. Нож ему пришлось положить на тумбочку, позади Дарьи...

И в этот момент неожиданно резко прозвучал дверной звонок. Виктор мгновенно снова схватился за резак, а второй рукой крепко зажал ей рот. Они оба замерли в полутора метрах от двери. Исаев смотрел на нее безумными глазами, в которых плескался страх. А звонок все не унимался.

Дарья Валентиновна! Откройте. — Послышался из-за двери голос. — Это я, Панков. Дмитрий. Я знаю, Вы дома, ребята сказали внизу... Я предупредить Вас хотел насчет Исаева. Он сбежал, мы не успели его арестовать... Теперь он в розыске и может прийти сюда... Дарья Валентиновна, откройте... У Вас все в порядке?

Панков еще пару раз настойчиво позвонил в дверь. После этого голос его зазвучал встревожено.

Дарья Валентиновна! Если Вы не отзоветесь, я прикажу ломать дверь...

Виктор смотрел на подругу и смысл сказанных милиционером слов медленно доходил до его сознания. Арестовать? Они планируют его арестовать? ЗА ЧТО? Что он такого сделал, что на него даже розыск объявили? Ведь они же уже беседовали с ним. И отпустили. Отпустили! Так что же изменилось сейчас? Почему возили в отделение Дашу? Почему приехали арестовывать его?.. Он оттолкнул женщину, но потом опомнился, поймал за волосы и притянул к себе. Подойдя вплотную к двери, Виктор крикнул.

Опоздали! Я уже здесь!

Гражданин Исаев, — слышалось с той стороны, — не усугубляйте свою вину, выходите из квартиры с поднятыми вверх руками... — Голос Панкова звучал несколько неуверенно.

Ну, уж нет! Я больше в тюрьму не пойду. Я ничем не провинился, чтобы баланду хлебать...

Вы выходите, и мы во всем разберемся.

Разбирайтесь без меня. А мне пока и тут не дуется, со мной любимая и две ее крошки...

Они в нормальном состоянии? Надеюсь, Вы не собираетесь причинить им вред?

А вот это уже будет зависеть от вас. Будете надоедать, могу и не выдержать. — Он усмехнулся и черкнул по обнаженной Дашиной руке острым кончиком ножа. Рана мгновенно набухла кровью. Женщина вскрикнула от неожиданности и боли.

Дарья Валентиновна? С Вами все нормально?

Он с ума сошел! У него нож! — Выкрикнула она в отчаянии. Виктор намотал ее волосы на руку и резко потянул. Боль была такой резкой, что из глаз брызнули слезы...

Исаев? Чего Вы добиваетесь, чего хотите?

Ничего. Просто оставьте меня в покое и все. — После этого за дверью наступила тишина.

Виктор толкнул Дашу в угол и, приставив к горлу нож, тихо спросил:

Значит, и ты меня предала, маленькая сучка? Ты отказалась от показаний... — Он смотрел на нее почти с ненавистью. — Почему?

Это ты! Ты предал меня! Думаешь, я не знаю, почему ты постоянно выключал свет? Знаю! Прекрасно знаю! — Отчаяние придавало женщине смелости и сил. — Чтобы он не мешал твоим грязным извращенным фантазиям... Кого ты представлял рядом с собой, когда ложился со мной в постель? Таню? Марину? А может маленькую Сашеньку, извращенец? Может, и за моими детьми ты подглядываешь на сортире и в ванной?

Кто тебе это рассказал? — Прошептал посеревший Виктор. — Кто тебе обо всем этом рассказал?

Ты! Ты сам с удовольствием рассказывал о своих подвигах, о том как ты, гад поганый, сломал жизнь маленькой наивной девочке... Как ежедневно измывался над ее тельцем...

Молчи! Молчи! Ты не понимаешь, о чем говоришь! — Неожиданно его лицо перекоилось, и из глаз полились слезы. — Все! Все предатели! Этот доктор был таким чутким, прикидывался, что понимает, сочувствует... Просил рассказать ему все. Все, как было, без утайки... откровенно... Я поверил и вывалил ему наружу всю свою душу... всю... а он туда наплевал...

Мужчина рыдал, как пацан, растирая рукавом слезы и сопли. Потом он схватил нож и изо всей силы полоснул себя по ноге. Боль привела его в чувство. В глаза опять вернулось осмысленное выражение. А еще гнев и ненависть. Он бросил потрясенную Дашу и пошел в комнату девочек. Он опустился на маленький стульчик и начал осматривать разбухшую от крови штанину.

Таня снова заплакала. Исаев погладил ее волосы окровавленной рукой.

Не бойся, глупышка. Я ни за что вас не обижу.

Зачем ты кричал на маму? И откуда столько крови?...

Мы с мамой поругались... ну, знаешь, как это бывает... поссорились... но это ведь ничего не значит. Вас я люблю... А кровь... Плохие дяди хотят меня обидеть... схватить... — Он говорил будто бредил...

Давай прогоним их и позовем врача. — Предложила Марина.

Я не хочу больше видеть врачей... Они не лечат, они убивают...

* * *

Даша, как только Исаев покинул ее, ринулась было к двери. Но мгновенно вспомнила о детях. Разве может она оставить их в руках безумного маньяка? Да и ключи у него. Женщина вслед за Виктором побрела в детскую. Она присела на корточки у стены и хмуро смотрела на то, как окровавленный мужчина, не выпуская из руки огромного кухонного ножа, второй рукой играет в карты с ее девочками... Дети не могли не понимать, что происходит что то непонятное и зловещее, поэтому не смеялись и неохотно играли, но и отказаться не решались. Виктор попросил Таню почитать сказку про трех поросят. Она послушно принялась за дело, а Исаев слушал, прикрыв глаза. Время, казалось, остановилось. Сколько прошло? Час? Два? А может целая вечность? Виктор так сильно сжимал рукоятку наточенного, как бритва резака, что пальцы его побелели. Только по этому признаку можно было догадаться, как он собран и напряжен. В остальном же он выглядел безучастно, почти спокойно. Напуганная Таня все читала и читала тоненьким детским голоском... Уставшая, больная Марина дремала. Щеки ее горели, видно опять поднялась большая температура...

Когда в прихожей зазвонил телефон, все встrepенулись и насторожились.

Это они. — То ли сказал, то ли спросил Виктор.

Даша только согласно кивнула, не сдвинувшись с места.

Иди, возьми трубку.

Что я должна им сказать?

Ты должна спасти меня. Ты не можешь судить меня за прошлые ошибки во второй раз...

Даша встала и медленно пошла в прихожую. Вскоре снова появилась в дверях с телефоном в

руке. Он продолжал звонить.

Сними трубку! — Закричал Виктор. Он притянул к себе Таню. В руке сверкнуло лезвие, и на пол упал светлый кудрявый локон. Девочка тонко завывала от ужаса.

Дарья послушно сняла трубку.

Дарья Валентиновна! Слава богу! Это Кочетова. Мы с Вами днем разговаривали.

Я помню. — Бесцветно ответила женщина.

Что хочет от Вас этот человек? Мы готовы выслушать его и выполнить то, что он потребует...

Я должна признаться Вам, Тамара Владимировна. — Все тем же тусклым голосом продолжала Уголова. — Я солгала. Сегодня. Раньше я говорила правду. Я по прежнему готова предоставить Исаеву алиби.

На том конце послышался вздох. Потом усталый голос майора Кочетовой произнес.

Я подозревала... Я верю Вам. Позовите, пожалуйста, к трубке Виктора Андреевича.

ГЛАВА 15.

Когда мы с Максимом подъехали, у дома Уголовой уже собралась толпа. Здесь были соседи, прохожие, и даже репортер с какого то телевизионного канала. Как он умудрился прибыть на место происшествия раньше милиции, лично для меня осталось загадкой. Теперь его уже никто не остановит, через пятнадцать двадцать минут горячая новость полетит в эфир, а через час здесь будет весь город.

К нам подбежал Дима Панков.

Он заперся в квартире. С ним Уголова и обе ее дочери. Дарья Валентиновна сказала, он вооружен ножом...

Вызванные Грязновым, ОМОНовцы уже осматривали здание.

Если дойдет до штурма, нам придется трудновато. — Доложил вскоре один из них. — Незаметно в квартиру проникнуть не удастся... Да и с мгновенным броском трудновато. Дверь крепкая металлическая, на всех окнах решетки, причем расположены они внутри квартиры, так что придется сначала выбивать стекла... Он как, очень агрессивен?

Преступник уже убил одного ребенка. — Заявил Макс. Я промолчала. Вся эта история развивалась по своим странным и нелепым законам, и нравилась мне все меньше и меньше...

Тогда надо попытаться договориться, — посоветовал парень.

И без тебя ясно. — Проворчал Грязнов.

Мы расставили снайперов по периметру. Под прицелом все окна, но он постоянно рядом с детьми... опасно.

Ладно. Не суетись пока. Попробуем подействовать словом. Эти извращенцы обычно впечатлительные шизики. Только вот как связаться с этим уродом?

По телефону. — Спокойно предложила я.

Точно! — Хлопнул себя по лбу Макс. — Только, боюсь, он ее к телефону не подпустит.

Ну, пусть сам возьмет трубку. Так даже лучше.

Диктуй номер.

Максим, говорить буду я. Ты не обижайся, но слушать тебя Исаев не захочет. — Максим пожал плечами и подал мне сотовый. Трубку очень долго никто не брал, я уж было начала отчаиваться, когда, наконец, услышала:

Алло...

* * *

Когда по моей просьбе к трубке подошел Исаев, то я не узнала его голос. Он был совершенно не тот, что при допросе в отделении. Другие интонации, другой темп. Вся эта история, похоже, капитально выбила его из колеи. Боюсь, изменения, произошедшие за эти дни в его психике, окажутся, увы, необратимыми.

Виктор Андреевич, раз теперь все разрешилось, не могли бы Вы выйти к нам, поговорить и покончить, наконец, с этой нелепой историей...

Зачем? Дарья ведь призналась, что оговорила меня. Я не при чем. Берите своих людей и уходите...

Но мы не можем, пока не убедимся что дети и их мать в безопасности. Не хотите выходить к нам, не надо. Выпустите тогда Уголовых. Мы увидим, что все в порядке, и уедем...

Вы, правда, надеетесь, что я снова поверю Вам? — Насмешливо поинтересовался он. — Все вы врете с утра и до вечера, а я простак должен принимать Ваши заверения за чистую монету? Даже доктор, которому я действительно поверил, как себе, предал меня ни за грош... Он был таким милым...обходительным... а оказался подлецом и предателем... И Даша... Да что говорить...

Но мы не собираемся Вас обманывать, Виктор Андреевич! — Постаралась искренне заверить я. — Я знаю, что Вы не имеете никакого отношения к похищению и убийству Саши Игошиной. — Макс посмотрел на меня с изумлением, но потом, видно подумав, что в нашей ситуации все средства хороши, даже ложь, хмыкнул и пожал плечами. — А раз Вы не виновны, то нам не в чем Вас обвинить... Только в том, что Вы насильно удерживаете Дарью и девочек... Так отпустите их сами, и инцидент будет исчерпан.

Ну, уж нет. Они уйдут, а вы ворветесь и убьете меня. — Он рассмеялся неестественным, безумным каким то смехом.

Зачем? — Искренне изумилась я. — Зачем нам это!?

Все просто. Я ни такой, как вы все. Я псих и извращенец. Я всем мешаю. Люди меня боятся. Даже Дарья хотела предать меня, пойти на ложь, лишь бы я был подальше... Убьете меня и будете крутить эту чертову кассету по телевизору. Вот смеху то будет! Правда? — В его голосе явственно чувствовались слезы...

Я с изумлением посмотрела на Максима. Так вот, оказывается, в чем дело! Как он мог? Не зря говорят, что злоба и ненависть делает людей глупыми и безответственными.

Вас никто не убьет. — Твердо пообещала я. — Даже пальцем не тронет. Выходите смело.

Я даже сквозь стекло вижу, направленные на меня дула автоматов... Уберите их всех, а потом позвоните снова. — Исаев бросил трубку.

Умеешь ты парней обрабатывать, — с усмешкой погладил меня по плечу Макс. — Даже я поверил. Чуть не прослезился от жалости...

Я не пользуюсь запрещенными приемами, как это делаешь ты. — Сухо ответила я.

Ты чего это? — Оторопел Грязнов.

Как ты заставил Уголову сделать повторное заявление? — Макс промолчал. — Ты обманул мое доверие, Максим. Подвел доктора, и, кажется, сломал человеку жизнь...

То, что Уголова отказалась от своих слов, еще ничего не значит. Если псих держит при этом у горла нож, то и я бы признался в том, что я балерина из Большого театра. — Обиделся Грязнов.

Ты не балерина. Ты глупец. — Я посмотрела ему в глаза. — Неужели ты еще не понял, что Исаев НЕ ВИНОВАТ? Иди, прикажи убирать снайперов. — Я отвернулась от разинувшего рот Макса и пошла к только что подъехавшей машине Панченко. Он протиснулся сквозь толпу и припарковал свой джип прямо у подъезда. Вылезая из авто, он с недовольным видом пробурчал.

Народ нельзя, что ли, разогнать? Здесь Вам что, концерт?

Ребята держат всех за полосой оцепления. Вы тоже зря проехали за черту.

Вы хотите, чтобы я оставил свой «Чероки» среди этих любопытных монстров? — Кивнул он на толпу. — Пожалуй, не только магнитолы не досчитаешься, но и колес с лобовым стеклом... Вы что, не могли все вместе на одной машине поехать? Обязательно пригонять сюда весь наш служебный транспорт? ... Что тут у Вас? Почему снайперов убирают?

Исаев, вроде, выйти планирует, если мы уберем снайперов. Он их из окон видит.

Так с окон уберите. А те, что опекают подъезд, пусть останутся. На всякий случай. Их из окна не видно...

Но, Иван Тарасович, я обещала...

Кому? — Язвительно поинтересовался начальник. Я промолчала. — Идите и выполняйте... Хотя нет, лучше я сам распоряжусь. А Вы завтра с утра не забудьте зайти ко мне в кабинет. Вас там приказ с самого утра ожидает.

Об увольнении? — Поинтересовалась я.

Нет. Пока о строгом выговоре. — Панченко величественно пошагал к Максиму, даже не потрудившись вытащить из зажигания ключи.

* * *

Прошел еще целый час изнурительных переговоров, пока, наконец, Исаев не согласился выйти. Я еще раз заверила, что его жизни ничего не угрожает, и Виктор сломался...

Когда он появился в дверях подъезда с ножом в одной руке и девочкой в другой, над толпой пронесся тяжелый вздох. Впереди он толкал Дашу со второй дочкой на руках. Все шло по намеченному плану, но вдруг что-то случилось. Глаза Исаева заметались, лицо перекосила гримаса ужаса. Я поняла, что он заметил дула автоматов, нацеленных на вход в подъезд. Сильные руки схватили идущую впереди Дашу с ребенком и рванули в толпу, Виктор бросился было назад, но там увидел перерезавших путь к отступлению ОМОНовцев. И тут случилось непредвиденное. Исаев метнулся в сторону. Прыгнул в джип Панченко, спокойно стоящий у подъезда, завел мотор и понесся прямо на толпу... Все бросились в рассыпную, ребята открыли беспорядочную стрельбу по колесам, но среди суматошно мечущихся людей, «Чероки» быстро исчез из вида. Милицейские машины были припаркованы за линией оцепления, и мы потеряли несколько драгоценных минут.

Панков, Грязнов и даже Панченко понеслись по ночному городу, пытаясь догнать джип с преступником и его маленькой заложницей... Я же осталась с рыдающей Дашей.

Зачем он потащил с собой Марину? — В который раз повторяла и повторяла она, раскачиваясь из стороны в сторону. В крови с растрепанными и спутанными волосами выглядела она ужасно. Я подняла с земли, скрючившуюся от холода и страха, Таню.

Пойдемте, поднимемся в квартиру. Здесь холодно. — Я потянула Дашу к подъезду.

Зачем он забрал Марину? — Как заведенная твердила женщина. — Она же больна. Ей нельзя холодного...

С помощью одного из милиционеров ее все же удалось увести в квартиру. Я напоила Таню горячим чаем с бутербродом и уложила в кровать. А сама вернулась к Даше. Сделанный ей врачом еще на улице, укол слегка привел ее в чувства.

Что он сделает с моей девочкой? — Прошептала она и с надеждой уставилась на меня. Что я могла ответить несчастной матери?

Вы же знаете, он не убийца... Вряд ли он обидит Марину...

Да, конечно, — ухватилась за эту мысль Дарья. — Он ее очень любит...

Зачем Вы солгали, Дарья Валентиновна? Ведь все, что сейчас происходит, отчасти результат этой лжи...

Я испугалась... Когда я услышала его омерзительные признания, то поняла, какой рядом со мной монстр... рядом с моими девочками... И пусть он не совершил ЭТОГО преступления, он опасен, он совсем не изменился, он по-прежнему настойчиво ГАСИТ СВЕТ. Его нужно остановить, пока он не наделал новых ужасных вещей, не испортил жизнь маленьким человечкам... Его место в тюрьме. Я решила сама отправить его туда...

А он действительно всю ночь был с Вами?

К сожалению, да. — Вздохнула Дарья. — ЭТОГО преступления он не совершал.

Получается, Вы хотели оставить на свободе другого монстра. Еще более опасного, чем Исаев. Того, кто на самом деле виновен?

Я как-то не подумала об этом, — потрясенно ответила Уголова. — В тот момент я помнила только об опасности, угрожающей моим детям... Так Вы думаете, он не тронет Марину?

Надеюсь. Но я ничего не могу знать наверняка. — Честно сказала я. — Слишком много ударов получила сегодня психика Исаева. А он и так неуравновешен... Нужно ждать.

Господи! Дай мне силы не сойти от всего этого с ума. Я еще нужна моим детям. Соверши чудо, пусть все закончится, и Марина вернется домой живая и невредимая.... — Эта импровизированная молитва рвалась, казалось, прямо из сердца матери. Настоящих молитв Даша не знала, даже креститься не умела. Некогда ей по церквям ходить было... Но, глядя сейчас на нее, я подумала, что на месте бога с удовольствием выполнила бы просьбу отчаявшейся матери. После этого она стала бы ревностной христианкой до конца своих дней...

* * *

Мы сидели и ждали, чем же закончится безумная гонка по ночному городу. Время будто остановилось. Оглушающе тикали часы на стене, то и дело мысли перебивал скрип пружин из детской, это Таня, видно, никак не могла уснуть. Своим чутким детским сердечком она понимала настроение взрослых и делала вид, что спит, чтобы еще больше не расстраивать маму, на дворе ведь была уже глубокая ночь. Даша сидела за столом, положив голову на скрещенные руки, ее отчаянный взгляд был устремлен на какой-то, видимый только ей, завиток на обоях. Распахнутые глаза даже не мигали, казалось, она сквозь стену видела что-то такое, что другим увидеть просто не дано. Губы ее порой беззвучно шевелились, но я и так угадывала, что она хочет спросить «Зачем он взял с собой Марину?». Я Дашу не трогала, я тоже сидела тихо, стараясь не спугнуть это временное затишье. Я просто боялась, если Дарья начнет говорить со мной, спрашивать, обвинять, я просто не знаю, что я смогу ответить... Во всем, во всем происходящем сейчас, я видела свою безусловную вину. Почему я не прислушалась к словам доктора Ненашева? Ведь я же ходила к нему как раз за советом... Просила помочь, а сама не прислушалась к его словам... Как я могла послать в больницу Грязнова? Зачем позволила Максиму получить в руки такую бомбу, как эта кассета? Ведь я же видела, он не может объективно относиться к Исаеву. Я должна была, просто обязана, отстранить Максима от этого дела... Я проявила такую близорукость. Поправить теперь ничего нельзя, остается только молиться, чтобы с девочкой все было нормально, о судьбе Виктора я даже боялась думать... Наше безмолвное ожидание прервал телефонный звонок.

Тамара. — Голос Макса звучал глухо и устало. — Мы нашли машину...

И что?

Дверцы распахнуты, ключи в зажигании ... она совершенно пуста...

Так продолжайте поиски. Раз он бросил машину, значит, район поисков нужно очертить в зоне машины, пешком он далеко не уйдет, особенно с девочкой на руках... Выглядит он страшно, весь в крови, вряд ли его кто-то пустит, даже знакомые. Опрашивайте прохожих, такую пару нельзя не заметить или забыть... Делайте же что-нибудь!

Мы делаем. — Тусклым голосом откликнулся Грязнов. — Только нет никаких прохожих. Машину нашли посреди Окского моста...

Значит, он поймал попутку...

Он бы не успел. Мы настигали его почти вплотную. На повороте он оторвался от нас. Вылетев на мост, мы увидели уже пустую машину... Ты знаешь, этот мост огромный, добежать до его

конца от середины он бы не успел, а машин других просто не было...

Если я правильно понимаю, ты пытаешься мне сказать, что Исаев сиганул с моста?

Да. — Коротко ответил Максим.

А девочка? — Ответом мне послужило молчание. За столом напротив меня тихо завывала Даша. Этот вой был полон такого горя и ужаса, что из комнаты тут же прибежала Таня. Дрожа от страха, она прижалась своим худеньким тельцем к матери.

Мама, не плачь, Марина жива, я знаю, с ней все нормально. Не плачь. Ты же сама говорила, близнецы чувствуют друг друга. — Она теребила и обнимала Дашу, но та не реагировала на ее слова. Казалось, она их даже не слышала. Девочка тоже заплакала, положив голову матери на плечо.

Я вышла в прихожую, так как просто не могла больше видеть этого отчаяния и горя. Я присела на пуфик и тоже дала волю слезам. Там меня и застал, приехавший Панков.

Тамара Владимировна, я за Вами. Меня Максим прислал.

А сам он где?

С экспертом «Чероки» осматривает..

Миша что сам не в состоянии справиться со своей работой?

Да он то в состоянии... Макс его от Панченко оберегает. Тот как узнал, что ему сразу джип отдавать не хотят, такую вонь развел... Я сам ему чуть в морду не заехал, ей богу... Ну вот Макс и остался на месте, на всякий случай. Вы же знаете Ивана Тарасовича. А Максим сегодня в таком состоянии, что ему никакое начальство не страшно.

Ясно. — Вздохнула я. — Слушай, Дим. Наверное, тебе придется здесь до утра остаться. Мне нужно ехать в отделение, а Даша, по моему, не совсем адекватна сейчас... может натворить бог знает что. Ты позаботься о ней и о девочке... Да и с Исаевым пока не все понятно...Хорошо?

Такая перспектива Панкова явно не порадовала, но он согласно кивнул.

Конечно. Только я, Тамара Владимировна, не особенно умею утешать...

Боюсь, тут не утешения потребуются, а лекарства. Вот смотри, доктор оставил какие то таблетки успокоительные. Если что, дашь, а пока спрячь в карман от греха подальше. И смотри тут в оба! В таком состоянии люди на все способны. Ни на шаг не отходи, захочет говорить, говори, захочет молчать, молчи, но будь рядом. Выгонит, не слушай...

Постараюсь. — Лицо Димы стало несчастным.

Считай, до утра ты на посту. Там посмотрим.

Я взяла у него ключи и спустилась к машине. Когда я подъехала к мосту, эксперт уже закончил осмотр машины. Раздраженный Панченко пытался оттереть с приборной доски черный порошок, щедро рассыпанный Мишей во время снятия отпечатков пальцев. Грязнов сидел невдалеке на бордюре и курил. Судя по количеству окурков, сидел он здесь довольно давно. Я опустила рядом с ним.

Встань, — не глядя на меня, буркнул Макс. — Тебе нельзя садиться на камень. Он холодный.

Я послушно встала и отошла к перилам. Оценив расстояние от машины до обоих концов моста, я убедилась, что достигнуть их Исаев точно был не в состоянии даже за десять минут. Панков же утверждает, что у него не было и двух. Значит, путь у него был только один — в воду. Я перегнулась через перила и посмотрела в черную бездну. В принципе, если Виктор приличный пловец, то ничего невозможного в побеге таким способом нет. А вот девочка вряд ли выплывет...

Поиск организовал? — Обратилась я к Максиму.

Естественно. Только толку ночью от этих поисков — ноль. И собаки не помощницы... Водолазы вообще до утра выезжать отказались... По берегу вблизи моста сплошной бетон. Причем все прекрасно фонарями освещено. Мы бы заметили карабкающегося вверх по склону человека... Дальше за набережной растительность сплошная, только вряд ли он доплывет туда... Далеко, а он ранен. Девочка вообще плавать не умеет. Я узнавал. Тут течение очень сильное, если они утонули, найти будет непросто...

Ты считаешь, они погибли?

Вероятно. — Он закурил еще одну сигарету. И глухо спросил. — Ты понимаешь, что это значит? Я убил человека. Или даже двух.

Мы все виноваты. — Я не знала, как успокоить Максима. Любые мои слова звучали бы не слишком весомо. — И я, и Панченко, и Дарья...

Ты куда сейчас? Домой?

Хотела в отделение.

Не стоит. Езжай домой, поспи хоть пару часиков. Тебе нужно отдыхать. Пожалей хоть ребенка, если на себя то наплевать.

Я увидела, что Панченко до этого за что то эмоционально отчитывавший эксперта, наконец, сел в свою машину и уехал. Миша собрал в чемодан свои разложенные на тротуаре штучки и подошел к нам.

Такой сволочи, как наш Панченко, я еще сроду не видал. — Признался он. — Вот интересно, как такие идиоты в начальство пробираются? Он же глупый как пенек, и злой, как шакал.

Просто ты смотришь на него не с той стороны. — Пояснила я.

Это как? — Не понял Миша.

Такие, как наш Панченко, люди неординарные. Знаешь, кто такой Двуликий Янус? В римской мифологии Янус — бог времени. Он изображался обычно с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны. Вперед — молодым и красивым, назад — старым и глупым. Так вот ты лично, так же как и я, и Макс, у нашего Януса уже пройденный этап, нам и сморщенная физиономия подойдет, чего вымудряться? Основные силы, улыбки, крупы ума наш Иван Тарасович приберегает для успешного движения вперед. Вот если бы ты умудрился обождать его и глянуть с другой стороны, например со стороны генерала Ильина, или, на худой конец, полковника Зайцева, то получил бы свою порцию обаяния, улыбок и понимания... Спорим?

Чего спорить то? И так ясно, что Вы правы. — Отмахнулся эксперт. — Ну что, я домой. Завтра появлюсь часов в десять не раньше. В этих экспертизах ничего срочного нет, так что я поехал?

Конечно, Миш. Мы тоже собираемся.

Когда эксперт с остальными ребятами уехал, мы остались на мосту в одиночестве.

Может, ко мне поедешь? — Предложила я. — А утром пораньше вместе на работу поедем.

Придется. Машина то у нас одна осталась. Да и не поешь ты толком без меня.

До моего дома мы добрались довольно быстро. Пока я принимала ванну, Макс приготовил довольно приличный ужин. Усевшись напротив него за столом, я взяла в руки вилку и сказала:

Дарья утверждает, что Исаев действительно всю ночь был с ней рядом. Получается, что он не мог похитить ребенка... Что ты об этом думаешь?

Этого не может быть. — Твердо ответил он. — Она снова лжет.

В таком состоянии? Вряд ли.

Может, он подсыпал ей снотворное или еще что-то...

Она говорит, что всю ночь не могла уснуть, и Виктор постоянно был в поле ее зрения...

Ты хочешь сказать, что это сделал другой урод, и он до сих пор разгуливает на свободе?

Ну, это другой вопрос. — Уклончиво ответила я. — Сейчас речь о Исаеве.

Максим отложил вилку и встал.

Ты упрекаешь меня за то, что я показал пленку Уголовой?

Ты зря это сделал. — Честно признала я. — На свидетеля так давить нельзя.

Грязнов нервно мерил шагами кухню.

Но ведь она должна знать, что за человек находится рядом с ее детьми!

Конечно. Но эта кассета... понимаешь, это врачебная тайна. Она не должна была попасть на глаза посторонним. Доктор предупреждал... Ты мог рассказать Дарье о том, что Исаев был осужден за соращение ребенка...

Какая разница?

Колоссальная! — Разозлилась я. — Сказать, что у тебя геморрой одно, а выставлять напоказ твою вывороченную наизнанку задницу, совсем другое. Ты ввел Дарью в состояние эмоционального шока и лишил возможности рассуждать логически и здраво. О том вреде, который ты нанес Исаеву, я вообще говорить не хочу...

Плевать на этого извращенца!

С такими взглядами, я думаю, в милиции тебе не место. Не податься ли тебе в скинхеды ...

Ты намекаешь, что мне следует искать другую работу?

Я пытаюсь объяснить тебе, что ты не прав! — Я тоже вскочила. — Максим! Мы столько лет работаем вместе! Столько всего повидали! Что с тобой случилось? Я не узнаю тебя.

Мою сестру в девятом классе изнасиловала куча подонков. — Грязнов остановился и посмотрел мне прямо в глаза. — Их было шестеро. Света у нас была такая домашняя, робкая... ей никак нельзя было дать ее возраст... Училась на все пятерки, в олимпиадах побеждала. Родители очень гордились ей... — Максим достал сигарету, но прикуривать не стал. Руки его не просто дрожали, а прямо ходили ходуном. Я подошла к нему и сжала его ледяные ладони своими.

Она умерла? — Прошептала я.

Не сразу. Сначала ее лечили, двенадцать швов наложили. Потом выписали домой... Она почти не говорила. Только плакала. Врачи предлагали поместить ее на время в клинику психическую... Но мы не успели. Светка выбросилась из окна...

Их нашли?

Нет. Я был тогда маленький. Всего десять лет. Но твердо решил пойти в милицию работать. Чтобы не один подонок больше не ушел от наказания.

Я обняла Макса и прижалась к его груди.

Почему ты раньше не рассказал?

Зачем? Я честно выполняю свою работу, кому какое дело до того, что творится у меня в душе?

Мне. — Я поцеловала его и сказала. — Пойдем-ка в кровать. Спать нам осталось часа три, не больше...

ГЛАВА 16.

Когда утром сотрудники собрались в моем кабинете, выглядели они довольно помято и хмуро. Все спали совсем по-немногу. Только что сменившийся Панков вообще еще дома не был.

Ну что, товарищи. — Начала я. — Дело Игошиной мы благополучно провалили. Сейчас положение следствия еще в более бедственном положении, чем было в самом начале. Что мы имеем? Практически ничего. У нашего главного подозреваемого железное алиби. Правда, сейчас он разыскивается по поводу похищения Марины Уголовой, но в убийстве Саши Игошиной это никакой ясности не прибавляет. Второй подозреваемый, Игошин Денис Олегович, отец девочки, тоже проверен нами и признан непричастным к похищению. Больше никаких вариантов не появилось? — Парни молча пожали плечами. — Тогда я хочу высказать версию, которая пришла мне в голову вчера, когда я просматривала отчеты эксперта. Начнем с автомобиля. Внутри на руле, приборной доске, на дверках полно отпечатков. Они в основном принадлежат Виктории Павловне Игошиной. Есть пальцы Саши и Евгении Леонидовны. И ни одного четкого постороннего отпечатка. Возможно, преступник работал в перчатках. Дальше, наружная сторона. Как Вы знаете, там полно чужих отпечатков в том числе и Исаева. Но меня заинтересовали больше всего несколько следов от ладоней Вики на крышке багажника. Очень четкие и свежие следы. Что Вы об этом скажете, Миша?

Такие отпечатки получаются, когда кто-то пытается толкать машину. — Отозвался эксперт.

Я тоже подумала об этом. Дальше. Эксперт установил, что девочка была задушена чем то, не оставляющим следов, предположительно подушкой. В крови ребенка найдены следы снотворного. Большая доза, но не смертельная. Еще интересно вот что. Туфли Игошиной были измазаны той же глиной, что и колеса машины... Мы предполагали, что она появилась на обуви, после того, как попала на пол в ее гостиной...

Но ее туфли были запачканы для этого слишком сильно... — Вставил Миша.

Так что же выходит, Игошина сама могла участвовать в похищении дочери? — Спросил пораженный Панков.

Мне в голову пришел точно такой же вариант. — Призналась я. — Как это не страшно звучит, но очень похоже на правду. Меня с самого начала удивило полное отсутствие посторонних следов. И это при таком разгроме... Ни на мебели полированной, ни на вещах никаких признаков постороннего человека...

Ты хочешь сказать, что Вика сделала все одна?

Я так думаю. Возможно, все случилось по неосторожности. Девочка всю ночь беспокоилась, мать дала ей снотворное ... Саша могла неудачно повернуться и задохнуться сама...

Возможно, конечно, — с сомнением протянул эксперт. — Если бы ребенку было месяца три-четыре... А в год это маловероятно... Хотя, все бывает.

Тогда все складывается. Она увидела, что Саша мертва, испугалась, схватила ее и повезла на машине... куда не ясно, но попала на берег озера. Там машина застряла, она ее бросила. И девочку с сумкой в воду опустила. Тогда и возвращение понятно...

А погром?

Не забывайте, что она должна была быть в шоке... Или наоборот с холодной расчетливостью пыталась скрыть следы ...

Нужно срочно допрашивать Игошину. — Сказал Максим.

Когда она придет в себя.

Может, она прикидывается? — Предположил Дима.

Исключено. Я говорила с доктором, он профессионал, да и приборы обмануть сложно. Она действительно получила сотрясение и до сих пор находится без сознания... Придется ждать. Теперь о Исаеве. Максим, поиски пока ничего не дали?

И береговая группа, и водолазы начали работу с шести утра, как только рассвело. Пока никаких следов Исаева или девочки не замечено...

Понятно. Тогда ты Макс давай, к ним туда поезжай, Миша пойдет обрабатывать вчерашние отпечатки, Панков домой отсыпаться, а я поеду в больницу к Игошиной, по дороге Шарова навещу...

Тамара Владимировна, передайте Андрюхе, что я не хотел его подставлять... — Покраснел Дима. Все недоуменно переглянулись.

Думать надо, прежде, чем делать, Дим. А если ума не хватает, то действуй, как устав велит. —

Посоветовала я.

* * *

Когда я вошла в отделение, куда два дня назад самолично поместила Андрея, медсестра, принимавшая парня тогда, бросилась ко мне со всех ног.

Ну, слава богу! Вы так быстро пришли! Молодец доктор, что догадался Вас вызвать. А то я прямо не знаю, что с этими ненормальными делать... Больные смеются, а мне, хоть плачь... Правда не знаю, как Вы с ними справитесь... Тут бы мужичка надо, да покрепче..

Да что случилось то? — Встревожилась я.

Как? Доктор Вам не сказал?

Да ни с кем я не говорила. Вот фрукты принесла Шарову от товарищей по работе. — Я потрясла перед ее носом пакетом с бананами и апельсинами.

Так Вы ничего не знаете? У нас тут такой балаган подружки вашего Шарова устроили. И смех, и грех!

Оказалось, что сегодня с утра освобожденная временно из под стражи Зайцева решила навестить нашего Андрюху. Адвокат ей объяснил, что от показаний Шарова в ее судьбе теперь зависит очень многое. Дамочка решила расположить парня к себе доступными способами. Прикупила сладостей и направила свои модельные туфельки в сторону больницы. Попав в палату, Зайцева начала горячую обработку, лежащего в кровати Шарова, ничуть не смущаясь его соседей по палате. Она так живо и артистично описывала вспыхнувшие в ней вдруг необъятные чувства к Андрею, что окружающие просто готовы были хлопать в ладоши от восторга. За этим занятием ее и застала мадам Шарова, так же принесшая мужу пакетик с деликатесами. Увидев наглые поползновения нахалки в сторону ее мужа, ревнивая Наталья высказала все что думает об этом, не стесняясь в выражениях, и предложила Зайцевой убираться ко всем чертям. Но, как говорится, не на ту напала! Соперница дала молодой супруге достойный ответ, поразивший витиеватостью выражений даже видавших виды мужиков. Так слово за слово женщины перешли к рукопашной. Технику ведения ближнего боя Зайцева, видно, знала получше, поэтому сразу повалила Наталью на пол и взгромоздилась сверху, но Шарова сумела вывернуться и нанесла сопернице серию коварных ударов снизу, успокоить их до сих пор не удалось...

Заглянув в палату Андрея я увидела двух шипящих друг на друга диких кошек, приготовившихся к прыжку, и поспешила закрыть дверь. Решив не рисковать, я спустилась за помощью к Диме Плисецкому. К счастью, санитар был на месте и согласился помочь в этом деликатном вопросе. Он смеялся, пока я ему по дороге рассказывала о сложившейся наверху ситуации. Увидев все своими глазами, парень смущенно хмыкнул, но все же бесстрашно вошел в палату. Через несколько секунд он вылетел наружу, прижимая к себе отчаянно ругающуюся и брыкающую ногами скандалистку. Это оказалась гражданка Зайцева. Дима дотащил ее до ванны, где медсестра окатила Зинаиду заранее приготовленным ведром холодной воды. Зайцева на несколько секунд онемела, а потом набросилась с кулаками уже на медсестру. Оставив ее под защитой Плисецкого, я вернулась в палату Андрея. Там на полу во весь голос рыдала покусанная и расцарапанная Наталья. Увидев меня, она встала на ноги и поспешила к выходу.

Только в ванну не суйся. — Крикнула я ей вслед. По всему полу валялись растоптанные апельсины, яблоки и куски колбасы. — Они что, фруктами кидались? — С любопытством

спросила я Шарова.

Чем они только не кидались. — Отозвался за него парень с соседней постели. — Одна другой даже утку на голову надела. Хорошо санитарка вынести успела после ночи, а то бы все в дерьме были по уши.

Ну, и кто побеждал? На чьей стороне сила?

С переменным успехом. Зря не дали до конца досмотреть. — Посетовал все тот же больной. — Где такое еще увидишь? Кому рассказать, не поверят.

С такими талантами надо деньги зарабатывать. — Посоветовал пожилой мужик с кровати у окна. — Ты бы, Андрюх, отдал жену в бои без правил. Там, говорят, огромные деньжищи бабы зашибают. Твоя бы чемпионкой стала...

Да хватит Вам. Развеселились. — Отозвался смущенный, покрасневший Шаров. — Вам смешно, а мне завтра домой, между прочим, возвращаться доктор предлагал...

Я бы на твоём месте повременила. — Сказала я. — Думаю, после сегодняшнего, доктор войдет в твоё положение.

Тамара Владимировна, Вы извините, что так получилось. Наталья вообще то хорошая...

Когда спит зубами к стенке. — Вставил сосед.

Ты геройский мужик, Андрей, раз решился связать судьбу с такой женщиной. — Искренне посочувствовала коллеге я — А нам в милиции герои нужны по зарез. Так что не беспокойся. Выздоравливай. Главное, домой выписываться не торопись.

* * *

В коридоре у палаты Игошиной я застала расстроенную Евгению Леонидовну. Увидев меня, она поздоровалась и расплакалась навзрыд.

Что-то еще случилось? — Растерянно спросила я, усаживаясь рядом.

Викуся пришла в себя. Но что то с ней не так... Сейчас дочку врач осматривает... Я просто в ужасе. Что с нами теперь будет? — Женщина сжала лицо руками. — Вся жизнь под откос покатилась... Все так хорошо было, пока этот Денис не сбил мою девочку с пути...

Перестаньте, Евгения Леонидовна. Игошин тут совершенно не при чем. Ваша патологическая ненависть к зятю в данном случае неуместна.

Нет, Вы не понимаете...

Я то как раз понимаю. Давайте лучше о Вике поговорим. Вы уже разговаривали с дочерью?

Я дежурила у нее ночью. — Петрова вытерла платочком глаза и, аккуратно сложив, спрятала его в рукаве. — Утром она проснулась и попросила есть. Я обрадовалась, что Викуся пришла в себя и побежала за доктором. Он пришел, осмотрел ее, задал пару вопросов и пригласил меня в кабинет. Я волновалась, что девочка голодная, но Андрей Валерьевич сказал, что ее покормит медсестра...

Что Вам врач сказал?

Он спрашивал меня о дочке, о ее характере, детстве... Долго спрашивал... А потом к Вике пошел. А мне велел здесь ждать...

Подождем вместе. — Решила я.

Врач вышел через полчаса. Евгения Леонидовна живо вскочила и бросилась к Звягину.

Ну, как? Можно мне к дочке пройти? — Хмурый доктор отрицательно покачал головой и пригласил меня в свой кабинет.

Что-то случилось, Андрей Валерьевич? — Встревоженный вид доктора насторожил меня.

Игошину, похоже, придется переводить в психиатрическую клинику...

Она окончательно пришла в себя?

Прийти то пришла. Только с головой у нее не все в порядке. И, похоже, давно. Я беседовал с ее матерью, и у меня сложилось крайне неблагоприятное мнение... У девушки последнее время, похоже, активно развивалась шизофрения и маниакальный психоз... Конечно, последнее слово за специалистами. Психиатрия не совсем мой профиль, но картина заболевания очень впечатляющая. Как могли окружающие не замечать таких вопиющих признаков болезни, ума не приложу...

Ее муж при первом же допросе признался, что расстался с женой из-за ее болезненного отношения к учебе...

Молодец! Просто молодец! — Едко воскликнул Звягин. — Расстался он! А посоветоваться с врачом ему в голову не пришло? Ну что за народ у нас темный! Не зря вся Америка помешана на психоаналитиках... Те своевременно выявляют отклонения в психике. На первых стадиях лечатся почти все заболевания... Но если их запустить, могут развиваться страшные последствия.... Жадность перерастает в болезнь Боула, заставляющую человека перетаскивать в квартиру все местные помойки, детские страхи перерастают в паранойю, ревнивцы убивают.

Я невольно вспомнила жену Андрюшки Шарова и вздохнула. Недавнее забавное происшествие приобретало после слов Звягина совсем другой смысл.

У Игошиной, видимо, развился комплекс на почве постоянного самосовершенствования, стремления быть первой во всем, в том числе и в учебе. С детства мать ей внушала, что единственная цель жизни — учеба. Все, что мешает движению вперед к заветной цели, нужно устранять, как досадную помеху... Уход мужа и связанный с этим стресс усилил процесс развития болезни...

Она что, совсем плоха? — Тихо спросила я.

Она только что призналась мне в убийстве собственного ребенка. — Андрей Валерьевич замолчал и внимательно посмотрел на меня.

Так она все же САМА убила дочь? — Воскликнула я.

Вы считаете, это правда?

Возможно. Мы, ведя следственные мероприятия, пришли к подобному выводу, но прояснить все окончательно может только допрос Игошиной.

Ее допрос не будет иметь юридической силы. Она невменяема.

Если ее слова подтвердят наши выводы, дело можно будет считать закрытым. Мы передадим ее врачам, дальше это будет уже их головной болью.

Ну что же, попробуйте. — Пожал плечами Звягин.

Как Вы считаете, почему она это сделала?

Я же пытаюсь Вам объяснить. — Спокойно ответил доктор. — Дочь мешала ей готовиться к экзаменам.

* * *

В палату к Вике я входила с тяжелым чувством. Первое, что бросилось мне в глаза, это ее безмятежная улыбка. Увидев мать, которой тоже разрешили присутствовать при этом допросе, она недовольно сморщила носик.

Мама! Я же просила принести мне учебники! Я тут без дела лежу, а у меня, между прочим, сессия.

Я принесу, дочка. — Пролепетала несчастная мать. — Позже. Сейчас ты поговоришь с Тамарой Владимировной, а потом я все тебе принесу...

Здравствуйте, Виктория Павловна! — Я присела на стул у ее кровати и включила диктофон. — Как Вы себя чувствуете?

Не очень хорошо. Но на то ведь и больница. Здесь совершенно здоровых людей держать не станут. Правда? — Улыбнулась Вика. — Так что все хорошо. О чем Вы хотели со мной поговорить?

О том, что случилось ночью в Вашем доме. О Сашеньке. — Темное облако набежало на глаза Виктории.

О дочке? — Похоже, она испугалась. — А что с ней? — Я растерянно оглянулась на доктора. Он успокаивающе кивнул мне и попросил.

Вика, расскажите Тамаре Владимировне все о той ночи. Как мне утром.

А, так Вы об этом? Но я же уже рассказала... Чего время то терять? Мне анатомию сдавать через два дня, а я еще столько повторить не успела. Да у дочери, как на зло, зубы резаться начали. Представляете, ни неделей раньше, ни неделей позже. Именно перед анатомией! А это у нас самый трудный предмет, между прочим. Да и вообще, все одно к одному сложилось. Мама еще со своим огородом. Приспичило ей ехать туда, по грядкам что ли соскучилась? Оставила меня с этой капризной девчонкой... Я весь день с ней промучилась, думала, хоть ночью спокойно смогу заняться анатомией, так ведь нет. Она нарочно спать не леглась, чтобы меня позлить. Вы знаете, Тамара Владимировна, — доверительно сообщила Игошина, — эта девочка всегда старается сделать мне все назло. Раньше она все время вопила по ночам, чтобы не давать спать Денису. Денис, это мой муж. — Деловито пояснила она. — Ну, вот. Вопила до тех пор, пока не выжила папашу из дома. Я по ее милости осталась матерью одиночкой. И главное, дочка после этого успокоилась и стала по ночам спокойно дрыхнуть. И теперь, увидев, что мне надо учить лекции, снова нарочно принялась орать, как резаная. Хорошо, я догадалась дать ей снотворное, хоть тогда она успокоилась... Но все равно плохо

спала. Я ей до этого болеутоляющее давала, еще от температуры, а с ними снотворное не больно успешно соединяется... Потом на соседнем участке начала лаять собака... Сашка завозилась, захныкала опять. Я накрыла ее своей подушкой. Мне мама подарила. Она такая огромная пуховая, сквозь нее ни один звук не прорвется, не только лай этой шавки. — Евгения Леонидовна в ужасе приложила ко рту ладони, стараясь подавить крик ужаса, рвущийся из груди наружу. — Потом я плохо помню... — Продолжала Вика. — Пусть доктор расскажет, я спать хочу. — Она смотрела на нас стекленеющим взглядом. — Что Вы пристали! Весь день только и рассказываю одно и то же, одно и то же! — Внезапно закричала она. — А мне учить надо! Вы что ли за меня сдавать анатомию пойдете? — Она сорвала с себя одеяло и попыталась встать. Когда медсестра рискнула остановить больную, Игошина агрессивно оттолкнула ее. На помощь пришел Андрей Валерьевич.

Выйдите, — бросил он нам. — Видимо, действие укола кончилось, ей нужно немного поспать. Сестра! Снотворное готовьте.

Я вывела из палаты почти потерявшую сознание Евгению Леонидовну.

Как же так? — прошептала она, опускаясь на дермантиновую лавочку в коридоре. — Неужели моя дочь сама задушила Сашеньку?

Похоже, что это так. — Призналась я.

Но ведь этого же не может быть... Она хорошая девочка... Всегда старалась дать дочке самое лучшее...

Она больна, Евгения Леонидовна. И сама не понимает, что случилось...

Это он свел мою дочь с ума. — Опять завела свою песню Петрова.

Да прекратите Вы. Откройте глаза на правду. Ваша дочь помешалась на учебе! Денис тут не при чем.

Из палаты вышел Звягин, и мы смогли продолжить беседу в его кабинете.

Я изложу вам вкратце, что я понял из беседы с Викой сегодня утром. Судя по всему, она несколько дней до этого была в возбужденном состоянии. Видимо, после беседы с мужем. Он говорил о разводе и другой женщине, это вывело Вику из равновесия, и она с двойным усердием налегла на учебу. Она должна доказать, что она лучшая! Она готовилась к экзаменам почти без перерывов на отдых. С Сашей занималась ее мать. Но тут Евгении Леонидовне потребовалось зачем то посетить свой огород, и она оставила Вику на несколько дней одну с дочерью. Так совпало, что у девочки резались зубы, поднялся жар, в этот день она была особенно капризна. Сначала Вика воспринимала это вполне адекватно, давала девочке жаропонижающее, качала ее, уговаривала, но постепенно начала выходить из нормального состояния... Ну, дальше вы слышали. Она задушила девочку, накрыв пуховой подушкой. Поучив немного лекции, она слегка успокоилась, собака перестала лаять и Вика подушку убрала. Вид девочки ей не понравился, все же Виктория медик... Она забеспокоилась, взяла сумку, в которой иногда носила малышку. Она решила срочно везти девочку к врачу, положила сумку с дочерью в машину и поехала. Еще Вы, Тамара Владимировна, имейте ввиду, что это я рассказываю все так гладко и последовательно, у Вики же в это время в голове творилось черт знает что! Одна часть мозга металась в панике и испуге, другая больная часть отказывалась воспринимать происходящее, то одна, то другая половина пересиливала.

Зачем она спустилась к озеру? Она это как-то объяснила?

Самым нелепым образом. Ей показалось, что у девочки грязное лицо. От удущья, как известно, появляется синюшный круг вокруг рта. Видимо, на это и обратила внимание Игошина. Она подумала, что везти к доктору неумытую дочку не прилично. Умыть она ее решила почему то в озере. Я думаю, просто увидела воду, вот и свернула. Вышла из машины, взяла сумку. Поставила ее на колени и стала тянуться руками к воде. Там достаточно глубоко прямо у берега, но до воды достать не просто, слишком низко. Короче, она сумку уронила. Это потрясение было последним ударом по ее психике. Она долго искала в темноте девочку, не нашла, решила ехать за подмогой. Но машина застряла в песке... В совершенно безумном состоянии Вика вернулась домой. Тут ее поступки вообще плохо поддаются логике... Она говорит, что сначала помыла пол, так как грязь ненавидит, потом во всех шкафах искала фонарик, все выкидывала, так как торопилась вернуться на озеро, искать дочь... Потом стул поломала с той же целью, хотела палку получить, чтобы тыкать ей в воде... В конце концов она поскользнулась на глине и упала виском больно ударившись о сервант... Это весь ее рассказ. Конечно, она все это более запутанно излагала... Сейчас она внушила себе, что ее дочь в больнице, потому что простудилась в холодной воде. А ей нужно обязательно сдать анатомию, иначе ее не пустят навестить Сашу. Такая вот печальная история. Совпадает она с Вашими выводами?

Почти идеально. Андрей Валерьевич, что теперь будет с Викторой?

Это не в нашей с Вами компетенции. Я лично составил докладную записку главврачу. Мы оформляем документы для передачи Игошиной в психолечебное заведение. А по поводу убийства будет суд решать, на основании уже их, а не нашего заключения.

Хорошо, доктор. Я оформлю бумаги, как положено, и пришлю их Вам. Вы прочтете и подпишите, если все вас удовлетворит. Хорошо?

Вернувшись в отделение, я сразу же принялась за составление отчета о посещении больницы, это занятие отняло у меня почти два часа. После этого можно было считать, что в деле о похищении и убийстве Игошиной Александры Денисовны мы подошли к развязке. Но до последней точки было еще далеко. Ничего нового о судьбе Исаева Виктора Андреевича и похищенной им Марины Уголовой так и не появилось. Весь день велись интенсивные поиски в районе набережной, и дальнейшей части береговой линии, так же не прекращали работы водолазы. По их мнению, если потерпевшие не смогли выплыть, то найти их тела будет очень не просто, за ночь течение могло снести их на несколько километров вниз по течению, поэтому поиски могут затянуться надолго...

Вечером в моем кабинете появился усталый и злой, как собака, Грязнов. Он плюхнулся на стул и заявил.

Я весь день пробегал по берегу Оки, замерз, проголодался и потерял всякую надежду найти хоть что-нибудь стоящее...

Но что ты еще предлагаешь? Водолазы предупреждали, что при таком течении искать тела вблизи моста бесполезно.

Я сам на моторке два раза со спасателями прочесал несколько километров вниз по течению. Там река так разливается, что рассмотреть противоположный берег даже в бинокль невозможно... Я начинаю подозревать, что мы так и не узнаем, что случилось с Исаевым.

Ты все-таки надеешься, что он прыгнул в воду один? Где же тогда девочка?

Понимаешь, насчет Исаева сомнений никаких нет. Он точно доехал до середины моста.

Машина припаркована ровно, даже на ручной тормоз поставлена... — Задумчиво сказал Максим. — А вот что касается девочки... тут есть варианты...

Я думала об этом. — Согласно кивнула я. — Я считаю, вполне вероятно, что Исаев мог выпустить или выбросить Марину из салона. Если он сразу решил броситься с моста, то он не потащил бы ребенка за собой...

Почему ты в этом так уверена?

Последние два дня я только и делаю, что изучаю психологию этого человека... конечно, не на сто процентов, но я почти уверена, он не стал бы сознательно причинять вред ребенку... Это не в его правилах... Вот если решение прыгнуть пришло спонтанно... тогда ни за что нельзя ручаться...

Да как вообще можно ручаться за психа? Может, ему стрельнуло, что он ее не обижает, а спасает от нас... Да черт его знает, что он еще мог напридумывать своим больным мозгом.

В поисках мы должны исходить из того, что Марина жива. Я детально изучила весь путь, которым пронесся «Чероки» до своей конечной точки на мосту. Смотри... — Я достала из ящика укрупненную карту района, и показала карандашную линию, проведенную мной ранее. — Вот смотри, на всей дороге не так много мест, где Исаев мог бы высадить девочку... Практически постоянно дорога идет вдоль ярко освещенного проспекта... Насколько я понимаю, вы преследовали джип чуть ли не вплотную...

Не совсем, конечно... Но он то и дело мелькал на поворотах.

Ну вот, — удовлетворенно кивнула я. — Вы не могли не заметить ребенка, только что выброшенного из машины посреди ярко освещенного проспекта. Машин практически не было... Марине просто некуда было спрятаться на набережной. Там домов нет, нет кустов... Вот смотри, есть всего два небольших участка, где в принципе Виктор мог незаметно вытолкнуть девочку из машины. — Я ткнула карандашом в карту.... — Здесь — почти рядом с домом Уголовной...

Это вряд ли. Он не сориентировался бы так быстро... Скорее, он сделал это тут, или вот тут... — Максим склонился над картой рядом со мной.

Я тоже так думаю. Сегодня с самого утра я послала на эти участки людей, они опрашивают жителей, осматривают местность в поисках каких-нибудь признаков присутствия Марины. Пока результат нулевой, но я все же надеюсь...

Черт бы побрал этого Панченко с его машиной. Какого хрена он притащил свой драндулет за линию оцепления?

Ты думаешь, в противном случае все закончилось бы намного лучше? Я лично не уверена. Увидев, что выхода нет, он мог пойти на крайние меры... У него же в руке был нож...

Сама же говоришь, он не может обидеть ребенка...

Да ничего я не говорю... — С досадой поморщилась я. — Загнанный в угол человек способен на все. И ты это знаешь. Так что не надо гадать, что бы, да кабы... Давай исходить из того, что уже есть...

Как думаешь, если девочка действительно жива, почему она может не проявляться? Ей не два

года, она знает свое имя и адрес... В принципе, она даже сама могла найти дорогу домой. Если она ударилась при падении, или сознание потеряла, то ее должны были заметить и отправить в больницу... Ты приемные покои обзванивала?

Не сама, естественно, но эту работу мы выполнили, похожей девочки не поступало...

Так что ты об этом думаешь?

Не знаю. Понимаешь, я не знаю. Сегодня в вечерних выпусках новостей и завтра в утренних вышло обращение к жителям города с просьбой о помощи в поисках Марины и Исаева. Мы уже фотографии и текст на все каналы отправили. Может, ее приютил кто то, кто не желает связываться с милицией, или хочет сам ее вылечить... Да мало ли у нас чудаков! Будем надеяться, что телевидение нам поможет...

Проторчав весь день на берегу, я, честно сказать, с трудом верю, что Исаеву удалось выбраться из воды. Это очень маловероятно. Хотя, если честно, его судьба меня волнует намного меньше.

Ты не прав...

Да ладно тебе! Чего душой то кривить, никому не станет худо, если он сгинет к чертовой матери...

Я промолчала. Потом взяла в руки только что написанный отчет и протянула Максиму.

Не хочешь прочитать протокол допроса Виктории Игошиной?

Она пришла в себя? — С интересом глянул на меня Грязнов. — Что там нового?

Оказалось, что Исаев действительно не при чем. — Глаза Макса недоверчиво прищурились, губы вытянулись в ироническую гримасу. — Она сама убила свою дочь.

За что? То есть, я хотел спросить, зачем? — Опешил собеседник.

Учиться мешала, да и муж, по мнению Игошиной, бросил ее именно из-за капризов дочки.

Ты это серьезно? — Не поверил Макс.

Вполне. Доктор говорит, что у Вики, как говорится, крыша съехала. Видимо, она давно страдала скрытой формой шизофрении, только никому до этого дела не было. Муж предпочел самоустраниться, а мамашу рвение дочки к учебе скорее радовало, чем настораживало.

Да, дела. — Вздохнул Грязнов. — Чего только в жизни не бывает. Игошину уже сообщили об этом?

Я заезжала к нему домой, после больницы... Честно сказать, больше всего в нашей работе меня угнетает необходимость приносить родственникам жертв неутешительные новости. Каждый раз борюсь с искушением переложить эту обязанность на чьи-нибудь чужие плечи...

Ну, и как парень отнесся к такому известию? — Спросил Максим.

А ты как думаешь? — Пожала плечами я. — Винит себя, клянет последними словами за то, что бросил дочку на произвол судьбы...

Не думаю, что он так уж виноват. — Задумчиво сказал Грязнов. — На его месте любой мужик

так же бы поступил... Он ведь не бросил дочь не известно где и не известно с кем, а оставил на попечении родной матери и бабушки. Да он бы даже если захотел, вряд ли бы смог забрать девочку к себе...

Ты прав, конечно. Только ему от этого ни на грамм не легче. Он еще от известия о смерти Сашеньки не оправился, а тут такое! А вообще, если честно, этот парень меня удивил. Представляешь, что он сделал, как только немного пришел в себя после разговора со мной? Ни за что не догадаешься. Он начал быстренько собираться к Евгении Леонидовне.

Зачем? — Удивился Максим. — Неужели ему внезапно захотелось выслушать новую порцию оскорблений в свой адрес?

Представь себе, нет. Он забеспокоился, что бедная женщина после всего что случилось, осталась совершенно одна, а у нее сердце больное... Он поспешил поддержать бывшую тещу.

С ума сойти! — Усмехнулся Грязнов. — А она этого парня так ненавидит, будто он главная помеха ее жизни. Да она локти кусать должна от досады, что упустила такого зятя...

Не говори глупостей, Максим. — Устало вздохнула я. — Евгении Леонидовне и без того есть из-за чего убиваться. Надеюсь, и Денису эта страшная история пойдет впрок. Думаю, теперь он понял, что возникающие в жизни проблемы нужно встречать с открытым забралом и решать их, а не просто убегать или прятать голову в песок... От этого они не исчезают, а наоборот, разрастаются до размеров трагедии.

Да уж. Я бы на его месте теперь сто раз подумал, прежде, чем жениться во второй раз.

Домой в этот день я опять попала поздно. Как только в девятичасовых выпусках местных новостей вышли сообщения с просьбой помочь в поисках Виктора Исаева и Марины Уголовой, немедленно посыпались звонки на наши телефоны, данные под фотографиями, для контактов. Я даже поразилась, каким буйным воображением обладают жители нашего города. Где только не видели Марину и Виктора наши добровольные помощники! Радиус этих встреч превышал сотню километров. Разброс во времени тоже впечатлял. Их встречали вчера, сегодня, на той неделе, в прошлом году. Одна женщина даже сообщила, что встречала эту парочку на горнолыжном курорте в Австрии. Вот так. Не больше, не меньше... Девяносто девять процентов сообщений мы отменили сразу, как малореальные или вовсе фантастические. Выезжала группа для проверки только семи сообщений, но и они не дали, к сожалению, никаких результатов. Мы снова оказались в тупике.

Вернувшись домой, я скинула в прихожей туфли и, не включая лампу, прошла в гостиную. На диване в пятне лунного света, раскинув лапы с добродушной немного глуповатой улыбкой на плюшевой морде сидел медведь. Я обняла его, как доброго приятеля, и сказала.

Привет. Вот я и дома.

Устало вытянувшись на диване, я подумала, что вообще то надо бы раздеться. Юбка помнется, да и блузка после ночи вряд ли будет выглядеть свежо и привлекательно. Но вместо того, чтобы подняться и надеть халат, я только крепче прижала к себе медведя. Было так приятно лежать в темноте и абсолютно ничего не делать... Я закрыла глаза и постаралась заснуть. Вместо этого в мою уставшую голову полезли непрошенные и совершенно нежеланные мысли. Как странно устроена жизнь, все в ней последовательно и взаимосвязано. Как только Лев Антонович вынес свой медицинский приговор по поводу моей беременности, как тут же судьба подкинула мне это злосчастное дело. Все вокруг хором из тысячи голосов вещают мне о радостях материнства, о том, что это великий шанс и неопишуемая удача... а жизнь вдруг

поворачивается ко мне совсем другой ужасно непривлекательной стороной. Она насильно заставляет меня увидеть изнанку счастливого и безоблачного фасада материнства. В нелепой даже уродливой форме предстали передо мной последствия внеплановой, нежеланной беременности... Я не могла даже представить себя на месте несчастной Вики Игошиной, которой теперь я и выздоровления то пожелать не могу. Что будет с ней, если вдруг она придет в себя и осознает всю глубину того горя, в котором сама же она и виновата? Мне было бесконечно жаль несчастную Евгению Леонидовну в одночасье лишившуюся и дочери, и внучки, и всяческих надежд на будущее... А ведь она, воспитывая Вику, призывая к стремлению учиться лучше и лучше, хотела дочери только хорошего. Кто же знал, что все так получится? Нелепо и глупо... А кто вообще что то может знать о будущем? Кто может рассказать, какой будет моя судьба? Как сложатся мои отношения с ребенком? Смогу ли я преподать ему правильные и безопасные уроки жизни? Что я сама знаю об этом? Как я смогу найти общий язык с этим маленьким существом? Ведь нас разделяет огромное, как небо, пространство. Шириной в долгих сорок лет.

Я вдруг поймала себя на мысли, насколько изменилось мое отношение к миру за последние несколько дней. Еще позавчера, лежа на этом самом диване, я предавалась безумной тоске по своей загубленной жизни, боялась перемен, которые грозят нарушить мой отлаженный быт, сломать карьеру, притормозить мой целеустремленный бег вперед к наградам, званиям и престижным кабинетам... Сегодня меня волнуют совсем другие проблемы... Почему то на первое место в моих мечтах и переживаниях, растолкав хрупкими локотками все честолюбивые замыслы, вылез маленький еще не родившийся человечек. Не успев появиться на свет, он перевернул всю мою душу, сменил характер, заставил вспомнить о любви и счастье. Он даже Максима мне вернул, а вместе с ним радость и мечты о будущем...

Видимо, убаюканная своими нехитрыми мыслями, я все же уснула, потому что звонок телефона, прозвеневший в моей квартире на рассвете, долго не мог поднять меня с мягкого и теплого дивана. Наконец, я все же села, но, хлопая глазами, никак не могла понять, что происходит, и почему в предрассветной тишине раздаются такие громкие и неуместные звуки. Еще пару минут я пыталась осознать природу этого звона и лишь потом дозрела до того, чтобы снять трубку и ответить «Алло!»

Ради бога извините, Тамара Владимировна! — Заволновалась трубка голосом Димы Панкова. — Максим не велел Вас будить, но я думаю, это важно... — Я вспомнила, что отославшийся за день Дима, с вечера опять заступил на свой боевой пост в квартире Уголовых. Оставлять Дашу одну в квартире после того, что случилось, было опасно, да и судьба Исаева до сих пор полностью не прояснилась. Неужели, у них там еще что то стряслось?

Сколько раз я тебя просила, Панков, если уж будишь человека посреди ночи, так хоть говорить постарайся сразу и по существу.

Слушаюсь! Там труп нашли. — Отрапортовал он.

Чей? И где? — От таких новостей я мгновенно окончательно проснулась.

Так этого, Исаева Виктора... Его на рассвете в двадцати пяти километрах от Окского моста рыбаки выловили... Макс туда уехал, а я не знаю, говорить Дарье об этом или не стоит пока? Она сейчас в таком состоянии...

Ни в коем случае. — Торопливо перебила Панкова я. — Это известие ее окончательно добьет, ведь со смертью этого человека надежда найти Марину Уголову живой и здоровой тает прямо на глазах...

Тамара Владимировна... — Дима замялся. — Вы считаете, девочка тоже утонула? Или шанс все-таки есть?

О ее смерти говорить пока рано. — Твердо ответила я. — Мы совершенно ничего не знаем о последних минутах жизни Исаева, он мог поступить с ребенком так, как считал нужным... Я лично продолжаю верить в то, что он не мог сознательно причинить девочке вред...

У Вас и у него понятия хорошего и плохого немного не совпадают, к сожалению... — Вздохнул Панков. — Вы извините, что разбудил, Тамара Владимировна. Отдыхайте.

Да уж какой теперь отдых, Дим. На улице рассвело... Я сейчас соберусь и приеду. Если Грязнов проявится, скажи, я на месте, в своем кабинете...

Я быстренько умылась, надела вместо помятой юбки и блузки голубые джинсы с удобными кроссовками и мягким теплым свитером, после чего вызвала из управления машину. Пока она ехала, я совершенно без аппетита съела бутерброд и запила чашкой горячего чая. Второй кусок батона с ветчиной я уже осилить не смогла, посмотрев на него, я со вздохом убрала еду обратно в холодильник. Получается довольно паршиво, завтрак проглотить меня вчера Грязнов заставил, обед я пропустила, об ужине просто забыла. Если так пойдет и дальше, то скоро я исхудаю так, что земля меня просто перестанет притягивать к себе. Мои пятьдесят пять килограмм при росте в сто шестьдесят шесть сантиметров и так не бог весть что, в смысле веса, а если от них еще и отнять килограммчиков пять-семь, то, боюсь, я сильно стану напоминать одного из узников Освенцима. Тут я совершенно некстати вспомнила о том, что я ведь теперь не одна, и этим несчастным бутербродом я накормила не только свой разнесчастный организм, но и то маленькое существо, которому не слишком повезло появиться в моем животе. Подумав об этом еще немного, я достала из холодильника второй бутерброд и налила еще одну чашку чая...

Максим в моем кабинете появился часов в семь, не выспавшийся и злой.

Ты хоть немного сегодня поспать то успела? — Вместо приветствия не довольно поинтересовался он. — Или так со вчерашнего вечера и не ложились?

И ложились, и спала, и завтракала, все, как положено.

Что ты решила насчет ребенка? — Неожиданно спросил он.

Ты считаешь, сейчас самое время говорить об этом? И место выбрал подходящее...

А у тебя все всегда не время. — Проворчал Макс. — Прячешь голову в песок, как страус. Но имей ввиду, принимать решение придется, причем в самое ближайшее время.

Ты же видишь, времени совсем нет. То одно. То другое. Я просто не могу сосредоточиться и подумать о своем будущем... — Пожаловалась я.

О своем, можешь думать когда угодно и сколько угодно. Будь добра, ответь мне, что ты решила насчет НАШЕГО совместного с тобой будущего? И что ждет НАШЕГО ребенка?

Я прижалась к его плечу и закрыла глаза. Как это здорово, что он назвал моего малыша нашим. Максим даже сам, наверное, не понимает, как хотела я услышать от него именно эти слова. Как нужны мне эти слова... Да просто необходимы! Сказать об этом Грязнову я не успела, нас снова прервал телефонный звонок. Макс довольно долго слушал, о чем ему вещала трубка мобильного телефона, потом хмуро сунул ее в карман брюк.

Цветков звонил. Ему только что труп Исаева доставили. Пойду, взгляну на него еще разок. — Энтузиазма в его усталом голосе не наблюдалось.

Так это все-таки оказался он?

А кто же еще? Он, Исаев Виктор Андреевич собственной персоной.

Поцеловав меня на прощанье в щеку, Максим отправился к Цветкову. Как только он вышел, у меня зазвонил сотовый.

Ты чего трубку то не берешь? — Недовольно спросила Оксана. — Пришлось на мобильник звонить.

Я не дома, Ксюш. — Откликнулась я.

Где это, интересно, ты находишься в половине восьмого утра? В гостях что ли ночевала или... — В голосе подруги сквозили нотки такого откровенного любопытства, что я поспешила прервать ее предположения, пока она не нафантазировала чего то возвышенного и необыкновенного.

Я на работе, к сожалению.

Ты что, мать, офонарела? В твоём положении ночами спать нужно, а не бдеть на трудовом посту. Что там такого, на этой работе, что не могло бы до утра подождать?

Да все то же, Ксюш, трупы, похищения... сегодня вот труп нашли. — Устало ответила я. — Вчера девочку похитили, маленькую...

Так ее же вроде того... задушили. — Удивилась подруга. — Я по телевизору в новостях смотрела. Еще что ли одну этот маньяк утащил? — Ахнула, сама испугавшись своей догадки, она.

Может и так. — Согласилась я. — Пока об этой девочке ничего не известно.

Так его еще не нашли до сих пор? — Расстроилась Оксана.

Нашли. Он умер.

Ты совсем меня запутала. Если похититель умер, то где тогда ребенок?

В этом весь вопрос. Кто, где...

Тебе, Том работу менять надо. — Сделала неожиданный вывод подруга. — Она совсем тебе не подходит.

Раньше ты говорила противоположное. — Напомнила я.

Я не учла некоторые особенности твоего характера.

Это какие же, интересно узнать? — Удивилась я.

И она еще спрашивает! Я ведь как думала? В милиции полно молодых, спортивных, совсем не дурственных мужичков. Чем не место для симпатичной одинокой женщины? Цветник! Выбирай не хочю. Кто ж знал, что ты окажешься такой занудой и мужененавистницей? Я уж и

надеяться перестала выдать тебя замуж за приличного человека. Ладно хоть Максима по своей глупости не упустила. Теперь и уходить из этого жуткого места пора, пока служебные отношения и твоя начальственная заносчивость все дело не запороли.

Надо подумать. — Засмеялась я. Оксана могла поднять настроение буквально двумя фразами, сказанными совершенно серьезно. По крайней мере она утверждает, что шутить и не собиралась. — А сама то ты чего в такую рань поднялась, случилось что?

Случилось. — Ворчливо отозвалась подруга. — Ты совсем что ли на этой своей работе мозгов последних лишилась? Число сегодня какое?

Батюшки! — Воскликнула я. — Забыла. Хотя такое событие и запомнить не грех.

Ничего себе! — Удивилась Оксана. — Это почему же? Вроде День рождения, а не поминки, и даже не развод.

А ты не забыла, сколько мне лет?

Считаешь, пора начинать скрывать дату рождения? — Деловито осведомилась подруга. — Между прочим, сходи в паспортный стол, может, по благу скостят немного годков, свои ведь ребята, тоже менты. Выглядишь ты отлично, так что без опасений лет на десять можно твой срок урезать. Теперь ты еще и мамочкой стать умудрилась. Я тут всю ночь, между прочим, голову ломала, что бы пожелать подруге дорогой? И представь, желать то тебе не чего! У тебя уже все есть. Ты умная, красивая, здоровая, успешная в работе, парня завидного отхватила, подругу самую лучшую... Так я, Том, ничего и не надумала.

Обидно. А я только слушать приготовилась.

Я решила позвонить пораньше и поздравить тебя самой — самой первой. А тебя и дома то нет...

Спасибо, Оксан. Только, боюсь, ты будешь и первой, и последней. Вряд ли кто вспомнит, про мой юбилей, раз уж я сама и то забыла.

Ты что же надеешься отделаться простым спасибо?

А что? — Растерялась я.

А ничего! Давай на выбор, или вы к нам приходите, или мы с Василием к вам, или все вместе идем в кабак.

Кто это «Вы»?

Не прикидывайся, — отмахнулась Ксюша. — Само собой «Вы», это ты и Максим. Ты не увливай от вопроса.

Тогда уж ко мне приходите. — Нерешительно ответила я, лихорадочно соображая, чем буду потчевать гостей? В холодильникемышь повесилась... Хорошо хоть в квартире убрано.

Значит, часиков в пять мы подгребаем.

Лучше в семь. — Быстро поправила я. — Работы много, до пяти могу не успеть...

Лады! В семь так в семь. — Согласилась Оксана и повесила трубку.

С ума сойти! Мне уже сорок! Когда то я считала, что это уже старость. На полном серьезе доказывала подружке, что в этом возрасте и жить то в принципе незачем. Разве может пожилая женщина мечтать о модной одежде, красивом любовнике? Да в сорок лет пора уж и о душе подумать! Можно, конечно, и помечтать. О прибавке зарплаты, о новом телевизоре, о бесплатной путевке в местный дом отдыха... Но романтическим грезам, поискам любви и смысла жизни в таком преклонном возрасте места уже просто нет. Так я думала в пору своей прекрасной юности. Теперь же, в канун юбилея, к моему искреннему изумлению оказалось, что жизнь то только начинается! Да я не испытывала такого морального подъема и душевного волнения пожалуй лет десять, а то и больше. Я даже в любовь начала верить, а то грешным делом считала это чувство удачной выдумкой режиссеров мыльных сериалов для привлечения большего числа домохозяек и других доверчивых зрителей. Я даже улыбнулась. Оксана права, я могла бы запросто убавить себе в паспорте лет пять-десять, в душе я чувствую себя если не на двадцать лет, то уж точно не старше тридцати. Здоровье отменное, фигура еще вполне ничего, морщин тоже вроде пока не намечается... И все же мне сорок. Сорок и не на год меньше. Говорят, с этого момента жизнь начинает лететь семимильными шагами, не успеешь оглянуться, уже сорок пять, баба ягодка опять, потом пятьдесят, шестьдесят.... Ну а дальше кому как повезет, как говорится, сколько господь отмерил... Настроение опять как то сникло, пожухло и свернулось в трубочку, как опавший осенний листок. Я достала из сумочки зеркало и придирчиво начала всматриваться в свое лицо... Да уж! Какие там двадцать и даже тридцать лет... Вот они, мои сорок лет, в каждой морщинке, в потухших невеселых глазах, в опущенных кончиках губ... Волосы давно пора подкрасить, кожа просто нуждается в питательной маске, не плохо бы записаться на массаж... «А почему бы мне сегодня не пойти к начальнику и не попросить отгул?» — Внезапно решила я. Действительно, почему? Имею я право в свой день рождения хоть не на долго забыть о трупах, поджогах и изнасилованиях? Могу сходить в салон красоты, спокойно вернуться домой и приготовить праздничный ужин? Интересно, когда я в последний раз просила Панченко освободить меня от работы? Сама не припомню, видно было это очень давно...

Я встала и решительно направилась в кабинет Ивана Тарасовича. К счастью, он был на месте. Принял он меня не особо радушно, но, в принципе, вполне благосклонно, учитывая наши натянутые отношения.

Ну, здравствуй, Кочетова! — Начальник откинулся на спинку крутящегося кресла и снисходительно на меня глянул. — Присаживайся. Я что хотел спросить, Шаров скоро из больницы выписывается?

А в чем дело? — Насторожилась я.

Да ничего особенного, — коротко хохотнул Панченко, — что вы, как ежик, ошетинились, Тамара Владимировна? Вы ведь сами настаивали довести это дело с женой полковника до суда. Так действуйте, Вам и карты в руки. Пусть Андрей заявление пишет, сами, как свидетель пойдете...

Я не поняла, Иван Тарасович, с чего бы это такие перемены? Вы же вчера еще запрещали нам в эти разборки соваться. Строгий выговор даже мне объявили....

Не надо передергивать, Тамара Владимировна! — Враз поскучнел начальник. — Зачем все в одну кучу валить? Выговор Вы получили законно и справедливо, за грубость и нарушение субординации. А нападение на нашего сотрудника, это совсем другая статья... Это даже полковничьим женам не позволительно.

Я встала и озадаченно посмотрела на Панченко. Хотелось бы мне знать, что значат такие

разительные перемены в мировоззрении начальства... Уже у двери Иван Тарасович окликнул меня.

Кстати, Тамара Владимировна, говорят, у Вас сегодня день рождения? Примите мои искренние поздравления и пожелания счастья. Можете с работы пораньше уйти. Гостей, небось пригласили? — Добродушно улыбнулся он. Я уставилась на Панченко с изумлением. Вот уж никогда бы не подумала, что этот человек забывает свою голову датами рождения подчиненных! Видя мое недоумение, начальник счел своим долгом пояснить. — Это меня недавно в управлении надоумили, там семинар у нас был по вопросам работы с личным составом. Советовали проявлять заботу и внимание. Вот я и распорядился, чтобы для начала в отделе кадров составили график дней рождения сотрудников. Они еще и стенгазету с поздравлениями к обеду вывесить обещали.

Я поблагодарила начальника и со всех ног кинулась в отдел кадров. Не хватало еще для полного счастья только стенгазеты с поздравлениями! И почему мне так не везет? Угораздило же Панченко начать заботу и внимание к сотрудникам именно с моего дня рождения. Девочки кадровички за коробку конфет вняли моим пламенным мольбам и согласились не вывешивать уже нарисованную газету, правда, пошли они на это с видимой неохотой. Больно уж красочное вышло поздравление. Они трудились над ним со вчерашнего дня и искренне не понимали причины моего недовольства. Для верности я попросила разрешения взять этот кусок ватмана с собой. Я выразила горячее желание украсить им гостиную у себя дома. Девочки с радостью согласились подарить мне газету в качестве подарка.

Я задумчиво брела из отдела кадров с рулоном ватмана под мышкой, старательно обдумывая, что бы такого придумать из закусок, чтобы получилось вкусно, но и времени бы много не заняло. В это время из-за поворота вынырнула худосочная фигура Миши Цветкова. Он стремительным шагом приблизился к кабинету Панченко и на мгновение замер перед дверью, не решаясь войти. Я окликнула эксперта, и он, облегченно вздохнув, юркнул за мной ко мне в кабинет.

Привет. Чего это ты у Ивана Тарасовича забыл? — Поинтересовалась я.

Так вызвал он меня срочно со всеми экспертизами по делу Зайцевой. А у меня и нет ничего, кроме полена со следами крови... Уж как он орал, никому не пожелаю... Велел срочно гнать в этот дурацкий кооператив «Заря», снимать отпечатки, правда, ума не приложу чьи, тапки в опилках фотографировать. Совсем сбрендил Панченко. — Возмущенно махал руками Миша. — Как будто они там стоят и меня дожидаются. Да эта дамочка, небось, первым делом, как из обезьянника вырвалась, помчалась следы уничтожать. — Я вспомнила, куда именно направилась Зайцева после освобождения, и улыбнулась. — Сразу надо было заниматься, так нет, вчера еще орал, чтобы я засунул это полено.... Ну Вы дама, так что я воздержусь от уточнений куда именно совать.... — К Михаилу постепенно возвращалась его обычная жизнерадостность.

Интересно, что это с ним за ночь произошло? Может, сон какой вещий привиделся? Или сверху поступил приказ накопать компромат на Зайцева...

Ой! Да ничего подобного! — Заверил меня эксперт. — Просто полковник застукал свою благоверную сегодня с мужичком. Именно там, на даче. И, естественно, теперь полон праведного гнева и желания покарать предательницу.

Надо же, как все банально то! Даже скучно. — огорчилась я. — А я грешным делом думала, Панченко на путь перевоспитания встал...

Ага, встал! — Радостно заверил Цветков. — Ногой в ... Ну да ладно. А чего это Вы с чертежной бумагой разгуливаете? Или рисовать собрались?

Только тут я заметила, что, заслушавшись Мишу, я так и держу в руках стенгазету.

Да нет, ничего. — Торопливо сказала я, засовывая рулон за шкаф. — Это просто так... Так что ты решил с Зайцевой?

А что тут решишь? — Вздыхнул эксперт. — Кровь на полене не Андрюхина, отпечатков пальцев само собой на дереве не осталось... Что я еще то могу? Мне предоставили материал, я обработал. Какой с меня спрос?

Кто ж знал, как дело повернется, я и полено то брать не собиралась, просто так, приструнить нахалку хотела... Интересно, а просто развестись с женой он не может? К чему вся эта бодяга с судом? Охота позориться?

Тамара Владимировна, Вы что, маленькая? Элементарных вещей не понимаете. Полковник человек состоятельный. При разводе делиться положено с женой, а он придумал способ выставить ее с голой задницей. Дешево и сердито.

Ты, Миш, вроде молодой совсем, откуда такие философские познания?

Родился такой. Ну время тяни не тяни, а к Панченко все равно идти придется.

Так иди, чего понапрасну начальство нервировать.

Миша ушел, а я, положив перед собой чистый лист бумаги, принялась составлять список продуктов, которые следовало приобрести в супермаркете на углу. Реестр получился довольно внушительный. Я вздохнула и сложила листок вчетверо. Ходить по магазинам я ненавижу с детства, особенно напрягают продовольственные отделы. Видимо, охоту к совершению покупок у меня отбила мама. Вот она чувствовала себя в магазинах и на рынке, как рыба в воде! Ее не смущали длинные очереди, толкучка и даже ужасные запахи, особенно в рыбных и овощных отделах... В то время, как она заинтересованно и азартно изучала витрины и прилавки, торговалась с рыночными торгашами, я по малолетству скучала где то под прилавком, на уровне маминых коленок, и мечтала только об одном, чтобы началось землетрясение или потоп... без разницы, только бы срочно выскочить на улицу, поближе к свету и свежему воздуху. Сейчас в магазинах очередей, к счастью, нет, разве что в кассу пара человек, не больше, но детские впечатления наложили отпечаток на всю жизнь.

Ради дня рождения я решила в качестве подарка от коллектива злоупотребить служебным положением и вызвала нашу «Волгу» с шофером. Коля помог мне основательно затариться продуктами и дотащить все это богатство до родного холодильника. После чего, я слегка успокоившись по поводу вечернего пиршества, вернулась в отделение.

Первое, что бросилось в глаза при входе, красочное поздравление Кочетовой Тамары Владимировны с сорокалетним юбилеем. На стандартном куске ватмана красовался умильный пес, держащий в зубах пестрый букет цветов, рядом с ним улыбался заяц в гусарском доломане, в лапе которого находилась огромная открытка со словами поздравления. Девочки из отдела кадров не зря потратили на это произведение художественного искусства целый рабочий день. Получилось здорово. Именно эту стенгазету я старательно запрятала в кабинете за шкаф. Интересно, какой паразит извлек это великолепие на обозрение общественности?

В кабинете меня поджидал еще один сюрприз. Пятнадцать красных роз в вазе на столе и три

улыбающиеся хитрые физиономии за столом. Максим, Миша и Дима при моем появлении резво вскочили и хором затянули поздравительный куплет.

Не стоит так галдеть ребята. — Попросила я, прикрывая поплотнее дверь. — Чего доброго Панченко решит, что мы начали отмечать прямо на рабочем месте...

Причем без него. — Дополнил мою мысль Миша.

А это идея! — Невинно округлил глаза Макс и достал из под стола бутылку шампанского.

А у меня как раз по случаю стаканчики одноразовые в кармане завалялись. — Панков извлек из нагрудного кармана упаковку пластиковой посуды.

Ну, хорошо, — Не стала ломаться я. — Выпьем по немногу.

За счастье и здоровье. — Опять дополнил эксперт, открывая бутылку, пробка выскочила из горлышка с тихим свистом, и мы дружно сдвинули стаканы....

Спрятав пустую бутылку в нижний ящик стола, я поблагодарила ребят за поздравление.

Я сегодня планирую пораньше домой уйти. Гости ожидаются, праздник все-таки. Приглашаю Вас всех троих. — Я выразительно посмотрела на Макса, и перешла к следующему вопросу. — Ну, а теперь давайте быстренько обсудим, как продвигаются поиски Марины Уголовой. Дим, ты опять всю ночь провел у Дарьи. Как там обстановка?

Я уж пока Вас не было докладывал Максиму. Дарья Валентиновна переживает сильно, всю ночь из угла в угол ходила, не прилегла даже... Я, как Вы и сказали, не стал ей сообщать о том, что труп Исаева выловили из реки...

Правильно. Ей это сообщение ничего кроме горя не принесет... — Кивнула головой я.

Она что так была привязана к этому извращенцу, похитившему к тому же ее ребенка? — Удивленно посмотрел на нас Цветков.

Да при чем тут это? — Поморщился Максим. — Просто его смерть оставляет мало шансов для поисков Марины Уголовой... Жаль, что этот подонок подох...

Сорвался с крючка. — Хохотнул совершенно не к месту Миша. — Жаль. Уж ты бы его непременно во всех грехах сознаться заставил...

Грязнов начал медленно наливать краской, его руки непроизвольно сжались в кулаки. Эта тема для Макса была сейчас настолько болезненной, что даже намек на то, что судьба Виктора Исаева во многом лежит на его совести, выводил парня из себя. Я тоже считала, что настойчивость Максима в преследовании подозреваемого была излишней, но все же выпад Цветкова посчитала неуместным. Хотя заставить Мишу молчать я не могла, но постаралась немного сгладить неловкость.

Это дело все мы завалили глупо и бездарно. За все время службы мне, пожалуй, впервые стыдно за то, как мы провели следствие. Ряд наших промахов, непрофессионализма и нелепых совпадений привели к непоправимым последствиям. С этим уже ничего поделать не возможно. Но если мы допустим еще хоть одну ошибку, то оправданий нам просто невозможно будет найти... Необходимо как можно быстрее разобраться в судьбе Марины Уголовой. Если мы найдем ее живой и невредимой, это хоть отчасти сгладит наши неудачи и промахи... Значит,

Панков возвращается к Уголовым, Грязнов продолжает искать следы девочки, Цветков работает с ним. Всем все ясно?

Ребята разошлись в довольно подавленном состоянии. Я собрала сумку и поехала домой, готовиться к встрече гостей.

ГЛАВА 17.

Я поставила последний фужер и придирчиво осмотрела стол. Вроде бы, все нормально, не экстрас класса, конечно, но для дружеской вечеринки вполне подходяще. Так. Тарелки, рюмки, фужеры, вилки, салаты, нарезка, еще куча разнообразных деликатесов, купленных мной в готовом к употреблению виде... Вроде, ничего не забыла. Ах да! Надо еще салфетки положить, вымыть фрукты и нарезать хлеб... Но это можно и попозже сделать, а сейчас пора заняться своим внешним видом, на часах уже шесть, а я все еще в халате и бигудях. Я бросила стол и направилась в ванну...

Как ни странно, первым гостем оказался Миша Цветков. Он принес цветы, конфеты и флакончик японских духов. По его смущенному виду я поняла, что случилась какая то неприятность.

Почему ты один? — Подозрительно поинтересовалась я. — Где Макс с Димой?

Попозже придут. — Отмахнулся Михаил. И восторженно добавил:

— Тамара Владимировна, да Вы просто красавица! Обалденно выглядите. И платье Вам очень к лицу. — На мой взгляд слишком восторженно.

Ты мне зубы то не заговаривай, конспиратор фигов. Давай, колись, где мужиков потерял?

Да они правда отстали просто... — начал было свою песню Цветков, но потом махнул рукой. — Говорил я Макс, что врать не умею... Он не хотел Вам праздник портить...

Не тяни, ты меня пугаешь...

Да ничего страшного, — заторопился он. — просто сведения какие то насчет Марины Уголовой появились, сомнительно, конечно, что они стоят внимания, скорее всего очередное фуфло, но проверить все равно нужно... Ну, Вы знаете, Макс это дело своим кровным считает, ни на какую подмену не согласился, даже ради Вашего праздника, говорит, если девочку живой найдет, то это для Вас лучшим подарком станет, ну, и Димка с ним... А меня для компании к Вам делегировали, как самого веселого, чтобы было с кем поболтать, то да се...

Я тебе дам то да се! — Шутливо погрозила пальцем я. — Ты еще до се не дорос.

В этот момент, наконец то, пожаловали господа Соломины. Василий протянул мне букет величиной с пятилетнего ребенка, а Оксана вручила китайскую вазу по размеру соответствующую гигантскому букету мужа. Увидев позади меня Михаила, она застыла от изумления и чуть не выронила из протянутых рук бесценный подарок, похлопав секунд десять глазами, она опомнилась и потащила меня на кухню.

Это еще кто такой? — Возмущенно зашипела она. — И где Максим?

А чем Миша тебе не понравился? Молодой, красивый. Кажется, двадцать восемь или двадцать

девять ему... Точно не помню.

Ты офонарела что ли на старости лет? — Развела руками Оксана. — Разгулялась, красотка. Каждый день с новым мужиком, а те все молодеют и молодеют... Смотри, не пришлось бы нянчить двоих: ребеночка, который родится, и мужа. За девять то месяцев как раз до школьников докатишься.

Не искушай, подруга. Лучше к столу пойдем, а то уж все закуски заветрили.

Не знаю, стоит ли оставаться, может, ты и подругу решила сменить, помоложе найти да покрасивше...

Хватит дурью маяться, — засмеялась я. — Придет твой Грязнов, куда он денется? Закончит расследование и примчится к нам.

Ну, тогда ладно, — ворчливо согласилась подруга. — А то я прямо вся расстроилась...

Так шевелись побыстрее, настраивать будем.

Время тянулось до невозможности долго. Я заметила, что и Миша, который без усталости шутил, развлекал Оксану, подливал в фужеры вино, так же как и я, тайком поглядывает на часы. Мы обсудили уже все новости, включая погоду и последний футбольный матч, а от ребят все не было никаких известий....

Звонок в дверь раздался в половине одиннадцатого, Василий к этому времени уже клевал носом, Цветков успел научить Оксану танцевать твист и перешел к самбе. Я со всех ног кинулась открывать. А пороге стоял Максим. Вид у него был довольный и какой то подозрительно хитрый. Выскочившая за мной раскрасневшаяся подруга схватила нового гостя за рукав и потащила к столу. Он не сопротивлялся, охотно принял из рук Миши фужер и попросил внимания.

Дорогая, Тамара, я хоть и опоздал, но без подарка, сама понимаешь, прийти не мог. Целый день голову ломал, что можно подарить такой прекрасной женщине, чтобы не показаться банальным.

Ну не томи, Макс. — Нетерпеливо ткнула его в бок Оксана. — Чего принес? Колись!

У тебя, Том, все есть. Только тепла домашнего немного не хватает. Вот я и принес тебе тепло. — Он сунул руку запазуху, вынул оттуда крошечного сиамериканского котенка и поставил его на пол около моих ног. Малыш покачался на тоненьких неуверенных ножках, с опаской оглянулся по сторонам и испуганно мяукнул. Потом сделал пару шажков, поскользнулся на паркете, присел и отчаянно заплакал. Я испуганно схватила его на руки. Котенок мгновенно успокоился и посмотрел на меня любопытными бусинами глаз. Я прижала к груди его тщедушное тельце. Оно действительно было теплым и очень домашним.

Что я буду делать с ним, Макс? Да он у меня с голоду помрет.

Не помрет. — Уверенно ответил он. — Я и принес малявку тебе, чтобы ты дома почаще бывала. Будешь его кормить, глядишь, и сама перекусишь за компанию. Тебе привыкать надо заботиться о ближнем.

Обо мне кто бы позаботился. — Мечтательно протянула я.

Только попроси, и я не отойду ни на шаг, буду не просто заботиться, а на руках носить.

Позади раздался грохот и звон разбитого стекла. Это Миша Цветков, пораженный тем, что только что услышал, поставил фужер мимо стола, а потом, стараясь поймать, его снес с угла чайник для заварки.

Такое развитие событий мне нравится. — Заявила Оксана. — Я согласна быть свидетельницей на вашей свадьбе. Но, чур, не раньше, чем через месяц. Мне нужно сшить шикарное платье...

Спасибо, что хоть месяц подумать дала, — с иронией заметила я. — А теперь давайте-ка снова все за стол, а то Максим с работы, голодный, наверное.

А Димка то, что не пришел? — Когда все расселись, поинтересовался Цветков.

Да он опять у Даши остался... Если так пойдет, он там вообще пропишется скоро...

Не время, конечно, но я все же не могу не спросить, — с виноватой улыбкой извинилась я. — Как там насчет девочки?. — Вопрос был хоть и не совсем праздничный, но заинтересовал всех всерьез.

Все нормально. — Успокоил присутствующих Грязнов. — Мы ее нашли. — Он наложил себе в тарелку салата и окинул взглядом наши озадаченные лица.

Будешь время тянуть, отниму тарелку. — Пригрозила Оксана.

Только не это! — Притворно испугался Макс.

С ней все в порядке? — С тревогой спросила я.

Практически да. Немного коленки ободраны, пара синяков... Ну и напугана, конечно, сильно... Но с этим, я думаю, все в порядке будет. Ее сначала хотели в больницу на всякий случай отправить, но Дарья, как узнала, что ее дочь нашлась, вцепилась в девочку мертвой хваткой и наотрез отказалась от госпитализации. Панков, само собой, ее поддержал, и они все вместе к Уголовым поехали. Да и Марина рядом с матерью сразу как-то спокойнее стала...

Это все хорошо. — Нетерпеливо перебила Максима я. — Ну, а где она все-таки была все время, почему объявилась только сегодня? Не на улице же она жила, без воды и пищи...

Конечно, нет. Вам Миша, наверное, уже рассказал, что нам позвонили насчет появившегося неизвестно откуда ребенка как раз в тот момент, когда мы уже практически в дверях стояли, чтобы к тебе в гости идти...

Слушай, Макс, не тяни, а. — Взмолилась я. — Ты по существу рассказывай, кто прятал Марину. И зачем? Нас это в первую очередь интересует. — Оксана ничего не сказала, только молча усиленно закивала головой и снова выжидательно уставилась на Грязнова.

Да никто ее не прятал. — Пожал плечами Максим. — Все оказалось просто до глупости. Ты как всегда была права, Исаев не собирался причинять ребенку никакого вреда, он вытолкнул ее из машины, как только вырвался из кольца оцепления, практически в нескольких десятках метров от нас... Только мы в суете и спешке этого не заметили. Напуганная Марина, вскочила на ноги и, не обращая внимания на ободранные колени, побежала от этого места прочь. Потом она забилась в первый попавшийся подъезд и затаилась там.

Она что, все это время в подъезде сидела? — Удивился Василий.

Да нет. Ее заметила пенсионерка, Авдониная Елена Александровна. Она пошла на улицу выбросить мусор в контейнер, тут и заметила под лестницей девочку. У нее был сильный жар, она просто тряслась в ознобе, как вы помните. Марина накануне всех этих страшных событий слегла с ангиной. К тому же ребенок беспрерывно плакал... Елена Александровна пожалела девочку и пригласила к себе. Марина ничего не смогла рассказать ей о себе, видимо, от сильного потрясения, она только тряслась и крепко прижималась своим худеньким горячим тельцем к старушке. А женщина в свою очередь почему то решила, что девочка сбежала из детского дома, который находится в трех кварталах от ее дома. Когда она спрашивала Марину об этом, та молчала и только кивала головой, глядя на нее испуганными глазами. Елена Александровна решила немного подлечить ребенка, а уж потом возвращать в детдом, напоила лекарствами и уложила в постель...

По телевизору фотографию Марины чуть ли не каждый час показывали, — с досадой сказала я. — И по радио ее приметы передавали...

А у бабули телевизора вовсе нет... Вернее есть, но сломался лет пять назад, на новый денег нет. И с радио проблемы, слышит она плохо...

Ясно. Ну, а сегодня почему вдруг позвонить решила? Марина успокоилась и начала говорить?

Нет. Все было не совсем так. Позвонила внучка Авдониной. Она приходит к бабушке раз в неделю, убирается, помогает по хозяйству. Она сначала в детский дом обратилась, чтобы успокоить руководство насчет девочки, и очень удивилась, что они совершенно ничего об этом не знают. Само собой следующий ее звонок был в милицию.

В комнате повисло напряженное молчание. Все приуныли, думая каждый о своем. Не смотря на то, что все, наконец то, закончилось, причем довольно счастливо, ни веселья, ни радости на лицах моих гостей почему то я не увидела. Все подавленно молчали. Наверное, сказывалось то напряжение и нервозность, которые преследовали нас в последние дни... Положение попытался спасти Василий.

А что это мы о празднике то забыли? — Бодро поинтересовался он, беря в руки бутылку с вином. — За столько лет напряженной работы пора бы научиться оставлять служебные проблемы за порогом своего дома. А то и в пессимиста недолго превратиться. Давайте музыку включим и станем веселиться. От того, что все мы станем сидеть за столом с похоронными лицами, ничего хорошего не прибавится. Зато на свете появится одна несчастная, обделенная вниманием именинница.

А этого мы позволить просто не можем! — Поддержал Ксюхиного мужа Максим. — Для этого мы ее очень любим...

* * *

Когда гости покинули мой дом, было глубоко за полночь. Максим настоял на том, чтобы я легла отдыхать, а сам принялся перемывать посуду. Я для порядка поломалась, настаивая на том, чтобы делать это вместе, но, откровенно говоря, была страшно благодарна Максиму за возможность вытянуться на диване. Последние два часа у меня начала навязчиво ныть поясница, да и устала я за этот длинный день страшно. Положив голову на плюшевого медведя, я вдруг с испугом подскочила, услышав прямо под ухом какое то движение и царапанье. Батюшки! Неужели в моей милой уютной квартирке завелись мыши? Я осторожно потянула мишку за заднюю лапу и чуть не рассмеялась. Из под плюшевого пуза показалась

встрепанная заспанная мордочка, подаренного Максимом котенка. Я аккуратно посадила на ладонь теплый комочек и снова прилегла на диван. Сегодняшний день начался для меня слишком рано, я не просто устала, я вымотана до предела, нет сил пошевелить ни ногой, ни рукой Вот интересно, если я все же рискну родить ребенка, смогу я справиться с его воспитанием самостоятельно, без посторонней помощи. Я помню, когда родилась первая Ксюшина дочка, она жаловалась, что приходится крутиться, как белке в колесе, она постоянно не высыпалась, особенно первые три месяца, чувствовала себя, как выжатый лимон, при этом постоянно ломило раздавшауюся от молока грудь... Конечно, она все это смогла перенести с относительной легкостью. Но ведь рядом была мама, Василий... Да и годков ей было поменьше. В двадцать лет любые трудности и невзгоды переносятся легко, не то что в сорок. Так стоит ли ломать привычный, сложившийся уклад своей жизни, бросаться сломя голову в эту сомнительную авантюру? Хотя, наверное, называть ребенка авантюрой не хорошо. Но я как то до сих пор не могу заставить себя воспринимать эту жизнь, вопреки моему желанию, зародившуюся во мне, как что то реальное, осязаемое, одушевленное, способное переживать, чувствовать боль и радость... Постепенно сон накрыл меня своим ватным одеялом, звуки стали приглушенными, а потом и вовсе исчезли. На смену им пришли яркие картинки красивого сна. Мне было тепло и уютно в моих сновидениях, поэтому я почувствовала легкую досаду, когда сильные руки Максима подхватили меня и понесли в спальню... Когда мы достигли кровати, досада очень быстро улетучилась, ее просто вытеснила ласковая нежность губ, осыпавших меня страстными поцелуями...

ГЛАВА 18.

Прошло две недели. Я, как и обещала Максиму, взяла отпуск и целыми днями валяюсь на диване. Котенок, я назвала его Митькой, совершенно освоился в моей квартире, научился, цепляясь острыми маленькими коготками, залезать не только на кресла и кровать, но и на стол. Правда, при этом он, повиснув на скатерти, несколько раз стаскивал чашки или тарелки, стоявшие на самом краю. Теперь я даже не представляю, как могла раньше обходиться без этого мохнатого хулигана. Иногда я, конечно, ругаю Митьку за разбитую посуду, за драные обои и обсосанные шнурки, но чаще радуюсь его присутствию, умиротворенному сытому урчанию, и ласковой нежности, с которой котенок трется о мою голую ногу. Все таки Максим прав, человек, заботясь о ближнем, становится добрее, отзывчивей и намного мягче.

К концу первой недели моего добровольного заточения я начала скучать. Интересно, как это некоторые женщины всю жизнь сидят дома на диване и занимаются только уборкой и приготовлением пищи? Жуть! Я бы, наверное, скончалась от тоски где то в первое полугодие такой жизни. Макс посещает нас с Митькой ежедневно. Приносит продукты, чтобы мы не погибли в четырех стенах от голода. Мите молоко, мне витамины. Грязнов для себя все уже твердо и окончательно решил. Если бы не мое активное сопротивление, Макс уже давно переселился бы ко мне со всеми своими вещами. Роль главы семьи очень пришлось ему по вкусу. Не беда, что наша ячейка состоит пока только из двух с половиной человек. (Даже двух с четвертью, Митька пока до половины человека не дотягивает). Все равно он считает себя обязанным учить нас жизни, читать нудные лекции о правильном питании и пользе физических упражнений.

Оксана ежедневно звонит или забегает на чашечку чая. И постоянно изводит меня одним и тем же вопросом, что я надумала по поводу ребенка и собираюсь ли я выходить замуж за Максима? Сначала я честно отвечала подруге, что никак не могу определиться с этим, то вдруг склоняюсь к тому, что можно бы и рискнуть, а порой даже и думать об этом боюсь. Оксана настойчиво требовала короткого и конкретного ответа, и теперь мне приходится просто-напросто прикрывать ей ладонью рот, как только вижу в Ксюхиных глазах огонь любопытства и

желания снова поинтересоваться моими планами на будущее.

Что творится у нас на службе, меня волнует мало. После стольких лет напряженной работы я впервые по настоящему расслабилась и потеряла интерес к деятельности родного отделения. Панченко выразил крайнее недовольство моим внезапным решением отгулять сразу два просроченных отпуска, но препятствовать не решился и с кислой миной приказ все-таки подписал. Максим старается не обсуждать со мной служебные проблемы, хотя я чувствую, что работы ребятам хватает, по крайней мере Грязнов иногда появляется такой усталый и вымотанный, что просто валится на диван и мгновенно засыпает. Несколько раз среди ночи звонил Панков, после долгих смущенных извинений выдергивал Макса из кровати и тащил на задание... Два дня назад Дима приходил ко мне в гости, с тортом и фруктами. Видимо, мой внезапный отпуск ребята восприняли чем-то типа болезни и считали своим долгом подкармливать меня витаминами.

Дима за последнее время очень сдружился с семьей Уголовых, мне даже кажется, что он всерьез неравнодушен к Дарье. По крайней мере у меня он только и говорил о ней, Тане, ну и, конечно же, о Марине... Девочка поправилась, заботливая мать довольно быстро вылечила ее ангину, синяки и царапины... Только вот говорить Марина до сих пор отказывается. Дима пытается уговорить Дашу обратиться к хорошему специалисту, который поможет ребенку избавиться от последствий перенесенного стресса, а она надеется, что все как-нибудь само наладится, достаточно заботы и искренней любви близких...

Андрей Шаров выписался из больницы, но домой возвращаться не стал, он временно поселился у Миши Цветкова и всерьез планирует подать на развод. Свое нынешнее место жительства он от жены скрывает, и она несколько раз приходила скандалить по этому поводу прямо в отделение, последний раз, не застав никого из ребят на месте, она излила весь свой гнев на голову Ивана Тарасовича Панченко, который случайно, совершенно не вовремя попался женщине под горячую руку. Сделала она это совершенно напрасно, так как, не долго думая, Панченко вызвал наряд и отправил дебоширку в обезьянник, обвинив в хулиганстве и нападении на должностное лицо при исполнении им служебных обязанностей. Дай бог, если для Натальи все окончится простым штрафом, но позорить мужа на работе, надеюсь, эта история отучит ее раз и навсегда.

Сегодня с утра я валялась в кровати часов до одиннадцати. Максим поднялся чуть свет и улетел по каким то служебным necessitatibus, он чмокнул меня на прощанье в щеку и пообещал непременно вернуться то ли к обеду, то ли вечером... Я спросонья не поняла. Окончательно проснулась я около десяти и еще целый час не могла найти в себе силы спустить ноги на пол и направить их в кухню. Добравшись, наконец, до холодильника, я принялась за составление большого и сложного бутерброда, хоть мне даже смотреть на еду было муторно, но я не хотела нарушать данного Максиму обещания позавтракать, как следует.

На сегодняшний день Лев Антонович назначил мне консультацию, на которой я должна окончательно определиться, как я буду жить дальше. Доктор очень строго сказал мне в прошлый раз, что время для размышлений кончилось, и мне пора всерьез задуматься о здоровье и благополучии моего будущего ребенка. Сегодня он ждет окончательного решения, а я так и не смогла разобраться в себе.

Я была уже почти готова ехать в больницу, когда раздался настойчивый звонок в дверь. Я открыла и с удивлением уставилась на парня в комбинезоне. Он, улыбаясь, протянул мне листок и ручку.

Служба доставки! — Радостно возвестил он. — Распишитесь в получении...

... Через пятнадцать минут, когда я, растерянная и счастливая, сидела в гостиной, заваленной половиной товара местного Детского мира, в окружении кровати, коляски, мячей и погремушек, появился Максим. В руке он держал довольно объемистый чемодан. Поставив вещи на пол, он удивленно спросил:

А почему ты сидишь, нас же Лев Антонович ждет. Да и в ЗАГС сегодня успеть надо, ты же не хочешь, чтобы наш малыш считал себя нежеланным, потому что родился в неполной семье?

Я ничего не сказала, просто прижалась к его широкой груди и замерла под ее надежной защитой. Я и не представляла до этой минуты, как это здорово, когда есть человек, который заботится о тебе и может принимать за тебя самые трудные и ответственные решения...

mir-knigi.org